

МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ISSN 1819-2785

ФЕДЕРАЛЬНОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
РОССИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЦЕНТР СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
ПРИ МИНИСТЕРСТВЕ ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Theory and Practice of Forensic Science

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Scientific and Practical Journal

Том
Vol. 12

№ 3

2017

ФЕДЕРАЛЬНОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
РОССИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЦЕНТР СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
ПРИ МИНИСТЕРСТВЕ ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Theory and Practice of Forensic Science

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Scientific and Practical Journal

Том
Vol. 12

№ 3

2017

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Научно-практический журнал

«Теория и практика судебной экспертизы» – это рецензируемый научно-практический журнал, публикующий результаты фундаментальных и прикладных научных исследований российских и зарубежных ученых в виде научных статей, обзорных научных материалов, научных сообщений, библиографических обзоров и исторических справок по вопросам судебно-экспертной деятельности.

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (www.elibrary.ru).

ОСНОВНЫЕ РАЗДЕЛЫ ЖУРНАЛА:

- Нормативная правовая база
- Теоретические вопросы
- Вопросы подготовки судебных экспертов
- Стандартизация и менеджмент качества
- Экспертная практика
- Методы и средства
- Колонка судьи, следователя, адвоката
- Международное сотрудничество
- Дискуссия
- Судебная экспертиза за рубежом
- Конференции, семинары, круглые столы
- Персоналии и исторические очерки
- Новые книги по судебной экспертизе и криминалистике
- Рецензии

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: *Смирнова Светлана Аркадьевна*, д. ю. н., профессор, ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (Москва, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА: *Усов Александр Иванович*, д. ю. н., профессор, ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (Москва, Россия)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР: *Никулина Марина Вячеславовна*, к. б. н., ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (Москва, Россия)

ПЕРЕВОДЧИК: *Игнатъева Анна Александровна*

ВЕРСТКА: *Мурзаев Алхан Магомедбекович*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Бутырин Андрей Юрьевич, д. ю. н., профессор, ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (Москва, Россия)

Замараева Наталья Александровна, к. ю. н., доцент, ФБУ Северо-Западный РЦСЭ Минюста России (Санкт-Петербург, Россия)

Колдин Валентин Яковлевич, д. ю. н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Крестовников Олег Анатольевич, к. ю. н., ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (Москва, Россия)

Майлис Надежда Павловна, д. ю. н., профессор, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя (Москва, Россия)

Махов Вадим Николаевич, д. ю. н., профессор, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Микляева Ольга Васильевна, к. ю. н., доцент, ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (Москва, Россия)

Моисеева Татьяна Федоровна, д. ю. н., профессор, Российский государственный университет правосудия (Москва, Россия)

Омельянюк Георгий Георгиевич, д. ю. н., доцент, ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (Москва, Россия)

Россинская Елена Рафаиловна, д. ю. н., профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА) (Москва, Россия)

Рубис Александр Сергеевич, д. ю. н., доцент, Государственный институт повышения квалификации и переподготовки кадров таможенных органов Республики Беларусь (Минск, Республика Беларусь)

Сейтенов Калиолла Кабаевич, д. ю. н., профессор, Институт судебной экспертизы Университета КазГЮУ (Астана, Казахстан)

Секераж Татьяна Николаевна, к. ю. н., доцент, ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (Москва, Россия)

Хазиев Шамиль Николаевич, д. ю. н., доцент, Институт государства и права РАН (Москва, Россия)

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:

ISSN:

Периодичность:

Учредитель:

Сайт:

Адрес:

e-mail:

Подписка

Федеральная служба по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-22228 от 28 октября 2005 г.)

1819-2785 (Print)

4 раза в год

Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации (ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России)

<http://www.tipse.ru>

109028, Москва, Хохловский пер., 13, стр. 2

journal@sudexpert.ru

Каталог «Почта России»

THEORY AND PRACTICE OF FORENSIC SCIENCE

Science & Practice Journal

«Theory and Practice of Forensic Science» is a peer-reviewed academic journal that publishes the findings of fundamental and applied research conducted by Russian and foreign scientists in the form of research papers, review articles, scientific communications, literature reviews, and historical overviews on the issues of forensic science and practice. The journal is included in the List of peer-reviewed academic journals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Ministry of Education, and is required to publish the key scientific findings of dissertations for doctoral and candidate's degrees.

The journal is listed in the system of the Russian Science Citation Index (www.elibrary.ru).

Main sections of the journal:

- Legal and Regulatory Framework
- Theoretical Issues
- Education and Training in Forensic Sciences
- Standardization and Quality Management
- Forensic Casework
- Methods and Tools
- Judge's/Investigator's/Lawyer's Column
- International Cooperation
- Discussion
- International Perspectives in Forensic Science
- Conferences, Seminars, Round Tables
- Biographies and Histories
- New Books in Forensic Science & Criminalistics
- Reviews

EDITOR-IN-CHIEF: *Smirnova Svetlana Arkad'evna*, Doctor of Law, Professor, RFCFS of the Russian Ministry of Justice (Moscow, Russian Federation)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF: *Usov Aleksandr Ivanovich*, Doctor of Law, Professor, RFCFS of the Russian Ministry of Justice (Moscow, Russian Federation)

PRODUCTION EDITOR: *Nikulina Marina Vyacheslavovna*, Candidate of Biology, RFCFS of the Russian Ministry of Justice (Moscow, Russian Federation)

TRANSLATOR: *Ignat'eva Anna Aleksandrovna*

DESIGNERS: *Murzaev Alkhan Magomedbekovich*

EDITORIAL BOARD:

Butyrin Andrei Yur'evich, Doctor of Law, Professor, RFCFS of the Russian Ministry of Justice (Moscow, Russian Federation)

Zamaraeva Natal'ya Aleksandrovna, Candidate of Law, Associate Professor, North-Western Regional Center of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice (Saint Petersburg, Russian Federation)

Koldin Valentin Yakovlevich, Doctor of Law, Professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)

Krestovnikov Oleg Anatol'evich, Candidate of Law, RFCFS of the Russian Ministry of Justice (Moscow, Russian Federation)

Mailis Nadezhda Pavlovna, Doctor of Law, Professor, V.Ya. Kikot' Moscow University of the Russian Ministry of the Interior (Moscow, Russian Federation)

Makhov Vadim Nikolaevich, Doctor of Law, Professor, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation)

Miklyayeva Ol'ga Vasil'evna, Candidate of Law, Associate Professor, RFCFS of the Russian Ministry of Justice (Moscow, Russian Federation)

Moiseeva Tat'yana Fedorovna, Doctor of Law, Professor, Russian State University of Justice (Moscow, Russian Federation)

Omelyanyuk Georgii Georgievich, Doctor of Law, Associate Professor, RFCFS of the Russian Ministry of Justice (Moscow, Russian Federation)

Rossinskaya Elena Rafailovna, Doctor of Law, Professor, Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russian Federation)

Rubis Aleksandr Sergeevich, Doctor of Law, Associate Professor, State Institute of Continuing Education for Customs Personnel of the Republic of Belarus (Minsk, Belarus)

Seitenov Kaliolla Kabaevich, Doctor of Law, Professor, Institute of Forensic Science of KazGUU (Astana, Kazakhstan)

Sekerazh Tat'yana Nikolaevna, Candidate of Law, Associate Professor, RFCFS of the Russian Ministry of Justice (Moscow, Russian Federation)

Khaziev Shamil' Nikolaevich, Doctor of Law, Associate Professor, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Registered by: **The Federal Service for Monitoring Compliance with Cultural Heritage Protection Law** (Registration Certificate PI № FS77-22228 issued October 28, 2005)

ISSN: 1819-2785 (Print)

Frequency: 4 times a year

Established by: The Russian Federal Center of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation (RFCFS of the Russian Ministry of Justice)

Website: <http://www.tipse.ru>

Address: 109028, Moscow, Khokhlovskii per., 13, str. 2

e-mail: journal@sudexpert.ru

Subscription Russian Post Subscription Catalog

СОДЕРЖАНИЕ

Колонка редакции

Смирнова С.А.

Персоналии и исторические очерки

Е.Р. Россинская

К 95-летию профессора Р.С. Белкина.
Краткий биографический очерк

С.А. Смирнова, С.А. Кузьмин

Р.С. Белкин и развитие взглядов на
управление качеством судебно-эксперт-
ной деятельности

В.Ф. Орлова

Труды Р.С. Белкина всегда актуальны:
памяти Рафаила Самуиловича Белкина

А.М. Зинин

Современное звучание теоретических и
прикладных проблем фиксации инфор-
мации о внешнем облике человека в
курсе криминалистики Р.С. Белкина

Н.М. Майлис

К вопросу о соотношении видов иден-
тификации и доказательственном значе-
нии выводов

Е.И. Галяшина

Специальные методы судебной лингви-
стической экспертизы и экспертные фан-
томы (размышления после прочтения
криминалистических работ Р.С. Белкина)

А.И. Семикаленова

Решение проблемы определения объ-
ектов судебной программно-компью-
терной экспертизы через теорию отра-
жения Р.С. Белкина

Т.Ф. Моисеева

К вопросу об установлении подложности
фиктивных документов: современные
реалии

Е.И. Майорова

Р.С. Белкин и становление судебно-био-
логической и судебно-экологической
экспертиз

Е.Р. Россинская

Воплощение идей Р.С. Белкина в совре-
менной теории и практике судебной экс-
пертизы

Теоретические вопросы

О.А. Крестовников

Категория подлинности в праве. Состоя-
ние вопроса

CONTENTS

Editorial

Svetlana A. Smirnova

Biographies

and Histories

Elena R. Rossinskaya

Celebrating 95th Anniversary of Professor
R.S. Belkin. A Brief Biographical Sketch

Svetlana A. Smirnova, Sergei A. Kuz'min

R.S. Belkin and the Development of Views on
Quality Management in Forensic Practice

Valeriya F. Orlova

The Ever-Relevant Works of R.S. Belkin: A
Tribute to Rafail Samuilovich Belkin

Aleksandr M. Zinin

Revisiting R.S. Belkin's Criminalistics Course:
A Contemporary Take on the Theoretical and
Applied Problems of Capturing Information
about a Person's Physical Appearance

Nadezhda P. Maylis

Concerning the Relationship between
Different Types of Identification and
Evidentiary Value of Expert Findings

Elena I. Galyashina

Special Methods of Forensic Linguistic
Analysis and "Expert Phantoms" (Reflections
upon Reading the Works of R.S. Belkin's on
Criminalistics)

Anastasiya I. Semikalenova

The Problem of Defining the Objects of
Forensic Software Analysis and Its Solution
via R.S. Belkin's Reflection Theory

Tat'yana F. Moiseeva

Establishing the Fact of Document Forgery:
Modern Realities

Elena I. Maiorova

R.S. Belkin and the Establishment of Forensic
Biology and Forensic Ecology

Elena R. Rossinskaya

Implementation of R.S. Belkin's Ideas in the
Modern Theory and Practice of Forensic
Science

Theoretical Issues

Oleg A. Krestovnikov

The Legal Category of Authenticity. Current
Perspectives

Экспертная практика		
А.Ю. Бутырин, З.В. Трифонова	78	Forensic Casework
Обеспечение достоверности выводов в заключении эксперта при производстве судебной строительно-технической экспертизы		Andrei Yu. Butyrin, Zlata V. Trifonova
Е.В. Чеснокова	85	Ensuring the Reliability of Conclusions in the Expert's Statement in the Course of a Forensic Construction Investigation
Источник новой информации при идентификации транспортного средства		Elena V. Chesnokova
А.И. Андрианова	89	A Source of New Information for Vehicle Identification
Процедурный инструментарий финансового мониторинга в банковской сфере в России		Anna I. Andrianova
Е.О. Фадеева, В.Г. Бабенко	97	Procedures for Financial Monitoring of the Banking Sector in Russia
Возможности диагностики редких видов соколов рода <i>Falco</i> по микроструктуре первостепенных маховых перьев		Elena O. Fadeeva, Vladimir G. Babenko
С.В. Арамилев, Е.С. Киселева, П.В. Фоменко	105	The Diagnostic Potential of Primary Remex Microstructure in Rare Species of Falcons (Falconidae)
Проведение судебных экспертиз в отношении амурского тигра и других животных: проблемы и пути их решения		Sergei V. Aramilev, Elena S. Kiseleva, Pavel V. Fomenko
		Forensic Investigation of Crimes Against the Amur Tiger and Other Animals: Problems and Solutions
Судебная экспертиза за рубежом		International Perspectives in Forensic Science
И.Э. Никитина	110	Irina E. Nikitina
Актуальные проблемы сотрудничества европейских государств в сфере внутренних дел и юстиции по линии экспертно-криминалистической и оперативно-разыскной деятельности		Current Issues in Justice and Home Affairs Cooperation between EU Member States Pertaining to Forensic Services and Investigative Operations
Б.И. Геллер	119	Boris Geller
Современные методы работы со следами человека на месте тяжкого преступления в криминалистической службе полиции Израиля		Current Methods Used by the Forensic Science Service of the Israel Police for Processing Human Prints at the Scenes of Serious Crime
Конференции, семинары, круглые столы		Conferences, Seminars, Round Tables
С.А. Смирнова, Г.Г. Омелянюк, С.А. Кузьмин	122	Svetlana A. Smirnova, Georgii G. Omel'yanyuk, Sergei A. Kuz'min
Международная научно-практическая конференция Общества судебно-экспертного исследования объектов дикой флоры и фауны		International Science & Practice Conference of the Society for Wildlife Forensic Science
Ф.О. Байрамова	125	Firuz O. Bayiramova
Семинар «Актуальные вопросы экспертизы видео- и звукозаписей» (19–23 июня 2017 г.)		Seminar «Current Issues in Forensic Video and Audio Analysis» (June 19–23, 2017)
Новые книги по судебной экспертизе и криминалистике		New Books in Forensic Science & Criminalistics
Н.В. Фетисенкова	127	Natal'ya V. Fetisenkova
Новые книги по судебной экспертизе и криминалистике		New Books in Forensic Science & Criminalistics

Уважаемые читатели!

Номер журнала «Теория и практика судебной экспертизы», который вы держите в руках, не совсем обычный. В этом году мы отмечаем 95-летие замечательного ученого Рафаила Самуиловича Белкина. Значение деятельности Рафаила Самуиловича для развития отечественной криминалистики и теории судебной экспертизы трудно переоценить, поэтому в этот юбилейный год мы решили разместить в текущем номере журнала в основном статьи ведущих ученых, в которых они делятся воспоминаниями о Р.С. Белкине и размышлениями о его вкладе в развитие и становление различных направлений нашей науки.

Не буду говорить о научных заслугах и достижениях юбиляра – это общеизвестно. Скажу о личном. Профессор Р.С. Белкин был поразительным человеком. Скромным, порядочным, высокоэрудированным. Без страха взирающим в будущее, не признающим дутых авторитетов, умеющим постоять за себя и свое мнение. Обладающим такими чертами, как аккуратность, интеллигентность, ответственность и, конечно же, высочайшим профессионализмом. У него учились не только курсанты и адъюнкты Высшей школы МВД, но и другие сотрудники кафедры криминалистики, равно как и сторонние специалисты, даже не имеющие отношения к системе МВД.

Мое знакомство с Рафаилом Самуиловичем началось почти 40 лет назад, заочно, в библиотеке Ленинградской криминалистической лаборатории¹, где я тогда работала, – с его канонического трехтомника 1977–79 гг. «Курс советской криминалистики». Книга выделялась из всех соседних на полке не только объемом. Само построение материала никак не походило на другие учебники и монографии, стиль изложения был нетипичный: по-научному строгий и в то же время эмоционально насыщенный, неравнодушный. Впоследствии как руководитель отдела координации научных исследований лаборатории я многократно обращалась к «Курсу», но мне – не юристу, химику, тогда простому кандидату химических наук – было совсем не просто одолеть всю глубину криминалистических проблем, поднятых автором, вникнуть и осознать их. Понятно было только одно: книга незаурядная, ее автор – тоже. Было видно, что писал большой ученый, человек, любящий свое дело. Я не могла представить, что судьбе будет угодно и наши пути пересекутся.

Личное знакомство с профессором состоялось уже в эпоху перестройки. Познакомил нас заведующий отделом исследования документов нашей лаборатории д. ю. н., проф. Р.М. Ланцман, который в 1980 г. в 11-м номере журнала «Социалистическая законность» совместно с коллегами из Института усовершенствования следственных работников при Прокуратуре СССР² опубликовал рецензию на упомянутый трехтомник Р.С. Белкина. А в 1988 году Рафаил Самуилович приехал в Ленинград специально, чтобы прочесть для ленинградских экспертов и для преподавателей Института усовершенствования следственных работников, который располагался неподалеку от лаборатории, на Литейном проспекте, 44, лекции по насущным проблемам криминалистики в условиях перестройки.

Политические перемены и последующий распад СССР никак не повлияли на профессиональные взгляды ученого. В этом Р.С. Белкин проявился как цельная, сильная личность, с присущей ей смелостью, самодостаточностью и даром предвидения. Личная жизнь и наука (работа) в нем были органически спаяны и друг от друга неотделимы. Это видно даже из «Истории отечественной криминалистики», написанной много позже, в 1999 году. Книга – не абстрактное изложение этапов становления и развития науки, это – история в лицах. История о себе, о плеяде выдающихся криминалистов, с которыми автор был знаком и плодотворно сотрудничал, причем независимо от их принадлежности к МВД. До сих пор удивляюсь, что в «Истории» даже мне нашелся абзац.

Хорошо помню, как на тех «перестроечных» лекциях ученый критиковал консерватизм законодателя и его невосприимчивость к до-

¹ Ныне – Северо-Западный региональный центр судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации (СЗРЦСЭ Минюста России).

² Ныне – Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

стижениям научно-технического прогресса. В качестве примера приводил институт понятых, закрепленный в уголовно-процессуальном законе, называя данный институт архаичным, антинаучным, криминалистически не обоснованным и ничего не дающим расследованию. Предлагал отказаться от обязательного участия понятых в осмотре и иных следственных действиях. Лишь спустя четверть века – в 2013 г., уже после смерти криминалиста, – законодатель прислушался к этой рекомендации и внес изменения в УПК.

Рафаил Самуилович во всем был такой: не отделял личное от профессионального, легко распознавал и отсеивал сиюминутное, несущественное, наносное, с блеском вычленил главное, предвидел будущее – словом, был влюблен в свою профессию, о которой знал все или почти все.

Тогда же, при нашей личной встрече в 1988 г., Р.С. Белкин неожиданно и «с места в карьер» предложил мне отойти от разработки естественно-научного направления в судебной экспертизе и всерьез заняться наукой юридической. Сосредоточить внимание на правовых и организационно-тактических вопросах деятельности современного судебно-экспертного учреждения – а по сути продолжить масштабный цикл работ директора Всесоюзного НИИ судебной экспертизы д. ю. н. профессора А.Р. Шляхова применительно к новым, современным условиям развития науки и преобразования общественной жизни страны. Предложение мне показалось фантастическим и вряд ли выполнимым. Все, что я смогла тогда ответить, – лишь пообещала попробовать – из простого уважения к мастеру. Однако жизнь распорядилась по-своему, и в 2002 году я защитила докторскую диссертацию по названной теме. Если бы не Рафаил Самуилович, ничего бы из этой затеи не вышло. Увы, Учитель не дождался защиты и не смог лично убедиться, что ученица сдержала слово. Очень жаль...

Р.С. Белкин был выдающимся педагогом. Отдавал ученикам массу творческих сил, энергии, терпения, свои энциклопедические знания. Искал по всей стране кандидатов в ученики, находил, «вытягивал» их на новый интеллектуальный и профессиональный уровень. Для Рафаила Самуиловича это был естественный способ существования. Криминалист мирового уровня жил своими учениками, гордился их

успехами, мягко напутствовал в творческом поиске – всю эту магию воздействия неординарной личности посчастливилось испытать и мне. Настоящий профессор. Теперь уже он живет в своих учениках, коих у него больше сотни. Уверена, что, как и мое, их сердца наполнены благодарностью за поддержку, воспитание и тренинг, за неусыпное внимание и тактичное сопровождение в запутанном мире криминалистической науки. Неслучайно в Академии управления МВД России до сих пор действует мемориальный кабинет-музей Р.С. Белкина, созданный его учениками и последователями.

Не могу не отметить интегративный компонент и стиль жизни великого ученого. Как в науке он неуклонно развивал целостный, междисциплинарный, системный подход, а не только отдельные аспекты криминалистики, так и в жизни – выступал против разобщенности, стремился объединять криминалистов разных ведомств. Не делал «реверансов» в пользу МВД, которому отдал всю жизнь, не абсолютизировал именно милицейскую криминалистику и экспертизу. Просто был влюблен в свою профессию и, когда дело касалось профессии, не делал выбора между ведомствами. Людей оценивал только по их личным заслугам и качествам, по их персональному вкладу в общее дело, независимо от ведомства, где они трудятся. Достаточно сказать, что к. ю. н. Н.А. Замараева, моя преемница на посту начальника СЗРЦСЭ Минюста России, готовила диссертацию под руководством генерала милиции Р.С. Белкина – и это далеко не единственный подобный случай в биографии ученого. Повторю: ему были чужды ведомственные криминалистические амбиции, что в последнее время, к сожалению, все чаще приходится наблюдать в правоохранительной системе России. Истинный криминалист-интегратор и настоящий, всесокий профессионал.

Только благодаря Рафаилу Самуиловичу я поняла, насколько важно быть преданным делу жизни и свято верить в великое предназначение судебной экспертизы! Без встречи с Рафаилом Самуиловичем моя судьба сложилась бы иначе...

С.А. Смирнова

Главный редактор журнала,
заслуженный юрист РФ,
д. ю. н., профессор

К 95-летию профессора Р.С. Белкина. Краткий биографический очерк

Е.Р. Россинская

ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», Москва 125993, Российская федерация

Аннотация. Статья посвящена 95-летию со дня рождения выдающего советского и российского ученого-криминалиста, заслуженного деятеля науки, доктора юридических наук, профессора Р.С. Белкина. Рассмотрены основные этапы его творческого пути в развитии отечественной криминалистики и судебной экспертологии, дана развернутая характеристика наиболее значимых научных трудов в области общей теории криминалистики, криминалистической техники, криминалистической тактики, общей теории судебной экспертизы (судебной экспертологии).

Ключевые слова: *Белкин Р.С., криминалистика, общая теория криминалистики, методология криминалистики, криминалистическая техника, криминалистическая тактика, судебная экспертология*

Для цитирования: Россинская Е.Р. К 95-летию профессора Р.С. Белкина. Краткий биографический очерк // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Том 12. № 3. С. 8–14.

Celebrating 95th Anniversary of Professor R.S. Belkin. A Brief Biographical Sketch

Elena R. Rossinskaya

Kutafin Moscow State Law University, Moscow 125993, Russian Federation

Abstract. The article is dedicated to the 95th birthday anniversary of the eminent Soviet and Russian forensic researcher, Distinguished Scientist, Doctor of Law, Professor R.S. Belkin. It looks at the milestones of his creative career in the development of Russian criminalistics and forensic expertology. Included is a detailed overview of Prof. R.S. Belkin's most significant scientific works on the general theory of criminalistics, forensic techniques, forensic tactics, and the general theory of forensic science (forensic expertology).

Keywords: *R.S. Belkin, criminalistics, general theory of criminalistics, methodology of criminalistics, forensic techniques, forensic tactics, forensic expertology*

For citation: Rossinskaya E.R. Celebrating 95th Anniversary of Professor R.S. Belkin. A Brief Biographical Sketch. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2017. Vol. 12. No 3. P. 8–14.

В 2017 году криминалистическая общественность отмечает 95-летие со дня рождения одного из выдающихся криминалистов современности, моего отца и учителя, заслуженного деятеля науки, доктора юридических наук, профессора, почетного академика Российской академии естественных наук, почетного члена Болгарского научного

общества судебных медиков и криминалистов, лауреата премии Фонда Кангера (Германия), генерал-майора милиции Рафаила Самуиловича Белкина. Значение деятельности Р.С. Белкина для развития отечественной криминалистики и теории судебной экспертизы, других юридических наук трудно переоценить.

Рафаил Самуилович Белкин родился 11 июля 1922 года в г. Чернигове. Его отец – Белкин Самуил Рафаилович, 1885 г. р. – был из бедной еврейской семьи, которая жила в городе Почипе. Он не имел возможности учиться и в графе образование всегда писал "самообразование", хотя был очень умным и начитанным человеком. Самуил Рафаилович рано потерял мать, семья была большая, а жила очень бедно, и он начал работать с малых лет, трепал пеньку в артели, где производили веревки и канаты. Впоследствии в советское время он был уже большим специалистом в своем деле и работал технологом на производстве пеньки, часто его привлекали и в качестве эксперта по этой продукции.

Мать Рафаила Самуиловича – Эскина Ида Хононовна происходила из более зажиточной семьи. Она родилась в г. Конотопе, где после гимназии окончила физико-математический факультет Высших женских курсов в Киеве. В 1921 г. она вышла замуж за Самуила Рафаиловича. Семья переехала в Чернигов, затем в Орел, а в 1925 г. в Москву, и поселилась в доме 4/40 по Бахметьевской улице (сейчас улица Образцова). Ида Хононовна опять пошла учиться и, получив высшее экономическое образование, работала сначала в плановом отделе завода «Красный металлист», а затем начальником планового отдела на заводе «Борец».

Детство Рафаила Белкина прошло в Марьиной Роще. В 1940 г. он с золотой медалью окончил среднюю школу № 243 г. Москвы и собирался вместе со своей невестой Генриетой Тейтельбаум поступать в Московский энергетический институт, но Рафаила призвали в Красную армию, в 11-й полк связи 25-й армии Дальневосточного округа. В феврале 1941 г. его, как закончившего 10 классов, направили учиться на курсы младших политруков. 3 июля 1941 г. курсантов в связи с военным положением выпустили досрочно. Р.С. Белкин получил назначение на должность заместителя командира минометной роты по политчасти 113-го стрелкового полка 32-й Краснознаменной Саратовской стрелковой дивизии 25-й армии, а затем был переведен на должность секретаря редакции дивизионной газеты «В бой за родину» формирувавшейся на Дальнем Востоке 415-й стрелковой дивизии. В октябре 1941 г. дивизия была переведена на фронт под Москву и в начале ноября 1941 г. вступила в бои под Серпуховом, Малоярославцем, Медынью и Юхновом, активно участвуя в обороне, а затем и в наступлении под Москвой.

Рафаил Самуилович Белкин прошел пехотинцем всю Великую Отечественную войну с 1941 по 1945 гг., воевал под Москвой и Ржевом, на Смоленщине и Курской дуге, принимал участие в освобождении Бело-

руссии, Прибалтики, Варшавы, взятии Берлина. 2 мая 1945 г. 415-я Краснознаменная ордена Суворова Мозырская стрелковая дивизия вышла на Эльбу, где встретила с союзническими войсками.

За боевые заслуги Рафаил Самуилович был награжден двумя орденами Отечественной войны, двумя орденами Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За отвагу», «За оборону Москвы», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией» и другими. Впоследствии был удостоен многих отечественных и иностранных государственных наград, в том числе ордена «За заслуги перед Отечеством» IV степени.

На войне он продолжал писать стихи и нередко посвящал их своей будущей жене Генриете Лазаревне Белкиной. Она окончила МЭИ в 1946 г. и много лет занималась рентгеноспектральным анализом цветных металлов и разработкой рентгеновской аппаратуры в различных КБ и НИИ. 5 марта 1946 г. они поженились, и Рафаил Самуилович увез молодую жену в Германию, где он тогда служил. Вместе они прожили 55 счастливых лет.

До июля 1946 г. Р.С. Белкин проходил службу в Группе советских оккупационных войск в Германии, а в августе 1946 г. был принят по конкурсу на учебу в Военно-юридическую академию Советской Армии, которую и окончил с золотой медалью в начале 1951 г.

Именно там, в кружке криминалистики А.И. Винберга – его будущего научного руководителя, начался путь Р.С. Белкина в криминалистику. После окончания Академии Р.С. Белкин хотел продолжить заниматься наукой и поступить в адъюнктуру, но пресловутый пятый пункт и происходившая тогда сталинская кампания по борьбе «с безродными космополитами» ему помешали. Он был направлен на службу в военную прокуратуру 42-й воздушной армии Бакинского округа ПВО, где до конца 1955 г. служил военным следователем, старшим военным следователем, помощником военного прокурора армии по надзору за дознанием и предварительным следствием. Именно в те годы накапливался практический опыт, послуживший впоследствии основой его теоретических и методических построений.

Обучаясь в заочной адъюнктуре Военно-юридической академии под руководством профессора А.И. Винберга, он досрочно, в начале 1954 г., защитил кандидатскую дис-

сертацию на тему «Осмотр места происшествия. Уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты».

В 1955 г. Р.С. Белкин перешел на службу в органы внутренних дел. С этого момента вся его жизнь неразрывно связана с Высшей школой, впоследствии Академией, МВД СССР. Он долгие годы руководил кафедрой криминалистики, несколько лет был заместителем по научной работе начальника Московского филиала юридического заочного обучения, вновь руководил кафедрой уже специального факультета Академии, был профессором Академии управления МВД России.

В 1961 г., через семь лет после защиты кандидатской диссертации, Рафаил Самуилович подготовил и в совете Всесоюзного института юридических наук защитил докторскую диссертацию на тему «Экспериментальный метод исследования в советском уголовном процессе и криминалистике», где им было определено значение экспериментального метода исследования для судопроизводства и его место в системе методов криминалистики. Официальными оппонентами были член-корреспондент Академии наук СССР М.С. Строгович, профессор С.П. Митричев и С.И. Тихенко, неофициальным – член-корреспондент Академии медицинских наук СССР М.И. Авдеев. Защита диссертации, несмотря на острую критику работы профессором М.С. Строговичем по поводу «выхода на место с обвиняемым и свидетелем», что оппонент считал «глубоко ошибочным и незаконным приемом», по общему признанию прошла великолепно. В 1963 г. Р.С. Белкину было присвоено ученое звание профессора, а в 1976 г. он стал заслуженным деятелем науки.

Рафаил Самуилович прошел большой путь, и каждый этап этого пути был ознаменован выходом фундаментальных монографических трудов. Так, его монография «Теория и практика следственного эксперимента» вышла в 1959 г. накануне принятия нового УПК РСФСР (1960), в который впервые вошло следственное действие – следственный эксперимент.

Занимаясь далее проблемами эксперимента в уголовном судопроизводстве, в монографии «Эксперимент в следственной, судебной и экспертной практике» (1964 г.) Р.С. Белкин рассматривает эту тему в плане общей теории познания, что обусловило логический переход к проблемам познания,

связанным с вопросами доказывания. В 1966 г. он пишет книгу «Собирание, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы», в которой было положено начало методологии отечественной криминалистики. С выходом этой работы изложение методов криминалистики в монографической и учебной литературе получило прочную научную основу и уже не ограничивалось главным и фактически единственным в те годы методом марксистско-ленинского диалектического материализма. Продолжением этой темы стал и следующий большой труд Р.С. Белкина (в соавторстве с его учителем профессором А.И. Винбергом) «Криминалистика и доказывание» (1969).

В 1967 г. Рафаил Самуилович сформулировал новое представление о предмете криминалистики, которое затем уточнил и конкретизировал в своих последующих работах. Это определение легло в основу предложенной Р.С. Белкиным концепции общей теории криминалистики, полностью базирующейся на философском понятии отражения.

В 1977–1979 гг. вышел в свет первый в отечественной науке фундаментальный трехтомный «Курс советской криминалистики», до сих пор не имеющий аналогов по глубине и широте охвата проблем. В «Курсе» были даны положения общей теории криминалистики, такие ее разделы, как учение о методах, систематике и языке криминалистики, учение о признаках и др. Сформулированы основные положения частных криминалистических теорий: теории причинности, розыска, механизма преступления, криминалистической регистрации, криминалистического прогнозирования, временных связей и отношений и т. п.

Идеи и концепции «Курса» получили дальнейшее развитие в работах Р.С. Белкина 1986–1988 гг. («Общая теория советской криминалистики», 1986; «Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы», т. 1, 1987; т. 2, 1988). В этих трудах Р.С. Белкин детально разрабатывает общую теорию криминалистики, в особенности такие ее разделы, как учение о методах, систематике и языке криминалистики, а также формулирует основные положения ряда частных криминалистических теорий: криминалистической теории причинности, розыска, механизма преступления, криминалистической регистрации, криминалистического прогнозирования, выдвигает идею разработки криминалистической теории времен-

ных связей и отношений и др. Им выявлены и описаны законы развития криминалистики в аспекте общих законов развития научного знания. Предложено пополнить структуру криминалистики еще одним, четвертым, разделом – общей теорией науки.

В последующие годы Р.С. Белкин уделял большое внимание исследованиям концептуальных основ криминалистической тактики («Очерки криминалистической тактики», 1993), таким ее категориям, как тактический прием и тактическая комбинация, следственная ситуация, фактор внезапности и др. («Фактор внезапности, его учет и использование в расследовании преступлений», 1995). Значительным событием в жизни юридической общественности явилось издание Р.С. Белкиным «Криминалистических энциклопедий» (1993, 1997, 2000 гг.), «Словаря-справочника по криминалистике» (1999 г.). Вышли в свет 2-е и 3-е издание «Курса криминалистики», дополненные новыми материалами, имеющими не только научную, но и практическую направленность. Уникален его труд «История отечественной криминалистики» (1999).

В третьем дополненном издании «Курса криминалистики» профессором Р.С. Белкиным намечены основные тенденции развития криминалистической науки в современных условиях. Глубоко изучены в трудах Р.С. Белкина проблемы методологии криминалистической науки. Разработанная Р.С. Белкиным система методов криминалистики с незначительными модификациями в настоящее время является общепринятой и постоянно пополняется все новыми и новыми специальными методами за счет интеграции и дифференциации научного знания. Она служит также методологической основой системы методов теории судебной экспертизы (судебной экспертологии).

Серьезное внимание в трудах Р.С. Белкина уделено проблемам и тенденциям развития криминалистической техники. Многие годы он в печати отстаивал научность теперь уже признанного большинством криминалистов ольфакторного (одорологического) метода, боролся за возможность использования полиграфа в розыске преступников.

Но значительно большим был его вклад в разработку научных основ судебной экспертизы. В 1985 г., когда ему исполнилось 63 года, Р.С. Белкин стал задумываться о выходе в отставку, поскольку положе-

нию о прохождении службы генералу полагалось в 60 лет уходить на пенсию, и такую перспективу следовало иметь в виду. Хотя в Московском филиале юридического заочного обучения при Академии МВД, где он тогда работал в должности профессора, о его отставке никто не заговаривал, но увольнение могло последовать при любом повороте событий. Друг Рафаила Самуиловича Юрий Георгиевич Корухов стал настоятельно убеждать его перейти на работу во Всесоюзный научно-исследовательский институт судебных экспертиз, где он в то время был заместителем директора по научной работе. Речь шла о работе в качестве заведующего отделом теории судебной экспертизы ВНИИСЭ. Как писал сам Р.С. Белкин, это было трудное решение, поскольку в МВД фактически прошла вся его научная жизнь.

Разговор с директором института Александром Романовичем Шляховым, который очень хотел чтобы Рафаил Самуилович перешел в институт, и заранее согласовал этот вопрос с начальником отдела судебно-экспертных учреждений Минюста Г.П. Аринушкиным, окончательно убедил Р.С. Белкина перейти во ВНИИСЭ, и он подал рапорт об отставке. Последовал приказ министра МВД об увольнении в отставку по возрасту и выслуге лет (в пенсионной книжке его стаж службы в армии и МВД с учетом лет, проведенных на фронте, был определен в 51 год).

В газете «Вечерняя Москва» было дано соответствующее сообщение об объявлении конкурса на эту должность, и по истечении положенного месяца Ученый совет ВНИИСЭ единогласно принял решение об избрании на эту должность профессора Р.С. Белкина.

Отдел теории был невелик: там работали два профессора (Д.Я. Мирский и В.Д. Арсеньев) и еще три сотрудника. За три года руководства отделом Р.С. Белкину удалось серьезно укрепить отдел и увеличить его штат. Этому во многом способствовало руководство ВНИИСЭ, но вскоре после прихода Р.С. Белкина умер В.Д. Арсеньев, и эта потеря была для отдела невосполнимой.

За три года работы Рафаилом Самуиловичем было подготовлено несколько научных статей, он активно участвовал в деятельности диссертационного совета ВНИИСЭ, но его продолжали терзать сомнения: за свое ли дело он взялся? В книге «История отечественной криминалистики» со свойственной Рафаилу Самуиловичу высокой

требовательностью к себе он писал об этом периоде своей карьеры, что «с каждым днем все больше убеждался, что взялся не за свое дело: все то общее, что я мог сказать в отношении теории судебной экспертизы, – я сказал, а для того, чтобы сказать свое слово в области самой экспертной «материи», самой экспертной практической деятельности, взгляда со стороны было явно недостаточно, нужно было быть самому экспертом, а не “варягом”».

С этими утверждениями следует поспорить, поскольку вклад Р.С. Белкина в разработку теоретических, процессуальных и организационных проблем судебной экспертизы трудно переоценить. Забегая вперед, укажем, что во 2-м и 3-м изданиях «Курса криминалистики» (1997, 2000 гг.) большое внимание было уделено им проблемам судебной экспертизы. В главе «Криминалистическая экспертиза и криминалистическая теория» были рассмотрены идея науки об экспертизе, история ее возникновения и развития; общие принципы методики криминалистических экспертных исследований как частная криминалистическая теория; предмет и объект криминалистической экспертизы; классификация видов криминалистической экспертизы, проблема новых видов криминалистической экспертизы, а также рассуждения о внутреннем убеждении судебного эксперта и экспертных ошибках.

Другая глава – «Судебная экспертиза и процессуальный закон» – была посвящена дискуссионным вопросам теории и практики судебной экспертизы, в том числе назначению экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела, правовому статусу руководителя судебно-экспертного учреждения, регламентации статуса субъектов экспертного исследования, проблемам комплексной экспертизы, экспертной инициативы, оптимизации формы и содержания экспертных заключений, а также организационно-правовым и нравственным проблемам экспертной деятельности.

Когда в начале 1988 г. министр внутренних дел СССР предложил Р.С. Белкину вернуться на работу в Академию МВД СССР, он с радостью принял предложение вернуться в родные пенаты и с тех пор работал в должности профессора кафедры криминалистики, а затем криминалистического обеспечения деятельности ОВД Академии. Однако его научный интерес к исследованию проблем теории и практики судебной экспертизы не ослабевал.

Профессор Р.С. Белкин – один из создателей общей теории судебной экспертизы. Его ученики и последователи И.А. Алиев и Т.В. Аверьянова в монографии «Концептуальные основы общей теории судебной экспертизы» определили требования, которым должна удовлетворять общая теория судебной экспертизы, и предложили собственную структуру этой теории. Р.С. Белкин как научный редактор дал в данной работе подробный комментарий концепциям авторов. Опираясь на фундаментальные труды Р.С. Белкина, сформулировали свои концепции теории судебной экспертизы и учения о методах этой теории и практической экспертной деятельности И.А. Алиев, Н.П. Майлис, Т.В. Аверьянова, Е.Р. Россинская, С.Ф. Бычкова, Е.И. Майорова и многие другие.

Многие проблемы теории судебной экспертизы и судебно-экспертной деятельности, затронутые в трудах профессора Р.С. Белкина, получили в последние годы законодательное разрешение, его предложения нашли отражение в ряде законопроектов, находящихся на рассмотрении в Государственной Думе Российской Федерации. Однако наиболее близки профессору Р.С. Белкину, начиная с ранних работ, посвященных следственному эксперименту и до последнего третьего издания «Курса криминалистики», всегда были проблемы криминалистической тактики.

Широкую известность приобрели его труды в области таких категорий криминалистической тактики, как тактический прием, тактическая комбинация, следственная ситуация. Одним из первых он исследовал пути и формы использования в расследовании фактора внезапности. В третьем дополненном издании «Курса криминалистики» Р.С. Белкиным намечены тенденции развития криминалистической тактики. Верность его прогнозов и здесь блестяще подтвердилась дальнейшим развитием криминалистической науки.

Р.С. Белкин отрицал предлагаемую рядом ученых пятизвенную структуру криминалистики, но это вовсе не означает, что он метафизически подходил к этой науке. Его всегда привлекали обоснованные и востребованные практикой новации. Так, постоянно полемизируя с В.А. Образцовым по многим вопросам, Р.С. Белкин назвал его «генератором идей» и живо откликнулся на его предложение о введении в язык криминалистики термина «технология». Он отме-

чал, и с этим трудно спорить, что о тактике в полном смысле следует говорить именно тогда, когда она служит средством преодоления оказываемого следователю противодействия. Правомерно говорить о тактике допроса, но сомнительно – о тактике осмотра, правомерно – о тактике обыска, но сомнительно – о тактике получения образцов для сравнительного исследования или контроля и записи телефонных переговоров. Использование понятия «технология» в криминалистике и, в частности, в криминалистической тактике, по нашему мнению, позволяет не только по-новому подойти к изложению классических глав учебного курса, но и дает новый импульс развитию именно технологии осуществления ряда следственных действий. Серьезное внимание в работах Р.С. Белкина уделено тактическим приемам и их сочетаниям. В 1979 г. им предложено понятие тактической комбинации (операции).

Разработка тактических комбинаций неразрывно связана с решением «этических проблем криминалистики», хотя в ряде случаев они являются этическими проблемами не только и, может быть, не столько криминалистической науки, сколько уголовного судопроизводства. Р.С. Белкин полагал, что судебная этика включает в себя не только общие нравственные нормы, но и специфические нравственные начала, присущие деятельности следователя, судьи, эксперта, адвоката, дополняющие общие моральные принципы, а в некоторых случаях и ограничивающие их.

Профессор Белкин оставил нам более 300 научных трудов, индекс цитирования которых – один из самых высоких среди ученых-криминалистов. Многие работы Р.С. Белкина издавались на немецком, английском, венгерском, польском, чешском и болгарском языках. Среди них «Следственный эксперимент» на немецком языке (1961), советско-болгарский учебник «Криминалистика» (1972), советско-чехословацкий учебник «Криминалистика» в 3-х томах (1985); «Основы криминалистики» на английском языке (1986) и другие.

По натуре прирожденный педагог, блестящий лектор Р.С. Белкин был, что называется, преподавателем милостью божьей. Его лекции и выступления обычно собирали большие аудитории слушателей, нередко приходивших на конференции или криминалистические чтения именно для того, чтобы послушать его содержательную, яркую и

остроумную речь. За 45 лет педагогической деятельности он воспитал не одно поколение замечательных специалистов в области криминалистики, оперативно-разыскной деятельности, судебной экспертизы, под его руководством защитили докторские и кандидатские диссертации более 120 учеников и последователей, он читал лекции в различных университетах, институтах и академиях страны, Берлинском, Софийском, Пражском и других зарубежных университетах, в Институте уголовной полиции Китая.

Рафаил Самуилович был талантливым публицистом, популяризатором своей лю-

бимой науки. Несколько поколений будущих юристов узнали о криминалистике из таких его книг, как «Ведется расследование» (1976), «Не преступи черту» (1979), «Репортаж из мастерской следователя» (1998). Он написал даже «Криминалистический букварь» (1997) для школьников младших классов.

Несомненно, богатое творческое наследие профессора Р.С. Белкина еще долго будет объектом пристального изучения российских и зарубежных криминалистов, и они в своих научных изысканиях будут идти по намеченным им путям.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Россинская Елена Рафаиловна – д. ю. н., профессор, академик РАЕН, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, заведующая кафедрой судебных экспертиз МГЮА им. О.Е. Кутафина, директор Института судебных экспертиз, президент Ассоциации образовательных учреждений «Судебная экспертиза»; e-mail: elena.rossinskaya@gmail.com.

ABOUT THE AUTHOR

Rossinskaya Elena Rafailovna – Doctor of Law, Professor, RANS Academician, Distinguished Scientist of the Russian Federation, Honorary Employee of Higher Professional Education of the Russian Federation, Head of the Department of Forensic Sciences at Kutafin University, Director of the Institute of Forensic Sciences, President of the "Forensic Science" Association of Educational Institutions; e-mail: elena.rossinskaya@gmail.com.

Р.С. Белкин и развитие взглядов на управление качеством судебно-экспертной деятельности

С.А. Смирнова^{1,2}, С.А. Кузьмин²

¹ Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, Москва 109028, Российская Федерация

² ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», Москва 117198, Российская Федерация

Аннотация. Представлены взгляды авторов на проблемные вопросы генезиса научных представлений об организационных аспектах судебно-экспертной деятельности, и прежде всего системы обеспечения ее качества и эффективности. Рассмотрены основные этапы трансформации концепции научной организации труда в систему международных стандартов качества и их влияние на организацию судебно-экспертной деятельности. Отмечен выдающийся вклад профессора Р.С. Белкина в становлении теоретических начал управления качеством и их диалектическое развитие в судебной экспертологии.

Ключевые слова: *Белкин Р.С., криминалистика, судебная экспертиза, судебная экспертология, менеджмент*

Для цитирования: Смирнова С.А., Кузьмин С.А. Р.С. Белкин и развитие взглядов на управление качеством судебно-экспертной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Том 12. № 3. С. 15–19.

R.S. Belkin and the Development of Views on Quality Management in Forensic Practice

Svetlana A. Smirnova^{1,2}, Sergei A. Kuz'min²

¹ The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow 109028, Russian Federation

² Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow 117198, Russian Federation

Abstract. The article presents the authors' perspective on the issues of the genesis of scientific ideas concerning organizational aspects of forensic practice, and specifically systems for ensuring its quality and effectiveness. Key stages in the transformation of the concept of scientific organization of labor into the system of international quality standards and their influence on the organization of forensic practice are examined. Further highlighted are Professor R.S. Belkin's outstanding contributions to establishing the theoretical principles of quality management and their dialectical development in forensic expertology.

Keywords: *R.S. Belkin, criminalistics, forensic science, forensic expertology, quality management*

For citation: Smirnova S.A., Kuz'min S.A. R.S. Belkin and the Development of Views on Quality Management in Forensic Practice. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2017. Vol. 12. No 3. P. 15–19.

Анализ состояния судебно-экспертной деятельности (СЭД), осуществляемой в судебно-экспертных учреждениях, показывает, что в современных условиях наблюдается качественный переход от производ-

ства, основанного на организации труда (включая создание необходимых условий) отдельных экспертов, к высокотехнологичным процессам массового производства экспертиз. Тот факт, что производство каж-

дой конкретной судебной экспертизы является процессуальным действием, а судебный эксперт – процессуальным лицом, независимость которого охраняется законом, и то, что действующее законодательство предписывает каждому эксперту лично проводить исследования в полном объеме, не допуская, таким образом, принятое в других областях деятельности разделение труда, привносит существенную специфику в организацию СЭД, но не меняет ситуацию в целом. Возрастание наукоемкости экспертных исследований предполагает формирование более сложного, совершенного методического обеспечения данного вида исследований, разработка которого невозможна силами самого эксперта. Более того, в целом ряде случаев у эксперта нет и не может быть физической возможности лично проверить «правильность» такого обеспечения.

Осознание потребности отношения к организации труда как к научной проблеме, требующей применения научного инструментария, обычно связывают с именем Ф.У. Тейлора (1856–1915) [1]. Тейлор – американский инженер-практик, который на основе изучения содержания работы и выявления ее основных компонентов разработал методологические основы нормирования труда, стандартизации рабочих операций, а также научные подходы к подбору, расстановке и стимулированию труда работников. Основой и залогом качества результатов любой деятельности и ее эффективности, по Тейлору, выступает качество труда исполнителя.

Дальнейшая эволюция научных взглядов на организацию труда представлена в работах А.А. Богданова (Россия), А.К. Гастева (СССР), Э. Деминга (США), Дж. Джурана (США), К. Исикава (Япония), А. Фейгенбаума (США), У. Шухарта (США) и заключается прежде всего в постепенном переносе фокуса внимания с конечных этапов производственной цепочки (результатов деятельности) на общие вопросы ее организации.

В целом для данного периода характерно формирование системного подхода к управлению качеством при сохраняющем ведущую позицию контрольный аспект этой деятельности, начало разработки теоретических основ менеджмента качества и его выделение как самостоятельной подсистемы общего управления предприятия. Само понятие качества эволюционирует от

собственных представлений производителей в сторону нужд потребителя продукции.

В конце 60-х годов в Советском Союзе в связи с проведением хозяйственной реформы начался новый этап в развитии научной организации труда. Этот процесс не мог не затронуть науку криминалистику, переживающую в этот период бурное развитие. В работах ведущих ученых-криминалистов проблематика научной организации труда (НОТ) следователя и эксперта занимала все большее место. Среди таких публикаций особое значение имела статья Р.С. Белкина «Криминалистика и научная организация труда», опубликованная в 1973 году в журнале «Социалистическая законность». Данная работа во многом отражала тот оптимизм, с которым представители прикладных наук встретили первые успехи новой управленческой теории. Характерным представляется высказанное в названной статье мнение, что «криминалистика и особенно такие ее разделы, как криминалистическая тактика и методика расследования, в сущности не что иное, как правила научной организации труда следователя в особых условиях расследования по уголовным делам»¹ [2, с. 56].

Следует отметить, что в рассматриваемый период объем и содержание самого понятия «научная организация труда» еще далеки от единообразного понимания учеными. Так, П.М. Керженцев, один из основоположников советской школы НОТ, понимал научную организацию труда как изучение организационных приемов и определение наиболее рациональных методов организационной работы [3, с. 89]. Вместе с тем он считал правильным концентрировать внимание прежде всего на управлении людьми, коллективами вне зависимости от конкретной области их деятельности, т. е. рассматривал НОТ как универсальный инструмент управления. Именно организационная составляющая в деятельности следователей и экспертов, по мнению большинства криминалистов, и являлась предметом научной организации труда в данной области.

Такое фактическое сращивание понятия НОТ, управления и организационного аспекта деятельности, характерное для системы взглядов 60-х – середины 90-х годов, сформировало более позднюю позицию профессора Белкина о месте научной ор-

¹ Данное положение сформулировано проф. Р.С. Белкиным применительно к деятельности следователя, однако оно отражает общий контекст его статьи.

ганизации труда в системе наук. В своем фундаментальном труде «Курс криминалистики» он пишет: «Управленческий (организационный) аспект экспертной деятельности имеет, разумеется, важнейшее значение особенно теперь, в условиях научно-технического прогресса с его тенденциями комплексирования, коллективизации труда с одновременной дифференциацией, специализацией производственных функций. Внимание ученых всех специальностей, в том числе и криминалистов, к этой проблематике вполне оправданно еще и потому, что в самой науке управления проблематика управления экспертными учреждениями и НОТ эксперта разработана еще крайне недостаточно. Поэтому следует всячески приветствовать исследование криминалистами на современном этапе организационных проблем экспертной деятельности как в аспекте сложившейся практики и организации, так и в прогностическом аспекте, что пытаемся сделать и мы в главе о криминалистическом прогнозировании. Разработка данной проблематики необходима, однако это не аргумент для включения этого комплекса вопросов «навечно» в теорию экспертизы, так как к предмету данной теории они не относятся. Их исследование, в принципе, должно вестись в рамках науки управления и в соответствии с ее предметом независимо от научной специальности исследователя. Только такой подход, как нам представляется, обеспечит выявление специфических особенностей управления экспертными учреждениями и НОТ эксперта на базе общих принципов управления и научной организации труда в сфере правоприменительной и правоохранительной деятельности, обеспечит практическую значимость результатов научных исследований в этой области» [4, с. 199–200].

Такая позиция полностью согласовывалась как со сложившимися в то время научными представлениями о предмете науки криминалистики и общей теории судебной экспертизы, так и (а может быть, и прежде всего) с самим представлением о НОТ как разделе науки управления.

В этой связи представляется интересным кратко рассмотреть эволюцию взглядов научного сообщества и практиков о месте частных теорий в области организационного обеспечения судебно-экспертной деятельности (в том числе управления качеством СЭД) в связи с развитием самой на-

уки о судебной экспертизе. И здесь следует отметить два принципиальных момента.

Во-первых, с конца 90-х годов прошлого столетия в самой науке управления произошли существенные изменения во взглядах на проблему оптимизации деятельности субъектов управления. Особое значение приобрела такая форма закрепления систем взглядов на пути решения той или иной проблемы в области управления, как стандарт. В определенном смысле существованию конкурирующих на равных различных управленческих концепций, сформулированных в теоретических работах, пришел конец. Их заменили нормативно-технические документы национального, межгосударственного или международного уровня. Представителям юридических наук подобная ситуация отчасти знакома по случаям, когда та или иная система научных взглядов в результате законодательской деятельности реализуется в нормах законов. Однако трудно найти аналогии современным международным стандартам по широте их действия.

Одновременно теория научной организации труда трансформируется в более общую концепцию управления (менеджмента) качеством как универсальную систему обеспечения качества и эффективности [5, с. 21–22]. Закрепленная в положениях системы международных стандартов серии ISO 9000, данная концепция фактически стала не только теоретической, но и нормативной основой построения теоретических и практических систем в рамках прикладных наук, отраслей знания и видов практической деятельности. Возникли и стандарты для регулирования более специальных, «непроизводственных», видов деятельности. К числу таких «специальных» стандартов относится ISO/IEC 17025 «Общие требования к компетентности испытательных и калибровочных лабораторий», разработанный для организаций, где вопросы совершенствования процессов уступают место более значимым факторам: квалификации и опыту работников, их независимости и объективности, техническому состоянию аналитического оборудования и т. п. [6, с. 483].

Таким образом, «перенос» основных достижений из теории управления в другие науки происходит не непосредственно, а через нормативно-технические документы национального и/или международного уровня, создавая для собственных теорети-

ческих построений в рамках таких наук концептуальную и нормативную базу.

Во-вторых, кардинальные изменения наблюдаются и в самой науке о судебной экспертизе. Проф. Е.Р. Россинская отмечает, что такие изменения происходят в связи с ростом экспертного производства в различных от уголовного процесса отраслях права. Данная тенденция проявилась в формировании и развитии самостоятельного «надпроцессуального» законодательства в области судебной экспертизы, призванного создать унифицированную правовую базу экспертной деятельности, а в последующем, возможно, и иных форм использования специальных знаний в правоприменении.

Подобная ситуация складывается и в отношении вопросов методического и организационного обеспечения экспертной деятельности, что особенно заметно на примере формирования системы профильных национальных и международных стандартов, инвариантных к видам процесса и его стадиям, в рамках которых осуществляется применение специальных знаний.

Все эти закономерности, общие для экспертной деятельности, осуществляемой в рамках различных видов правоприменения, формируют новый, уникальный предмет изучения, что является важнейшим признаком возникновения самостоятельной науки. Как совершенно обоснованно отмечает Е.Р. Россинская с соавторами, «теоретические основы правового, организационного и методического обеспечения судебно-экспертной деятельности должны разрабатываться не теорией судебной экспертизы, а именно судебной экспертологией ... – наукой о судебной экспертизе, в то время как процессуальные аспекты остаются в ведении наук процессуального права» [7, с. 47].

Структура экспертологии, предложенная проф. Россинской с соавторами, наряду с общей теорией судебной экспертизы,

включает в себя вопросы правового и организационного обеспечения СЭД, а также судебно-экспертные технологии. В число последних, в частности, включается стандартизация, паспортизация и валидация экспертных методик [7, с. 49]. Очевидно, что к данной категории проблем относится и частная теория управления (менеджмента) качества судебно-экспертной деятельности.

Анализ эволюции теории управления качеством судебно-экспертной деятельности ставит закономерный вопрос: соответствует ли позиция проф. Белкина по данному вопросу реалиям сегодняшнего дня?

Отрицательный ответ на этот вопрос представляется нам не только поверхностным, но и неверным по существу. И в то время, когда об этом писал Р.С. Белкин, и сейчас общие принципы управления, составляющие основу научной организации труда и систем менеджмента качества, были и остаются предметом науки управления, в рамках которой и формируются концептуальные основы управления, вырабатываются его общие методы и задачи. Иное дело частная теория управления качеством, возникающая и развивающаяся в рамках своей базовой науки, изучающей соответствующую область человеческой деятельности. Это особенно наглядно видно именно на примере управления качеством СЭД. Специфика последней, определяемая в значительной степени ее процессуальной компонентой, делает невозможной непосредственную имплементацию разработок теории управления в судебно-экспертную деятельность без их переосмысления в свете теоретических и правовых особенностей судебной экспертизы. Такое положение есть не что иное, как диалектическое развитие теоретических оценок проф. Белкина на современном этапе развития теории и практики судебной экспертизы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Павлов Ю.Н., Малышева Г.В. Система Тейлора. Взгляд через 100 лет // Российское предпринимательство. 2000. Т. 1. № 11. С. 76–83.
2. Белкин Р.С. Криминалистика и научная организация труда (разграничение предметов исследования) // Социалистическая законность. 1973. № 5. С. 55–56.
3. Керженцев П.М. Борьба за время. М.: Экономика, 1965. 110 с.

REFERENCES

1. Pavlov Yu.N., Malysheva G.V. Taylor's system. A look in 100 years. *Russian Journal of Entrepreneurship = Rossiiskoe predprinimatel'stvo*. 2000. V. 1. No 11. P. 76–83. (In Russ).
2. Belkin R.S. Criminalistics and scientific organization of work (differentiation of objects of research). *Socialist legality = Sotsialisticheskaya zakonnost'*. 1973. No. 5. P. 55–56. (In Russ).
3. Kerzhentsev P.M. *Fight for time*. Moscow: Economy. 110 p. (In Russ).

4. Белкин Р.С. Курс криминалистики. Т. 2. М.: Юнити; Закон и право, 2001. 837 с.
5. Кузьмин С.А. Современные модели менеджмента качества в судебно-экспертной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 3 (43). С. 18–27.
6. Смирнова С.А. Вызовы времени и экспертные технологии правоприменения. Мульти-модальное издание «Судебная экспертиза: перезагрузка». Ч. 1. М.: РФЦСЭ, 2012. 656 с.
7. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И., Зинин А.М. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертиология). М.: Норма: Инфра-М, 2016. 368 с.
4. Belkin R.S. *Criminalistics*. V. 2. Moscow: Unity; Law and right, 2001. 837 p. (In Russ).
5. Kuz'min S.A. Modern Models of Quality Management in Forensic Activities. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2016. No 3 (43). P. 18–27. (In Russ).
6. Smirnova S.A. *Time challenges and expert technologies of law enforcement* [Multimodal edition «Forensic science: reboot» in three parts]. Part 1. Moscow: RFCFS, 2012, 656 p. (In Russ).
7. Rossinskaya E.R., Galyashina E.I., Zinin A.M. *Theory of forensic examination (Forensic ekspertologiya)*. Moscow: Norma: Infra-M, 2016. 368 p. (In Russ).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Смирнова Светлана Аркадьевна – заслуженный юрист РФ, д. ю. н., профессор, директор ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, заведующая кафедрой судебно-экспертной деятельности ФГАОУ ВО РУДН; e-mail: info@sudexpert.ru

Кузьмин Сергей Анатольевич – к. ю. н., доцент кафедры судебно-экспертной деятельности Юридического института ФГАОУ ВО РУДН; e-mail: sakuzmin@gmail.com.

ABOUT THE AUTHORS:

Smirnova Svetlana Arkad'evna – Distinguished Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Full Professor, Director of the RFCFS of the Russian Ministry of Justice, Head of the Department of Forensic Science of the Institute of Law, RUDN University; e-mail: info@sudexpert.ru

Kuz'min Sergei Anatol'evich – Candidate of Law, Associate Professor at the Department of Forensic Science of the Institute of Law, RUDN University; e-mail: sakuzmin@gmail.com.

Труды Р.С. Белкина всегда актуальны: памяти Рафаила Самуиловича Белкина

В.Ф. Орлова

Аннотация. Публикуются воспоминания современника и коллеги Рафаила Самуиловича Белкина, много лет проработавшей в системе судебно-экспертных учреждений Минюста России.

Ключевые слова: Р.С. Белкин, криминалистика, судебная экспертиза, ВНИИСЭ

Для цитирования: Орлова В.Ф. Труды Р.С. Белкина всегда актуальны: памяти Рафаила Самуиловича Белкина // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Том 12. № 3. С. 20–21.

The Ever-Relevant Works of R.S. Belkin: A Tribute to Rafail Samuilovich Belkin

Valeriya F. Orlova

Abstract. Thoughts on the continuing legacy of Rafail Samuilovich Belkin are shared by his colleague and contemporary who worked for many years in the system of forensic science organizations of the Ministry of Justice.

Keywords: R.S. Belkin, criminalistics, forensic science

For citation: Orlova V.F. The Ever-Relevant Works of R.S. Belkin: A Tribute to Rafail Samuilovich Belkin. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2017. Vol. 12. No 3. P. 20–21.

Криминалистика – наука динамичная и ситуативная, зависящая от правовых условий и остро реагирующая на изменения в общественной жизни. Это юридическая дисциплина, постоянно аккумулирующая достижения науки и техники в самых различных областях знаний и ставящая их на службу борьбы с преступностью. Основа методологии криминалистики – объединение положений наук естественного, технического, социального профиля с правовыми и создание на этой базе новых прикладных знаний для применения в судопроизводстве.

Отечественная криминалистика прошла долгий путь развития, прежде чем стала высокоразвитой самостоятельной областью юридических знаний. Было время, когда криминалистика находилась на эмпирическом уровне развития и теоретические исследования носили частный и фрагментарный характер. Трудami советских и российских криминалистов, ученых и практиков,

была создана современная и перспективная область криминалистических знаний, занявшая достойное место в системе юридических наук.

В формировании научных основ криминалистики ведущая роль принадлежит Рафаилу Самуиловичу Белкину, посвятившему этой науке и ее прикладным аспектам всю свою научную жизнь. Вершиной творческой мысли Р.С. Белкина стали его труды по теоретическим основам криминалистики. Общая теория криминалистики, разработанная Р.С. Белкиным, была настолько востребована криминалистической наукой и практикой, что предопределила методологию развития этой области знаний на многие последующие годы. Выход в свет его трудов в 60–70-е годы породил небывалый интерес и пристальное внимание со стороны ученых-криминалистов и процессуалистов к теоретическим проблемам и сопровождался всплеском научных идей и исследований на основе и в развитие положений его работ.

Автор данной памятной статьи – современница Р.С. Белкина – благодарна судьбе за то, что ей довелось жить и работать рядом с такими ведущими криминалистами страны и интересными людьми, как Л.Е. Ароцкер, Р.С. Белкин, А.И. Винберг, Д.Я. Мирский, М.Я. Сегай, Б.И. Шевченко, А.Р. Шляхов и многие другие. Это была мощная плеяда ученых-энтузиастов, выдвигавших новые концепции, теории и учения и претворявших их в жизнь. Они были активны, боевиты, полемичны, в науке принципиальны; криминалистика была делом их жизни. Творческая деятельность ученых-криминалистов того времени была достойным образцом для подражания молодому поколению криминалистов.

Для меня, работавшей в то время над проблемой создания частной теории криминалистики – теории судебно-почерковедческой идентификации, исследования Р.С. Белкина в области общей теории криминалистики имели определяющее значение. Р.С. Белкин был официальным оппонентом на защите моей докторской диссертации на эту тему, и я очень благодарна ему за внимание к моей работе и ее поддержку. Несколько позже мне довелось работать некоторое время вместе с Рафаилом Самуиловичем во ВНИИСЭ¹ Минюста, где он возглавлял отдел теории судебной экспертизы. С присущими ему интересом и вниманием ученого к проблемам судебной экспертизы и незаурядными организаторскими данными, он во многом помог развитию теории этой области знаний. Под руководством Р.С. Белкина и других ведущих ученых того времени многие годы отдел теории ВНИИСЭ успешно функционировал в качестве организационного и научного центра теории судебной экспертизы в системе судебно-экспертных учреждений Минюста. Регулярно проводились теоретические семинары «Криминалистические чтения» – своего рода трибуна для обсуждения новых и спорных проблем с широким привлечением криминалистической общественности – ученых и прак-

тиков различных ведомств; постоянно пополнялись публикациями по теоретическим исследованиям периодические издания в области судебной экспертизы. Концептуально Р.С. Белкин признавал за общей теорией судебной экспертизы (судебной экспертиологией) научную самостоятельность, оставляя между нею и криминалистикой определенную область пересечения знаний и закономерностей. Своей работой в этом направлении Р.С. Белкин способствовал появлению новой криминалистической науки о судебной экспертизе, созданной творческими усилиями советских и российских криминалистов: Т.В. Аверьяновой, А.И. Винбергом и Н.Т. Малаховской, Ю.Г. Коруховым, В.Я. Колдиным, Д.Я. Мирским, Н.П. Майлис, Е.Р. Россинской, А.Р. Шляховым и многими другими. В современных условиях большая роль в развитии и укреплении научных и организационных основ судебной экспертизы принадлежит дочери Р.С. Белкина – Елене Рафаиловне Россинской – которая с присущей ей фамильной активностью ученого и преданностью делу успешно трудится в этой сложной и важной для правосудия области.

Теория криминалистики, созданная Р.С. Белкиным, настолько философски и гносеологически выверена, что остается действенной и актуальной и сейчас, в условиях резко изменившихся реалий общественных отношений. Как в предшествующее, так и в настоящее время ни одна серьезная научная работа в области теории и практики криминалистики не обходится без обращения к положениям общей теории криминалистики, созданной Р.С. Белкиным, и без опоры на них.

В юбилейные памятные дни, посвященные 95-летию со дня рождения Рафаила Самуиловича Белкина, невозможно думать и говорить о нем в прошедшем времени – он жив и будет жить среди настоящего и последующих поколений криминалистов в созданной им мощной методологии криминалистики: в концепциях, теориях, учениях, практических рекомендациях – во всем научном багаже, который он оставил благодарным потомкам.

¹ Всесоюзный научно-исследовательский институт судебной экспертизы (прим. ред.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Орлова Валерия Федоровна – д. ю. н., профессор, заслуженный деятель науки РСФСР; e-mail: info@sudexpert.ru.

ABOUT THE AUTHOR

Orlova Valeriya Fedorovna – Doctor of Law, Professor, Distinguished Scientist of the RSFSR; e-mail: info@sudexpert.ru.

Современное звучание теоретических и прикладных проблем фиксации информации о внешнем облике человека в курсе криминалистики Р.С. Белкина

А.М. Зинин

ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», Москва 125993, Российская Федерация

Аннотация: Рассмотрены проблемные вопросы использования криминалистических методов и средств фиксации информации о внешнем облике человека в свете концептуальных положений, касающихся видов и форм ее фиксации в ходе процессуальных действий, сформулированных профессором Р.С. Белкиным в его «Курсе криминалистики» 1997 года. Обосновано их значение для современной следственной деятельности по установлению личности разыскиваемых преступников.

Ключевые слова: информация о внешнем облике человека, виды и формы фиксации информации, причины потери информации, процессуальные условия фиксации информации о внешнем облике человека

Для цитирования: Зинин А.М. Современное звучание теоретических и прикладных проблем фиксации информации о внешнем облике человека в курсе криминалистики Р.С. Белкина // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Том 12. № 3. С. 22–27.

Revisiting R.S. Belkin's Criminalistics Course: A Contemporary Take on the Theoretical and Applied Problems of Capturing Information about a Person's Physical Appearance

Aleksandr M. Zinin

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow 125993, Russian Federation

Abstract: The issues of using forensic methods and tools for capturing information about a person's physical appearance are examined in light of the conceptual provisions regarding the types and forms of capturing such information in the course of procedural actions, as outlined by Professor R.S. Belkin in his Criminalistics Course published in 1997. The paper substantiates their significance to modern investigative efforts towards the identification of wanted criminals.

Keywords: information about a person's physical appearance, types and forms of capturing information, causes of information loss, procedural conditions for capturing information about a person's physical appearance

For citation: Zinin A.M. Revisiting R.S. Belkin's Criminalistics Course: A Contemporary Take on the Theoretical and Applied Problems of Capturing Information about a Person's Physical Appearance. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2017. Vol. 12. No 3. P. 22–27.

Установление личности разыскиваемых преступников является одной из наиболее сложных задач, решаемых при раскрытии и расследовании преступлений. Это многоаспектная деятельность субъектов правоприменения, осуществляемая в целях ре-

шения задачи достоверного выявления и доказывания того, что именно данный человек причастен к тем или иным ситуациям, изучаемым этими субъектами. Среди этих ситуаций – раскрытие преступлений, разрешение гражданско-правовых споров, рассмотре-

ние административных правонарушений, связанных с установлением личности.

Современное представление о личности базируется на том, что личность включает в себя совокупность находящихся в интегральном единстве, относительно постоянных социальных, психологических, психических и биологических свойств человека [1, 2]. Личность – это социальное качество человека, т. к. она формируется в ходе взаимодействия с социальной средой.

В зависимости от возникающих в правоприменительной деятельности ситуаций и реальных задач, используемых средств и методов установления личности исследованию подлежит определенная группа свойств или отдельное свойство человека. Изучаются не все без исключения свойства, а только те, которые относятся к комплексу свойств, признаков, связей, отношений, ограниченных задачей достоверного выявления и доказательства роли данного человека в ситуациях, изучаемых субъектами правоприменительной деятельности. Следует также отметить, что исследуются свойства, имеющие информативный характер, те, по которым составляется представление об информативной структуре личности преступника, жертвы преступного посягательства, потерпевшего.

Структура свойств личности в криминалистике должна рассматриваться во взаимодействии трех групп свойств: биологических, психологических, социальных. При этом в зависимости от предмета исследования той или иной группе свойств личности придается первостепенное значение.

Задача установления личности неизвестного субъекта на первоначальном этапе решается путем сбора информации о биологических свойствах личности, определяющих ее физическую индивидуальность. Поэтому при установлении личности изучение биологических свойств, как правило, начинается с выявления тех признаков, которые отображают строение человеческого организма. Среди них самое существенное значение имеют признаки, характеризующие внешний облик человека. Именно они оказываются узловыми при получении исходных данных о совершенном преступлении и использовании в дальнейшем для проведения многих оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, направленных на установление личности.

Признаки, характеризующие внешний облик человека, позволяют составить пред-

ставление о строении его тела (фигуре, росте) и отдельных частей (голове, лице, шее, плечах, конечностях и т. д.), половой принадлежности, возрастной группе, антропологическом и конституциональном типе.

Полное представление о человеке невозможно без признаков, характеризующих его функциональные проявления: походку, мимику, жестикуляцию и др. Дополняют и углубляют представление о человеке признаки так называемых сопутствующих элементов – одежды, обуви, носимых предметов и вещей. Эти элементы не напрямую отображают биологические свойства человека, они скорее дают представление о его социально-демографических характеристиках. Однако признаки сопутствующих элементов дают информацию об анатомических и функциональных признаках человека. Например рост и полнота верхней одежды, именуемые ее размером, и особенности обуви, отражающие индивидуализирующие признаки нижних конечностей.

В своей совокупности признаки внешности позволяют осуществлять криминалистическую идентификацию человека в целях установления его личности. Однако, для того чтобы эти признаки позволяли осуществить его индивидуализацию в целях идентификации, необходима «систематизация признаков разыскиваемых объектов, что является, – как подчеркивал Р.С. Белкин, – необходимым условием эффективного розыска, независимо от того, ведется ли он процессуальными или оперативно-розыскными средствами и методами» [3].

Систематизация является необходимым условием накопления признаков в целях последующего их использования, в том числе для идентификации объекта по его отображениям. Процесс систематизации признаков зависит от видов носителей информации, позволяющих анализировать эти признаки. Необходимо заметить, что накопление и систематизация признаков такого объекта, как человек, является сложным процессом в силу многогранности личности, что было отмечено выше при рассмотрении понятия личности. Сложность процесса обусловлена также тем, что признаки личности фиксируются на различных носителях информации.

В аспекте криминалистического установления личности актуальны виды отображения ее свойств, позволяющие составить адекватное представление об индивидууме. Если рассматривать свойства личности,

то процесс оценки признаков этих свойств определяется тем, насколько они (признаки) могут анализироваться объективно. Представляется, что выявление признаков, характеризующих социальные, психические и психологические свойства личности, существенно зависит от субъектов, собирающих информацию, их, с одной стороны, профессиональной подготовленности к этому процессу, с другой стороны, их собственных субъективных характеристик, влияющих на оценку значимости признаков, убежденности в достаточности выявленной совокупности признаков для индивидуализации человека.

Стоит отметить, что проблема взаимосвязи признаков свойств личности является наиболее сложной в процессе ее установления. Здесь, по нашему мнению, наиболее сложной является проблема корреляции психических, психологических личностных характеристик человека с анатомическими признаками его внешности, особенно с динамическими проявлениями функциональных элементов внешности, такими как мимика, жестикуляция. Ряд этих проявлений зависит от условий формирования личности, ее этнических характеристик. Но даже такие, казалось бы, стабильные признаки, как строение анатомических элементов внешнего облика человека, могут оцениваться субъективно применительно к выявлению их корреляции с признаками личности. Именно в этом видится недостаток такого направления изучения личности, как физиогномика, когда тем или иным особенностям строения элементов внешности, особенно лица, придается значение маркера психологических и психических свойств человека [4].

Вряд ли можно систематизировать признаки, характеристика которых субъективна. Кроме того, для систематизации признаков необходимо использовать определенный инструментарий, свойственный процессу установления личности. И таким инструментарием, как представляется, являются носители информации, которые традиционно используются при фиксации информации о внешнем облике человека, поскольку она является наиболее объективным маркером биологических свойств человека – индивидуума.

Информация о внешнем облике человека в целях ее криминалистического использования должна фиксироваться на определенных носителях различных видов с учетом

условий и форм применения информации. В практике криминалистического установления личности по признакам внешнего облика человека традиционно используются два основных вида фиксации информации о внешнем облике человека: описание и изображение. Считается, что описание менее информативно, чем изображение, поскольку в этом случае используются словесные способы фиксации информации, а при изготовлении изображений – наглядно-образная фиксация.

Достоверность словесного способа фиксации информации определяется тем, насколько реализуются ее системы, которые Р.С. Белкин назвал «знаковыми». В качестве одной из первых криминалистических знаковых систем Белкин приводит систему «словесного портрета» А. Бертильона (Bertillon), разработанную им для уголовной регистрации по признакам внешности. При этом Р.С. Белкин обращает внимание не только на терминологию словесного портрета, предложенную А. Бертильоном, но и на «количественные характеристики частей человеческого тела» и «условные обозначения признаков словесного портрета», которые предложил Р. Рейсс (Reiss) для передачи на расстояние описания внешности человека [5]. Такое определение этих систем имеет концептуальное значение, поскольку позволяет познать их методическую сущность в аспекте криминалистики.

Известно, что А. Бертильон разрабатывал свою систему, исходя из постулата, что признаки такого биологического объекта, как человек, позволяют его индивидуализировать. Причем в его системе предусматривается именно полнота фиксации информации. Немаловажное значение имел инструментарий сбора такой информации. А. Бертильон использовал антропометрический инструментарий, поэтому его система получила название антропометрической регистрации. В использовании такого инструментария крылся недостаток системы А. Бертильона – сложность замеров человека по строго определенным правилам, что в итоге и привело к отказу от данной системы. Но она сохранила свои принципы применительно к измерительным методам анализа признаков внешности человека по его изображениям. Более того, система измерений, но уже в другом аспекте, свойственна как методике проведения судебной портретной экспертизы, так и биометрической регистрации человека.

За десятилетия изложения системы словесного портрета в криминалистической литературе [6] сложилось представление о ее универсальном характере, т. е. пригодности во многих ситуациях установления личности по признакам внешнего облика человека, в том числе розыска, опознания, судебной портретной экспертизы. Однако эта система была предложена А. Бертильоном для одной ситуации: сравнения лиц в натуре с изображениями лиц, изготовленных по правилам сигналетической фотосъемки. В основе этой системы лежит сопоставление изображений элементов лица на сигналетических фотоснимках. Система А. Бертильона работает тогда, когда сопоставляется вся совокупность признаков элементов внешности, что реально при использовании сигналетических фотоснимков в регистрационных системах. Но это практически невозможно при использовании обычных средств фотографирования и видеозаписи – а именно таким образом полученные изображения поступают в распоряжение сотрудников правоохранительных подразделений для проведения идентификации. На обычных фотоснимках и видеокдрах признаки элементов лиц отображаются не в полном объеме, как это требует система словесного портрета.

Распространение системы А. Бертильона на все ситуации криминалистического использования данных о признаках внешности человека привело, по сути, к ее дискредитации, поскольку выхолащивает действительное значение признаков внешности. Общая схема применяется к различным ситуациям фиксации информации о внешнем облике человека. Так, при описании признаков внешности лица, подлежащего опознанию, опознающий должен описать признаки внешности, по которым он сможет опознать предъявленного ему человека. Он сообщает, что сможет узнать человека по «чертам его лица», строению их элементов. Конкретизация такого описания затруднительна, фактически невозможна, поскольку в основе представления о внешнем облике опознаваемого лежит мысленный образ – носитель информации со сложной психологической природой. Опознающий может узнать другого человека на основе этого мысленного образа, а однозначно описать признаки внешности ему сложно. Тем не менее такое описание должно фиксироваться в протоколе следственного действия с использованием универсальных терминов

словесного портрета, которые в силу такой универсальности не могут передать своеобразие внешнего облика опознаваемого человека. Более того, большинство людей не имеют особых примет, а их признаки внешности характеризуются как средние по градациям для данной популяции. Как показало изучение сводок-ориентировок о розыске скрывшихся преступников, в них также дается характеристика признаков внешности как средних, обычных.

Существует и еще один недостаток таких систем – они успешно могут применяться фактически к той антропологической группе людей, которую анализировал А. Бертильон, – европеоидам. Современная практика установления личности столкнулась с необходимостью использовать предложенные еще А. Бертильоном и А. Рейссом системы признаков для самых разных антропологических групп. В то же время современная антропология различает присущие той или иной расе характеристики признаков внешности [7]. Они могут быть описаны с использованием той же терминологии, которая составляет основу системы словесного портрета А. Бертильона, но значение их, исходя из антропологического подхода, иное с точки зрения комплекса розыскных признаков.

Представляется, что для обеспечения потребностей практики установления личности по признакам внешности необходима разработка систем признаков с учетом антропологического разнообразия человечества. Такой подход к систематизации признаков внешности позволит осуществлять их дифференциацию и обеспечивать потребности установления личности. Кроме того, необходима разработка систем описания с учетом отображения признаков внешности человека на различных носителях информации.

Идея «знаковости», высказанная профессором Р.С. Белкиным еще в конце 90-х годов 20-го века, должна быть положена в основу криминалистических систем описания признаков внешности с учетом специфики видов установления личности: регистрационной, оперативно-розыскной, следственной и судебно-экспертной. Эти системы описания должны различаться, поскольку механизм оперативно-розыскного и следственного установления личности отличается от механизма судебно-экспертной идентификации человека. В оперативно-розыскном установлении личности ведущую роль играют признаки, отличаю-

щиеся образностью, наглядностью, а в судебно-экспертной идентификации важна индивидуальность признаков. При розыске необходимо наличие совокупности наглядных признаков, а при экспертной идентификации – их характеристика как общих и частных. В то же время значение общих и частных признаков определяется их антропологическими характеристиками. При следственном опознании важно наличие признака и его соответствие мысленному образу. При судебно-портретной идентификации важно значение признаков с точки зрения их редкости и характерности для данного индивидуума.

Рассматривая формы доказательственной информации, Р.С. Белкин выделяет графическое описание и моделирование внешнего облика человека. Он обращает внимание на «зарисовки по мысленному образу». Это может быть рисованный портрет, изготовленный самим очевидцем, и портрет, изготовленный художником со слов очевидца. Портрет может быть изготовлен и с помощью специальных технических средств.

Следует отметить, что Р.С. Белкин выявил неизбежные причины потерь информации при таком способе ее фиксации:

- возможные неточности словесной передачи информации о признаках, содержащихся в мысленном образе;
- деформации при приеме информации и ее графической перекодировке лицом, исполняющим портрет;
- несовершенство средств графического воспроизведения.

Обратил внимание Р.С. Белкин и на недостатки такого, казалось бы, более эффективного способа фиксации внешнего облика человека в рисованном портрете, как его изготовление по показаниям нескольких очевидцев, что должно обеспечить синтетический характер такого портрета. Эти недостатки обусловлены «различием в восприятии, запоминании и воспроизведении, неизбежно проявляющиеся в показаниях допрошенных». Практика показала, что такие недостатки присущи всем ситуациям изготовления портретов по показаниям нескольких очевидцев. В связи с чем рекомендуется использовать несколько вариантов портрета, если не удастся изготовить обобщенный вариант.

Рассмотрел Р.С. Белкин в своем учебнике, в параграфе, посвященном предметной и наглядно-образной формам фиксации доказательственной информации, такой

способ ее фиксации, как «предметное моделирование внешнего облика человека». Он отметил, что при этом используются специальные технические средства, однако подчеркнул, что, «если рисованный портрет исполняется самими допрашиваемым в ходе допроса и, как любой подобный объект такого рода, прилагается к протоколу, то содержащаяся в нем информация, полученная процессуальным путем, может иметь доказательственное значение. Что же касается портретов, изготовленных художником или с помощью специальных технических средств в ходе процедуры, не предусмотренной процессуальным законом (например, с помощью фоторобота, информационного комплекта рисунков и т. д.), то они являются средством фиксации не доказательственной, а ориентирующей информации».

Необходимо заметить, что следственная практика традиционно считает рисованный портрет и другие виды субъективных портретов средством оперативно-розыскной информации и не использует их в качестве доказательств. Думается, что такая позиция обусловлена, во-первых, редкостью ситуации, когда потерпевший в ходе допроса может изобразить внешний облик преступника, во-вторых, необходимостью дополнительных следственных действий по использованию данного вида фиксации информации. Между тем, хотя и эпизодически, следственная практика показывает надежность такого способа фиксации информации о внешнем облике преступника, получаемой в ходе допроса, и перспективность дальнейшего ее использования.

Фиксация информации о внешнем облике разыскиваемого путем изготовления субъективного портрета специалистом в ходе допроса по инициативе и в присутствии следователя дает ему возможность убедиться в надежности и полноте мысленного образа, сформировавшегося в памяти потерпевшего, что важно для проведения такого последующего следственного действия, как опознание по признакам внешнего облика после установления преступника. Кроме того, следователь может более эффективно организовать сам процесс изготовления портрета, чем оперативный сотрудник, который зачастую формально относится к этому мероприятию.

Так, по делу об изнасиловании малолетней девочки зимой в одном из городов Красноярского края портрет составлял спе-

циалист в ходе допроса ее подружки, которая видела насильника. Следователь построил данную работу, как допрос малолетней в присутствии ее родителей с участием специалиста, который изготовил потрет с помощью идентификационного комплекта рисунков (ИКР-2). Уже летом по репродукции данного портрета дежурный отделения милиции, куда был доставлен молодой мужчина за совершение административного правонарушения, выявил признаки сход-

ства этого человека с разыскиваемым насильником.

Анализ методов фиксации информации о внешнем облике человека и ее содержание на носителях информации, как представляется, должен осуществляться с учетом природы данной информации, определенной Р.С. Белкиным, что позволит получать реальные результаты ее применения в следственных ситуациях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конечный Р., Боухал М. Психология в медицине. Прага: Авиценум, 1983. 405 с.
2. Холл К.С., Линдсей Г. Теория личности. М.: Апрель-Пресс, 2000. 591 с.
3. Антонян Е.А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование: автореферат дис. ... доктора юридических наук. М., 2014. 41 с.
4. Белкин Р.С. Курс криминалистики. Т. 2. Частные криминалистические теории. М.: Юрист, 1997. 464 с.
5. Рейсс Р.А. Словесный портрет. Опознание и отождествление личности по методу Альфонса Бертільона. Со словарем на фр., нем., итал. и англ. языках и цифровым шифром для телеграфных сношений. М.: Т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1911. 154 с.
6. Курс криминалистики / Под редакцией О.Н. Коршуновой и А.А. Степанова. Т. 1. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 683 с.
7. Бейкер Д.Р. Раса. Взгляд белого человека на эволюцию. М.: АСТ, 2015. 727 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Зинин Александр Михайлович – д. ю. н., проф., заслуженный юрист РФ, профессор кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА); e-mail amzinin@mail.ru.

REFERENCES

1. Konechnyi R., Boukhal M. *Psychology in medicine*. Prague: Avitsenum, 1983. 405 p. (In Russ.).
2. Hall C.S., Lindsey G. *Theories of Personality*. Moscow: April-Press, 2000. 591 p. (In Russ.).
3. Antonyan E.A. *Identity of the recidivist: criminological and criminal and executive research*. Abstract of doctoral thesis (Law). Moscow, 2014. 41 p. (In Russ.).
4. Belkin R.S. *Criminalistics course. Vol. 2. Private criminalistic theories*. Moscow: Yurist, 1997. 464 p. (In Russ.).
5. Reiss R. *Description. Identification of the personality by Alphonse Bertillon's method. With the dictionary on Franch, German, Italian and English languages and the digital code for the cable intercourses*. Moscow: A. Levenson, 1911. 154 p. (In Russ.).
6. Korshunova O.N. and Stepanov A.A. (eds) *Course of criminalistics*. Vol. 1. St. Petersburg.: Legal Press center, 2004. 683 p. (In Russ.).
7. Baker J. *Race. View of the white person of evolution*. Moscow: AST, 2015. 727 p. (In Russ.).

ABOUT THE AUTHORS:

Zinin Aleksandr Mikhailovich – Doctor of Law, Professor, Distinguished Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Forensic Sciences Department, Kutafin Moscow State Law University (MSAL); e-mail: amzinin@mail.ru.

К вопросу о соотношении видов идентификации и доказательственном значении выводов

Н.П. Майлис

ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя», Москва 117437, Российская Федерация

Аннотация. Рассмотрены проблемные вопросы идентификации, касающиеся ее видов, их соотношения, значимости выводов и их доказательственного значения.

Ключевые слова: индивидуальная идентификация, групповая принадлежность, доказательственное значение выводов

Для цитирования: Майлис Н.П. К вопросу о соотношении видов идентификации и доказательственном значении выводов // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Том 12. № 3. С. 28–32.

Concerning the Relationship between Different Types of Identification and Evidentiary Value of Expert Findings

Nadezhda P. Maylis

V.Ya. Kikot' Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow 117437, Russian Federation

Abstract. The article discusses the issues of identification in terms of its types, the relationship between them, the relevancy of expert findings and their evidentiary value.

Keywords: individualization, group identification, evidentiary value of conclusions

For citation: Maylis N.P. Concerning the Relationship between Different Types of Identification and Evidentiary Value of Expert Findings. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2017. Vol. 12. No 3. P. 28–32.

Рассматривая вопросы идентификации, мы обращаемся к работам ученых, внесших значительный вклад в ее становление и развитие. Среди них следует выделить имя профессора Р.С. Белкина, деятельность которого неразрывно связана с криминалистикой и всеми ее составляющими. Гениальность Р.С. Белкина состояла не только в развитии и прогнозировании этого важного направления, но и в простоте изложения сложных теоретических понятий, что обеспечивало их понимание.

Научные интересы и спектр изучаемых Р.С. Белкиным проблем были весьма многогранны. Об этом свидетельствуют его многочисленные работы: монографии, главы учебников, научные статьи, написан-

ные единолично и в соавторстве, а также интересные работы литературного жанра. Большое внимание было уделено автором и идентификации, ее видам и доказательственному значению в раскрытии и расследовании преступлений.

Вопросам идентификации в криминалистической литературе уделялось достаточно много внимания. Однако, несмотря на это, остаются многие проблемы относительно понятия видов идентификации и выводов, сделанных исходя из той или иной ее формы.

Идентификация – один из логических методов познания. При ее осуществлении на основе сравнительного исследования устанавливается тождество объекта или

личности по совокупности общих и частных признаков [1, с. 42].

Поскольку теория идентификации разрабатывалась в рамках криминалистики, она приобрела характер криминалистической теории, а сама идентификация – характер криминалистического процесса, т. е. криминалистического средства работы с доказательствами. Поэтому и был принят термин *криминалистическая идентификация*. Наряду с этим в литературе выделялись и другие виды идентификации, обстоятельный анализ которых был проведен Р.С. Белкиным [2, с. 435–437], поэтому подробно мы их не рассматриваем.

В теории судебной экспертизы и в практической экспертной деятельности принято выделять две формы идентификации: индивидуальную и групповую. Как известно, индивидуальная идентификация – это отождествление определенного лица, предмета, который неповторим и отличается от всех других данного рода. Для осуществления индивидуальной идентификации необходимо выявить идентификационный комплекс признаков, которые в своей совокупности являются уникальными, неповторимыми и достаточными для разрешения вопроса о тождестве. Относительно индивидуальной идентификации дискуссионные вопросы, как правило, возникают на этапе формулирования выводов: насколько достаточен комплекс выявленных признаков для категорического суждения? Если же недостаточен, то выводы должны формулироваться в предположительной форме; но тогда возникает следующий вопрос: какую доказательственную силу будут иметь эти выводы?

Что же касается групповой идентификации, то среди ученых продолжают дискуссии как по поводу использования терминологического аппарата, так и по поводу определения ее сущности.

Еще в 50–60-е годы прошлого столетия большинство авторов, уточняя принятое на тот период понятие родовой (видовой) идентификации, пришли к выводу о необходимости замены его понятием *установление групповой принадлежности*. Так, к примеру, Г.М. Миньковский и Н.П. Яблоков указывали на безосновательность употребления термина «групповая идентификация», утверждая, что «объект может быть тождественен только самому себе. В данном случае речь идет о принадлежности объекта к определенной группе, то есть о

его сходстве с некоторыми другими объектами. Поэтому надо говорить об установлении групповой принадлежности» [3, с. 83].

Отрицая родовую принадлежность, А.И. Винберг одновременно отмечал, что если сравниваемые объекты совпадают по родовым признакам, т. е. являются совместимыми, то далее надо переходить к сравнению видовых, более частных, признаков [4, с. 86].

В те же годы немаловажную роль сыграла работа В.Я. Колдина «Идентификация при производстве криминалистических экспертиз» (1957 г.). Автор поднял вопрос о формах отождествления: «Формы идентификации, на наш взгляд, прежде всего зависят от вида отображений, служащих материалом для установления свойств отождествляемых объектов». В.Я. Колдин классифицировал многообразные виды отображений на две основные группы. К первой он относил все материально-фиксированные отображения (следы рук, ног, транспорта, животных, орудий и инструментов, отпечатки печатей и штампов, машинописные и рукописные тексты, фотоснимки и т. п.). Ко второй группе – чувственно-конкретное представление, сохранившееся в памяти лица, дающего описание признаков человека или вещи, т. е. отображения отождествляемых объектов в памяти человека [5, с. 8].

Достаточно обстоятельно проблемы криминалистической идентификации и ее виды были рассмотрены Т.А. Седовой [6, с. 36]. Она отмечала, что в теории криминалистической идентификации необходимо использовать только понятия *индивидуальная идентификация* и *групповая идентификация*, которые соответствуют и логическому пониманию тождества и достаточно четко подчеркивают специфику криминалистической идентификации по сравнению с естественнонаучной.

Рассматривая виды криминалистической идентификации, В.Я. Колдин [7, с. 34–37] выделил:

- сигнальную и знаковую идентификацию по форме выражения информации в идентифицирующем объекте;
- идентификацию целостных структур, идентификацию разделенного целого и идентификацию источника (места возникновения) объектов искусственного (изделие) или естественного (организмы) происхождения по форме идентифицируемого

объекта и способу отражения идентификационных свойств;

– родовую, видовую, групповую и индивидуальную идентификацию по уровню индивидуализации.

Своеобразную точку зрения высказывает С.В. Дубровин, выделяя виды криминалистического идентифицирования, а не виды криминалистической идентификации, и подчеркивает, что идентификация – это частная криминалистическая теория. По его мнению, криминалистическое идентифицирование бывает следующих видов [8, с. 13]:

– По материально-фиксированным отображениям признаков. При этом сравнивается идентификационный комплекс признаков проверяемых объектов. Пример – сравнение следа подошвы обуви, обнаруженного и изъятого на месте происшествия, со следом подошвы обуви, изъятой у конкретного лица.

– По признакам общего происхождения (установление «целого по части»). Сущность данного вида идентификации заключается в том, что нужно установить принадлежность отдельных частей единому целому. Пример – сопоставление отдельных обрывков (кусков) ткани или разорванного документа.

– По описанию признаков, если они зафиксированы на материальном носителе (письменное описание) либо с помощью словесной характеристики.

– По мысленному образу объекта, который запечатлился в памяти конкретного лица.

Анализируя определения криминалистической идентификации, сформулированные учеными в разные периоды ее развития, С.В. Дубровин констатирует, что «в настоящее время отсутствует единообразный, ясный и четкий подход к толкованию термина криминалистическая идентификация», и раскрывает его значение в своем понимании. По его мнению, «преобладающим и правильным» будет употребление термина *криминалистическое идентифицирование*, оба термина «не имеют совпадений и наложений» и термин *криминалистическая идентификация* может быть использован только при обозначении частной криминалистической теории. Но, на наш взгляд, попытка автора не внесла должной ясности при рассмотрении терминов криминалистической идентификации.

Таким образом, даже, казалось бы, давно устоявшиеся термины и понятия в судебной экспертизе могут пересматриваться и уточняться, но, конечно, взвешенно и продуманно.

Единого мнения среди ученых нет и относительно задачи криминалистической идентификации. Ряд авторов определяют ее как «установление факта тождества» или получение доказательства тождества [9, с. 54; 10, с. 13; 11, с. 104]. Некоторые авторы исходят из того, что задача идентификации состоит в разрешении вопроса о тождестве и, следовательно, идентификация может иметь как положительный, так и отрицательный результат – «установление наличия или отсутствия тождества» [12, с. 410; 13, с. 51; 14, с. 94]. Другие авторы считают, что задачей криминалистической идентификации является разрешение вопроса о том, «не является ли отождествляемый объект искомым, например, не является ли задержанное лицо преступником, приметы которого известны, или не является ли изъятый пистолет тем оружием, которое применялось при совершении расследуемого преступления» [15, с. 38].

По мнению В.Я. Колдина, задача разрешения вопроса о тождестве как непосредственная задача криминалистической идентификации тесно сопрягается с другими задачами доказывания, поскольку отождествление является лишь средством установления объекта, определенным образом связанного с расследуемым событием. Если в результате отождествления такой объект не устанавливается, задачи доказывания нельзя считать разрешенными. В этой связи, чтобы отразить сущность криминалистической идентификации, автор выделяет следующие задачи [16, с. 5]:

1) обнаружение следов лиц и предметов, связанных с расследуемым событием;

2) обнаружение лиц и предметов, которые по обстоятельствам дела могли оставить найденные следы;

3) сравнительное исследование отображенного в следах и имеющегося объектов с целью разрешения вопроса об их тождестве;

4) установление единичного материального объекта, связанного с расследуемым событием;

5) выяснение характера его связи с преступлением.

Задачи, решаемые при установлении тождества, в судебной экспертизе принято классифицировать на идентификационные, диагностические и классификационные. Идентификационные, в зависимости от вида, например, трасологических экспертиз, подразделяются на установление тождества и групповой принадлежности людей, орудий, механизмов и животных, оставивших следы, а также установление тождества целого по его частям. Диагностические задачи способствуют решению идентификационных, они направлены на обнаружение и фиксацию следов, определение их пригодности для идентификации, установление времени и механизма воздействия, которое привело к появлению следов, установление последовательности возникновения следов, свойств исследуемых объектов. Классификационные задачи имеются и среди диагностических, и среди идентификационных. Классификация является инструментом экспертной задачи, а не целью экспертного исследования. В процессе идентификационного исследования при решении классификационной задачи в одном случае проверяемый объект относят к определенному, заранее установленному классу объектов, в другом случае, при отсутствии проверяемого объекта, можно лишь судить об априорно определенной классификационной группе. В процессе диагностического исследования решение классификационной задачи будет направлено на установление того или иного обстоятельства в случае, когда наукой заранее определены классы определенных объектов и состояние исследуемого объекта соответствует одному из них [17, с. 9].

Таким образом, анализ специальной литературы позволяет прийти к следующим выводам.

Индивидуальная идентификация, как правило, устанавливается после выявления совпадающих групповых признаков. Но в ряде случаев, особенно в практике трасологических экспертиз, тождество может быть установлено и без их выявления¹. Установление индивидуальной идентифи-

кации и групповой принадлежности имеет важное значение в раскрытии преступлений. Выяснение их соотношения позволяет правильно оценить выявленные экспертом признаки и способствует объективизации установления новых фактических данных в целях расследования и раскрытия преступлений.

При рассмотрении вопросов о соотношении индивидуальной идентификации и групповой принадлежности важно формулирование выводов. Они должны быть аргументированы и обоснованы. Для принятия окончательного решения эксперт проверяет, все ли методы использованы для решения поставленных перед ним задач, достаточно ли выделено признаков и какова их значимость, какова достоверность полученных результатов. Если устанавливается тождество, то затруднений в оценке таких выводов не возникает. Что же касается выводов о групповой принадлежности, то правоприменители оценивают их по-разному.

В ряде случаев, например, при невозможности решить вопрос о том, что повреждение образовано ножом, изъятым у подозреваемого, т. к. не отобразились частные признаки клинка ножа, формулируется вывод о групповой принадлежности орудия: повреждения на одежде потерпевшего образованы клинком ножа, имеющим такую же форму, размеры и степень заточки, что и нож, изъятый у подозреваемого. Таким же образом формулируются выводы по следам обуви, транспортных средств и др. Если у следователя на момент получения заключения эксперта с такими выводами отрабатывается версия, с которой такие выводы соотносятся, то он их может интерпретировать как выводы об индивидуальном тождестве. Такая же ситуация имеет место и в суде, особенно когда эксперт пишет, что в данном случае имеет место «узкая групповая принадлежность». Безусловно, правоприменителю сложно оценить такой вывод, но эксперт, на основе многих совпадающих признаков, пытается усилить полученные результаты в целях достижения поставленных перед ним задач.

Изложенное подтверждает актуальность поднятых проблем по вопросам, связанным с идентификацией, которые, несмотря на достаточную разработанность, носят дискуссионный характер.

¹ В монографии Н.П. Майлис «Моя профессия – судебный эксперт» 2006 г. [18] описано несколько экспертиз, выполненных автором, в которых индивидуальная идентификация объектов, оставивших следы на месте преступления, была установлена по нескольким частным признакам, без установления совпадающих групповых признаков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Майлис Н.П. Теория и практика судебной экспертизы в доказывании. М.: Юнити-Дана, 2015. 264 с.
2. Белкин Р.С. Курс криминалистики. М.: Юнити. 2001. 837 с.
3. Миньковский Г.М., Яблоков Н.П. Рецензия на учебник «Криминалистика» под ред. А.И. Винберга и С.П. Митричева 1950 г. // Социалистическая законность. 1951. № 7. С. 81–87.
4. Винберг А.И. Криминалистическая экспертиза в советском уголовном процессе. М.: Госюриздат, 1956. 220 с.
5. Колдин В.Я. Идентификация при производстве криминалистических экспертиз. М.: Госюриздат, 1957. 152 с.
6. Седова Т.А. Проблемы методологии и практики нетрадиционной криминалистической идентификации. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1986. 105 с.
7. Колдин В.Я. Судебная идентификация. М.: ЛексЭст, 2002. 528 с.
8. Дубровин С.В. Терминология, понятийный аппарат и другие характеристики криминалистической идентификации и криминалистической диагностики. М.: МПГУ, 2009. 33 с.
9. Криминалистика / Под ред. С.П. Митричева, Н.А. Селиванова, М.П. Шаламова. М.: Юридическая литература, 1973. 536 с.
10. Сегай М.Я. Методология судебной идентификации. Киев: МВД СССР, 1970. 254 с.
11. Митричев В.С. Вопросы теории судебной идентификации // Труды ЦНИИСЭ. Вып. 2. М.: ЦНИИСЭ, 1970. С. 94–144.
12. Теория доказательств в советском уголовном процессе / Под ред. Г.М. Миньковского, А.Р. Ратинова, В.Г. Танасевича, А.А. Эйсмана. М.: Юридическая литература, 1973. 736 с.
13. Брайнин М. Криминалистика. М.: Юридическая литература, 1968. 687 с.
14. Колмаков В.П. Криминалистическая идентификация как способ доказывания в уголовном и гражданском судопроизводстве // Криминалистика и судебная экспертиза. 1966. Вып. 3. С. 91–101.
15. Криминалистика. Том 1 / Под ред. Р.С. Белкина и Г.Г. Зуйкова. М.: ВШ МВД СССР, 1969. 376 с.
16. Колдин В.Я. Идентификация при расследовании преступлений. М.: Юридическая литература, 1978. 144 с.
17. Майлис Н.П., Одиночкина Т.Ф., Соколова О.А. Трасология: учебник. М.: Щит-М, 2011. 328 с.
18. Майлис Н.П. Моя профессия – судебный эксперт. М.: Щит-М, 2006. 168 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Майлис Надежда Павловна – д. ю. н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры оружейведения и трасологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя; e-mail: jlmaylis@yandex.ru.

REFERENCES

1. Maylis. N.P. *Theory and practice of forensic examination in proof*. Moscow: Yuniti-Dana, 2015. 264 p. (In Russ.).
2. Belking R.S. *Course of criminalistics*. Moscow: Yuniti. 2001. 837 p. (In Russ.).
3. Min'kovskii G.M., Yablokov N.P. Review of the textbook "Criminalistics" under editorship of. A.I. Vinberg and S.P. Mitrichev, 1950. *Sotsialisticheskaya zakonnost'* = *Socialist legality*. 1951. No 7. P. 81–87. (In Russ.).
4. Vinberg A.I. *Criminalistic examination in the Soviet criminal trial*. Moscow: Gosyurizdat, 1956. 220 p. (In Russ.).
5. Koldin V.Ya. *Identification by production of criminalistic examinations*. Moscow: Gosyurizdat, 1957. 152 p. (In Russ.).
6. Sedova T.A. *Problems of methodology and practice of nonconventional criminalistic identification*. Leningrad: Leningrad University, 1986. 105 p. (In Russ.).
7. Koldin V.Ya. *Forensic identification*. Moscow: LeksEst, 2002. 528 p. (In Russ.).
8. Dubrovin S.V. *Terminology, conceptual framework and other characteristics of criminalistic identification and criminalistic diagnostics*. Moscow: MPGU, 2009. 33 p. (In Russ.).
9. Mitrichev S.P., Selivanov N.A., Shalamov M.P. (eds) *Criminalistics*. Moscow: Legal literature, 1973, 536 p. (In Russ.).
10. Segai M.Ya. *Methodology of forensic identification*. Kiev: MVD USSR, 1970, 254 p. (In Russ.).
11. Mitrichev V.S. Questions of forensic identification. *Proceedings of TsNIISE*. Issue 2. Moscow: TsNIISE. 1970. P. 94–144. (In Russ.).
12. Min'kovskii G.M., Ratinov A.R., Tanasevich V.G., Eisman A.A. (eds). *Theory of proofs in soviet criminal trial*. Moscow: Legal literature, 1973. 736 p. (In Russ.).
13. Brainin M. *Criminalistic*. Moscow: Legal literature, 1968. 687 p. (In Russ.).
14. Kolmakov V.P. Criminalistic identification as a way of proof in criminal and civil legal proceedings. *Criminalistics and forensic examination = Kriminalistika i sudebnaya ekspertiza*. 1966. Issue 3. P. 91–101. (In Russ.).
15. Belkin R.S., Zuikov G.G. (eds) *Criminalistic*. Vol. 1. Moscow: VSh MVD USSR, 1969. 376 p. (In Russ.).
16. Koldin V.Ya. *Identification at investigation of crimes*. Moscow: Legal literature, 1978. 144 p. (In Russ.).
17. Maylis. N.P., Odinochkina T.F., Sokolova O.A. *Tracology*. Moscow: Shchit-M, 2011. 328 p. (In Russ.).
18. Maylis. N.P. *My profession is forensic expert*. Moscow: Shchit-M, 2006. 168 p. (In Russ.).

ABOUT THE AUTHOR:

Maylis Nadezhda Pavlovna — Doctor of Law, Professor, Distinguished Scientist of the Russian Federation, Professor at the Department of Weapons and Trace Evidence Analysis, V.Ya. Kikot' Moscow University of the MIA of Russia; e-mail: jlmaylis@yandex.ru.

Специальные методы судебной лингвистической экспертизы и экспертные фантомы (размышления после прочтения криминалистических работ Р.С. Белкина)

Е.И. Галяшина

ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», Москва 125993, Российская Федерация

Аннотация. Рассмотрены некоторые специальные методы и методические подходы судебной лингвистической экспертизы, которые могут привести к образованию «экспертных фантомов», формированию противоречивых выводов, носящих характер домысла, а не научно обоснованного лингвистического факта. Применение экспертом-лингвистом методов, видоизменяющих (модифицирующих) текст как объект судебной лингвистической экспертизы или создающих искусственно новый – виртуальный объект («сложный отдельный текст») путем объединения разных текстов, может по мнению автора, явиться основанием для оценки заключения эксперта как не относимого к делу и/или недопустимого доказательства.

Ключевые слова: *методы судебной лингвистической экспертизы, модификация текста, объединение текстов, допустимость метода, относимость, достоверность, заключение эксперта, доказательство*

Для цитирования: Галяшина Е.И. Специальные методы судебной лингвистической экспертизы и экспертные фантомы (размышления после прочтения криминалистических работ Р.С. Белкина) // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Том 12. № 3. С. 33–39.

Special Methods of Forensic Linguistic Analysis and “Expert Phantoms” (Reflections upon Reading the Works of R.S. Belkin's on Criminalistics)

Elena I. Galyashina

Kutafin Moscow State Law University, Moscow 125993, Russian Federation

Abstract. The article discusses some special methods and approaches to forensic linguistic analysis that may lead to the occurrence of “expert phantoms”, or speculative contradictory findings instead of science-based linguistic facts. The use of linguistic methods that modify the original text as a piece of linguistic evidence, or artificially create a new virtual object (“complex separate text”) by combining different texts, can be seen as the basis for evaluating an expert’s opinion as irrelevant or inadmissible evidence.

Keywords: *methods of forensic linguistic analysis, modification of text, combining of texts, method validity, relevance, credibility, expert witness statement, linguistic evidence*

For citation: Galyashina E.I. Special Methods of Forensic Linguistic Analysis and “Expert Phantoms” (Reflections upon Reading the Works of R.S. Belkin's on Criminalistics). *Theory and Practice of Forensic Science*. 2017. Vol. 12. No 3. P. 33–39.

В июле 2017 года исполняется 95 лет со дня рождения Рафаила Самуиловича Белкина – гениального (не побоюсь этого слова) ученого, обладавшего исключительной порядочностью, незаурядным даром научного предвидения, выдающейся интуици-

ей, обостренным чутьем ко всему новому, перспективному и полезному для развития юридической науки и практики раскрытия и расследования преступлений. Научное наследие профессора Р.С. Белкина – неисчерпаемый клад идей, не потерявших

со временем свою актуальность, но приобретших новое звучание в современных реалиях развития криминалистической науки и экспертной практики. К таковым относится и учение о методах криминалистических научных изысканий [1], а также злободневное предостережение о недопустимости причудливых видений, вымысла, бесплодных фантазий, время от времени возникающих в головах некоторых криминалистов. Р.С. Белкин отстаивал научную честность и не боялся выводить на чистую воду неопитов, пытающихся продвигать внешне привлекательные, но в конечном итоге вредные или бессмысленные для науки и практики иллюзорные соображения, даже в ситуации, когда другие это делать не рискуют: «...реальная идея или концепция, дружно поддержанная многочисленными сторонниками, привлекает целую армию последователей, активно разрабатывается, а затем, иногда по прошествии значительного времени, оказывается типичным фантомом. Но у нее уже проросли глубокие корни, и далеко не всякий, даже из тех, кто понял иллюзорность возлагавшихся на эту теорию или концепцию надежд, рискнет попытаться выкорчевать эти корни и доказать мудрость известного выражения: "А король-то голый!"» [2, с. 761].

Высказывания Р.С. Белкина о фантомах в криминалистической науке натолкнули автора на размышления о фантомах в судебной лингвистической экспертизе, бытующих на практике вследствие непонимания экспертами-лингвистами, не обремененными специальными юридическими знаниями, фундаментальных основ судебного исследования доказательств, принципов судебно-экспертной деятельности, базирующейся на законности, объективности, всесторонности и полноте исследования текста как вербального доказательства.

К идеям, порождающим экспертные фантомы, сегодня можно отнести, как нам представляется, рекомендации некоторых филологов использовать при производстве судебной лингвистической экспертизы методы «синонимических преобразований» и «реферирования» [3, с. 121–122], а также указание в последовательности действий эксперта на возможность объединения представленных на лингвистическую экспертизу разных устных и письменных текстов в «сложный отдельный текст, соединяющий в себе ряд текстов» [4, с. 247]. Данные тезисы в экспертной практике по-

родили весьма опасную, на наш взгляд, для установления истины как цели судопроизводства тенденцию. Бездумно применяя указанные приемы для модификации представленных на исследование текстов (обладающих процессуальным статусом вещественных доказательств и/или документов), вплоть до полной элиминации первоначального смысла, и весьма вольно трактуя сказанное или написанное путем их объединения, эксперты-лингвисты создают фантомы: домысливают порожденные в конкретных коммуникативных актах продукты речевой деятельности (речевые следы), формулируют выводы с опорой на экстралингвистические данные (обстоятельства дела, хотя и изложенные в постановлении о назначении экспертизы, но тем не менее подлежащие доказыванию по делу). Тем самым игнорируются или не учитываются реальные речевые факты, представленные в тексте как конкретном объекте судебно-экспертного лингвистического исследования. Помещая же спорное высказывание или фразу в новый контекст модифицированного или искусственно созданного самим экспертом сложного отдельного текста, соединяя исходные тексты в определенной последовательности, эксперт, по сути, осуществляет «виртуальный монтаж». Опираясь на экстралингвистические факторы и контекст вновь созданного текста, эксперт-лингвист в своем воображении создает дополнительно приращенный смысл, исходя из трактовки ситуации одной стороной конфликта или спора, вызывая неприятие и возражения другой стороны, порождая тем самым повод и основание для обвинений в необъективности и ангажированности судебной лингвистической экспертизы как процессуального средства доказывания.

Не случайно в последние годы общественное внимание привлекли результаты лингвистических экспертиз, проведенных по громким, резонансным уголовным делам, особенно связанным с расследованием организованной преступной деятельности, коррупционным проявлениям, а также проявлениям терроризма и экстремизма [5].

В.А. Салимовский и Е.Н. Мехонина замечают, что «весьма широкому распространению «ангажированной» лингвистической экспертизы способствует укоренившееся в сознании общественности (включая юристов) ложное представление о том, будто эта экспертиза по самой своей природе яв-

ляется субъективной: «сколько экспертов, столько и мнений» [6]. Суды различных инстанций по разным категориям гражданских, уголовных, административных дел все чаще назначают повторные, комиссионные, комплексные судебные лингвистические экспертизы, критически оценивают составленные по инициативе одной стороны несудебные лингвистические заключения [7].

Е.А. Колтунова указывает, что «зачастую возникновение выводов экспертных заключений, которые можно охарактеризовать как домыслы, не обусловлено проблемами в методической или научной подготовке экспертов. Бывает, что глубокознающие специалисты-лингвисты слабо ориентируются в юридических аспектах, связанных с выполнением экспертных заключений и внесудебных исследований. ...Отсутствие юридической методологической основы и недостаточно точное использование лингвистических методов приводит эксперта к совершенно противоречивым выводам» [8].

А.Н. Баранов признает, что «реальная практика лингвистической экспертизы показывает чрезвычайно богатую палитру методов и отчасти связанных с ними методик, которые используют в своих исследованиях лингвисты-эксперты. Иными словами, часто (может быть даже по большей части) отсылка к ММ [методам и методикам] носит чисто декларативный характер: требуется – укажем. Гуманитарное знание (за очень небольшими исключениями) не озабочивается доказательностью и объективностью» [3, с. 119].

Г.В. Кусов полагает, что основной причиной такого положения вещей «можно считать то, что формирование новой судебной экспертизы в основном начиналось с привлечения специалистов из науки, которые не видят различий между судебными и прочими экспертизами. В начальный период, когда экспертные задачи (в основном простые и прямые) решаются исключительно с использованием знаний из основополагающих наук, часто возникает иллюзия, что никакие процессуальные знания и судебно-экспертные методики не нужны». В то же время именно применяемый метод, экспертный подход «определяет как характер и средства исследования, так и сам объект» [9, с. 217].

Нельзя не согласиться с доводами Г.В. Кусова о том, что «общая теория методов познания – важнейшая часть лингвистической методологии – включает инфор-

мацию о способах познания явлений языка, о границах их применения и зависимости от специфических признаков (природы) исследуемого явления, об общих (универсальных) и частных способах познания и некоторые другие сведения» [9, с. 218].

Действительно, отсутствие единых и общепринятых критериев определения пределов компетенции эксперта-лингвиста провоцирует «вторжение» лингвистов в сферу смежных областей наук (психологии, философии, социологии и т. п.), а также в область права (при ответах на вопросы, относящихся к компетенции субъекта доказывания, а не эксперта-лингвиста). А привлечение к производству лингвистической экспертизы субъектов, имеющих филологическое образование, но не владеющих экспертными компетенциями (навыками, умениями, опытом решения экспертных задач в интересах судопроизводства) приводит к поверхностной или односторонней интерпретации лингвистических фактов.

Заметим, что практическая деятельность любого судебного эксперта, в том числе и эксперта-лингвиста, существенно отличается от научных изысканий тем, что результаты экспертизы должны опираться на бесспорные, достоверные практические знания об изучаемом объекте, на теоретически доказанные в ходе проведения научных изысканий, не вызывающие споры и дискуссии, общепринятые научные и практические данные, а также бесспорно установленные лингвистической наукой закономерности. Для целей судопроизводства достоверными признаются только такие результаты, которые могут быть проверены на непротиворечивость предлагаемой интерпретации фактических данных и ее согласованность с объективными знаниями. Для этого применяемая при производстве судебной лингвистической экспертизы технология или метод должны опираться на развитую, эмпирически подтверждаемую теорию и содержать свод процедурных правил, которые имеют обоснованный, планомерный и организованный характер, исключающий ошибки субъективного происхождения.

Р.С. Белкин справедливо отмечал, что критериями оценки существующих и вновь разрабатываемых методов являются эффективность, простота и надежность, безопасность, экономичность, научность и допустимость метода. «Различие в методах научного исследования и практической де-

тельности по расследованию и судебному разбирательству уголовных дел становится более разительным, когда речь идет о применении не частных, а специальных методов познания. Ряд специальных методов криминалистики бывает невозможно применить при собирании, исследовании и оценке доказательств из-за их содержания либо в связи с требованиями социалистической законности, допускающими использование при доказывании только предусмотренных законом средств собирания и исследования доказательств» [1, с. 385].

С.И. Красса подчеркивает, что «в судебной экспертизе необходимо применение надежных, апробированных методов и приемов, способных привести к достоверным выводам, к которым придут и другие исследователи при соблюдении установленных процедур. Данное требование, естественно, относится и к лингвистической экспертизе. В то же время практика постановки вопросов, многообразие и нестандартность речевого материала требуют от эксперта (специалиста) модернизировать существующие в экспертизе методы, адаптировать их к требованиям конкретного исследования, внедрять новые направления или же закреплять научную методику за определенным видом экспертизы» [10].

Во многом причиной нынешнего состояния судебной лингвистической экспертизы является тот факт, что она возникла и развивалась от практики к теории. Напомню, что судебная лингвистическая экспертиза как самостоятельный род судебных экспертиз с начала 2000-х активно внедрялась в практику уголовного, гражданского и административного судопроизводства России; с 2005 года включена в нормативно закреплённые перечни родов (видов) судебных экспертиз, проводимых на постоянной основе в государственных и негосударственных судебно-экспертных организациях Российской Федерации [11].

Название *судебная лингвистическая экспертиза*, предложенное в 2002 г. [12], прочно закрепилось в теории и практике судебного речеведения и судебно-экспертной деятельности, а методология оформилась в виде частной теории [13]. Однако многообразие разработанных в лингвистике методов и подходов к исследованию продуктов речевой деятельности, возможность и допустимость их использования в экспертной практике судопроизводства продолжают волновать умы лингвистов-тео-

ретиков и экспертов-практиков. Во многом это объясняется различными подходами к лингвистическим технологиям привлекаемых для производства судебных экспертиз профессиональных экспертов – работников судебно-экспертных учреждений, осуществляющих лингвистические экспертизы в порядке выполнения своих должностных обязанностей, и филологов-неофитов, зачастую не отличающих научные изыскания от практической деятельности в рамках судебно-экспертного исследования устного и письменного текста [14].

Судебная лингвистическая экспертиза предполагает применение экспертных технологий, независимых от вкусовых предпочтений того или иного лингвиста, методов объективного исследования конкретных продуктов речевой деятельности, зафиксированных на материальном носителе, имеющих процессуальный статус вещественного доказательства и/или документа и выступающих в качестве непосредственных объектов судебной экспертизы. Однако филологи, не имеющие юридической подготовки по специальности «Судебная экспертиза» (специализация «Речеведческие экспертизы»), либо не знакомы с принципами судебно-экспертной деятельности, либо не обладают соответствующими компетенциями: специальными знаниями в области судебной экспертологии, навыками судебно-экспертного исследования, умением применять экспертные технологии для исследования устных и письменных текстов. Умозрительные теоретические построения и гипотезы, допустимые для научного поиска, на поле практической судебно-экспертной деятельности превращаются в «экспертные фантомы», создавая почву для фантазий и домысла. Непонимание различий между «лингвистической экспертизой» как научного изыскания, допустимого в прикладной и экспериментальной лингвистике, и «судебной лингвистической экспертизой» как практической процессуально-регламентированной деятельностью по применению научно обоснованных методов лингвистики в целях установления фактов, имеющих значение доказательств, порождает методологические ошибки, влекущие ошибочность результатов и необоснованность выводов.

Ярким примером тому могут служить рассуждения А.Н. Баранова о методах лингвистической экспертизы, который полагает, что в основе «лингвистической экспертизы» лежит научное исследование», «жанр линг-

вистической экспертизы требует адаптации проведенного научного исследования таким образом, чтобы аргументация лингвиста-эксперта была понятна окружающим». А.Н. Баранов скептически относится к большинству методов, используемых в практике судебных лингвистических экспертиз, упоминание которых, по его мнению, носит по большей части декларативный характер, предлагает не стесняться «тривиальных» методов, указывая, что «методики лингвистической экспертизы малочисленны и малодоступны, а часто откровенно безграмотны» [3, с. 122]. Ссылка на методы анализа или синтеза, по мнению А.Н. Баранова, ничего не дает в смысле возможности воспроизведения результата исследования и не способствует его объективности. Также отрицательно относится он и к использованию в лингвистической экспертизе методов «контент-анализа», «компонентного анализа», «концептуального анализа», «концептуально-аналитического метода», «метода семантической реконструкции», «коммуникативного анализа», «прагматического анализа» и некоторых других.

Тем не менее нельзя не признать, что А.Н. Баранов вполне справедливо отмечает, что основным критерием применимости того или иного метода в лингвистической экспертизе является возможность воспроизведения метода по достаточно простым правилам любым специалистом-исследователем, но выдвигает ошибочную, на наш взгляд, идею использовать в качестве универсального метод синонимических преобразований, к типичным видам которых он относит реферирование, концептуальный аппарат теории речевых актов и др. Мы полагаем, что А.Н. Баранов исходит из неверной предпосылки, что деятельность лингвиста-эксперта ничем не отличается от деятельности лингвиста-исследователя в том смысле, что «синонимические преобразования предполагают перевод объекта исследования в знаки той же системы, т. е. в описание исследуемого на том же языке» [3, с. 122]. По А.Н. Баранову, синонимическое преобразование (перефразирование) – это метод *модификации* исходного текста (в широком смысле), в котором одни аспекты его семантики сохраняются, приобретая более эксплицитную форму, а другие могут редуцироваться вплоть до полной элиминации [3, с. 121]. Применив метод синонимического преобразования (перефразирования, реферирования, по А.Н. Баранову),

эксперт-лингвист фактически изменяет (модифицирует) исходный объект (текст), являющийся вещественным доказательством и/или документом, что в исследованиях, осуществляемых в интересах судопроизводства, не допускается.

Обеспечение сохранности и неизменности объектов исследования в интересах судопроизводства продиктовано их доказательственным статусом. Тогда как проведение исследования объекта, модифицированного самим экспертом, нарушает фундаментальный принцип непосредственности исследования доказательств, действующий в судебном разбирательстве.

Замечу, что российский законодатель в статьях 9 и 16 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» вменяет в обязанность судебному эксперту обеспечить сохранность представленных объектов исследований и запрещает уничтожать объекты исследования, изменять их свойства в результате применения метода при проведении исследования без соответствующего на то разрешения суда. Аналогичная норма содержится в п. 3. ч. 4 ст. 57 УПК РФ, согласно которой эксперт не вправе проводить без разрешения дознавателя, следователя, суда исследования, могущие повлечь изменение свойств объектов, а также в ч. 5 ст. 49 КАС РФ.

Учитывая, что практическая судебно-экспертная и научная деятельность принципиально отличаются по предмету, объектам и методам исследования, следует признать недопустимым использование в судебной лингвистической экспертизе метода синонимических преобразований (включая метод реферирования) как метода *«модификации»* исходного текста», при которой «элементы семантики могут редуцироваться вплоть до полной элиминации» (по А.Н. Баранову).

Аналогично следует считать недопустимым в судебной лингвистической экспертизе объединение текстов разговоров или речевых продуктов в «сложный отдельный текст», который выступает объектом экспертного исследования вместо индивидуально-конкретного текста – вещественного доказательства и/или документа, т. к. такое искусственное соединение объектов экспертизы противоречит принципу непосредственности судебного исследования доказательств. При этом эксперт-лингвист, соединяющий представленные ему конкретные

тексты в новый объект, выходит за пределы своей процессуальной компетенции, поскольку эксперт не вправе (в силу прямого запрета в ст. 16 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации») самостоятельно собирать материалы для производства экспертизы, а тем более не вправе их искусственно создавать путем соединения исходных текстов (вербальных доказательств) в определенном порядке, т. е. «виртуального монтажа».

Фактически объединение в «сложный отдельный текст» разных текстов, продуцированных в разных коммуникативных ситуациях, приводит к искусственному формированию виртуального контекста с приращением смыслов, являющихся плодом творческой деятельности самого эксперта (опирающегося на представленные ему субъектом доказывания или одной из сторон спора экстралингвистические сведения о хронологии, участниках коммуникации, авторах текста и т. д.), а не продуктом речемыслительной деятельности лица, создавшего исходный текст как источника доказательственной информации. Соответственно интерпретация вербального доказательства, искусственно помещенного в виртуальный контекст «сложного отдельного текста», неизбежно будет порождать фантом-домысел, не будет служить цели установления истины в судебном споре.

В завершение хочется еще раз обратиться к наследию Р.С. Белкина и привести его высказывание, раскрывающее доказательственную и гносеологическую сущность познавательной деятельности эксперта. «Экспертное исследование представляет собой средство познания содержания доказательства в тех случаях, когда свойства явления, отношения и связи, существующие как внутри доказательства, так и между данным доказательством и другими фактическими данными, не могут быть установлены простым рассмотрением доказательства, ознакомлением с ним» [15, с. 225]. «Доказательство всегда представляет собой единство фактического содержания и процессуальной формы, в которой выражены сведения о фактах. Это определяет такие качества доказательства, как относимость и допустимость доказательств» [16, с. 61].

Применение экспертом-лингвистом методов, видоизменяющих (модифицирующих) текст как объект судебной лингвистической экспертизы или создающих искусственно новый виртуальный объект – сложный отдельный текст путем соединения исходных разных текстов, следует признать недопустимым, т. к. это может явиться основанием для оценки заключения эксперта как несоотносимого и/или недопустимого доказательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белкин Р.С. Учение о методах криминалистических научных исследований. Глава из книги [Белкин Р.С. *Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики*. М., 1970. С. 84–98.] // Белкин Р.С. *Избранные труды*. М.: Норма, 2008. С. 369–387.
2. Белкин Р.С. Фантомы криминалистики. Глава из книги [Белкин Р.С. *Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня*. М., 2001. С. 219–224.] // Белкин Р.С. *Избранные труды*. М.: Норма, 2008. С. 761–765.
3. Баранов А.Н. Методы и методики в лингвистической экспертизе текста // Сборник статей IV Международной научно-практической конференции «Язык. Право. Общество» (Пенза, 11–13 октября 2016). Пенза: ПГУ, 2016. С. 119–122.
4. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. 1. / Под ред. Ю.М. Дильдина и В.В. Мартынова. М.: ЭКЦ МВД России: ИнтерКрим-пресс, 2010. 568 с.
5. Челищева В. Экспертная уценка. Как судебная экспертиза в России превратилась в фарс // Новая газета. № 63 от 15.06.2016. URL: <http://archive.is/ceKtN> (дата обращения: 05.05.2017).

REFERENCES

1. Belkin R.S. The doctrine about methods of forensic research. Chapter from the book [Belkin R.S. *Lenin's theory of reflection and methodological problems of the Soviet criminalistics*. Moscow, 1970. P. 84–98]. In: Belkin R.S. *Selected works*. Moscow: Norma, 2008. P. 369–387. (In Russ.).
2. Belkin R. S. The phantoms of criminalistics Chapter from the book [Belkin R.S. *Criminalistics: problems of today*. Moscow, 2001. P. 219–224]. In: Belkin R.S. *Selected works*. Moscow: Norma, 2008. P. 761–765. (In Russ.).
3. Baranov A.N. Methods and techniques used in linguistic text expertise. *Proceedings of IV International scientific and practical conference "Language. Right. Society"* (Penza, October 11–13, 2016). Penza: Penza State University, 2016. P. 119–122. (In Russ.).
4. Dildin Yu.M. & Martynov V.V. (eds). *Typical expert techniques for the study of physical evidence*. Moscow: InterKrim-press, 2010. 568 p. (In Russ.).
5. Chelishcheva V. Expert markdown. As forensic examination in Russia has turned into the farce. *New newspaper*. No 63 from 6.15.2016. URL: <http://archive.is/ceKtN>. (In Russ.).

6. Салимовский В.А., Мехонина Е.Н. Типичные ошибки (уловки) в ненадлежащей судебно-лингвистической экспертизе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. № 2. С. 48–51.
7. Чернов А.Д. Проблемы назначения и производства судебных экспертиз по гражданским, уголовным и административным делам // Экспертизы – нерешенный вопрос российского правосудия. Пособие для судей, а также начинающих юристов, журналистов и правозащитников / Под редакцией А.К. Симонова. М.: ФЗГ, 2013. С. 8–13.
8. Колтунова Е.А. Феномен домысла в судебных лингвистических экспертизах // Материалы Международной научно-практической конференции «Инновации в государстве и праве России» (Н. Новгород, 24–25 апреля 2014 г.). Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2014. С. 160–164.
9. Кусов Г.В. Общие и частные задачи методологии судебной лингвистической экспертизы // Теория и практика общественного развития. 2011. № 5. С. 217–224.
10. Красса С.И. Методы судебной лингвистической экспертизы: практическая типология // Научные труды SWORLD. 2012. Т. 40. № 4. С. 88–91.
11. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Судебная экспертиза. Сборник нормативных правовых актов. М.: Проспект, 2016. 336 с.
12. Галяшина Е.И. Понятийные основы судебной лингвистической экспертизы // Сборник материалов Межрегионального научно-практического семинара «Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах» (Москва, 7–8 декабря 2002 г.). Часть 2. М.: Галерея, 2003. С. 48–63.
13. Галяшина Е.И. Основы судебного речеведения. М.: Стэнси, 2003. 236 с.
14. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Становление и развитие судебно-лингвистической экспертизы // Юстиция. 2005. № 3. С. 16–23.
15. Белкин Р.С. Исследование доказательств Глава из книги [Белкин Р.С. Собираение, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы. М., 1966. С. 44–64.] // Белкин Р.С. Избранные труды. М.: Норма, 2008. С. 220–233.
16. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М.: Бек. 1997. 342 с.
6. Salimovsky V.A., Mekhonina E.N. Typical mistakes (tricks) in improper forensic linguistic expertise. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 2010. N 2. P. 48–51. (In Russ.).
7. Chernov A.D. Problems of appointment and production of forensic examinations in civil, criminal and administrative cases In: A.K. Simonov (ed) *Examination – unresolved question of the Russian justice system. Handbook for judges and young lawyers, journalists and human rights defenders*. Moscow: FZG, 2013. P. 8–13. (In Russ.).
8. Koltunova E.A. The Phenomenon of speculation in the forensic linguistic expertise. *Proceedings of the International scientific and practical conference “Innovations in the State and the Right of Russia”* (N. Novgorod, April 24–25, 2014). N. Novgorod: Lobachevsky UNN, 2014. P. 160–164. (In Russ.).
9. Kusov G.V. General and particular problems of methodology of judicial linguistic expertise. *Theory and Practice of Social Development*. 2011. No 5. P. 217–224. (In Russ.).
10. Krassa S.I. Methods of forensic linguistic examination: a practical typology *Sworld*. 2012. V. 40. No 4. P. 88–91. (In Russ.).
11. Rossinskaya E.R., Galyashina E.I. *Forensic examination. Collection of normative legal acts*. Moscow: Prospect, 2016. 336 p. (In Russ.).
12. Galyashina E.I. Conceptual framework of the forensic linguistic examination. *Proceedings of the Interregional scientific-practical seminar. “Theory and practice of linguistic analysis of media texts in legal expertise and information disputes”* (Moscow, 7–8 December, 2002) Part 2. Moscow: Galeriya, 2003. P. 48–63. (In Russ.).
13. Galyashina E.I. *Fundamentals of the forensic specheology*. Moscow: Stensi, 2003. 236 p. (In Russ.).
14. Rossinskaya E.R., Galyashina E.I. Formation and development of forensic linguistic expertise. *Justice*. 2005. No 3. P. 16–23. (In Russ.).
15. Belkin R.S. Evidence Research. Chapter from the book [Belkin R.S. Collecting, research and assessment of proofs. Entity and methods. Moscow, 1966. P. 44–64]. In: Belkin R.S. *Selected works*. Moscow: Norma, 2008. P. 220–233. (In Russ.).
16. Belkin R.S. *Criminalistic encyclopedia*. Moscow: Bek. 1997. 342 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Галяшина Елена Игоревна – профессор, д. ю. н., д. филол. н, заместитель заведующего кафедрой судебных экспертиз МГЮА им. О.Е. Кутафина; e-mail: egalyashina@gmail.com.

ABOUT THE AUTHOR

Galyashina Elena Igorevna – Professor, Doctor of Law, Doctor of Philology, Deputy Head of the Forensic Sciences Department, Kutafin Moscow State Law University (MSAL); e-mail: egalyashina@gmail.com.

Решение проблемы определения объектов судебной программно-компьютерной экспертизы через теорию отражения Р.С. Белкина

А.И. Семикаленова

ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», Москва 125993, Российская Федерация

Аннотация. Рассмотрены вопросы определения объектов судебной экспертизы программных продуктов для нужд судопроизводства. Предложена их классификация, основанная на особенностях создания и функционирования компьютерных программ. Определен комплекс задач, которые стоит ставить перед экспертами для получения наиболее информативных экспертных заключений при исследовании программных продуктов.

Ключевые слова: *судебная экспертиза, программный продукт, ЭВМ, экспертные задачи, Р.С. Белкин*

Для цитирования: Семикаленова А.И. Решение проблемы определения объектов судебной программно-компьютерной экспертизы через теорию отражения Р.С. Белкина // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Том 12. № 3. С. 40–44.

The Problem of Defining the Objects of Forensic Software Analysis and Its Solution via R.S. Belkin's Reflection Theory

Anastasiya I. Semikalenova

Kutafin Moscow State Law University, Moscow 125993, Russian Federation

Abstract. The article deals with the issues of identifying the objects of forensic software analysis for use in court proceedings. A classification of such objects is offered based on the various development and operational aspects of computer software. The author identifies a set of examination objectives that have to be addressed by software analysis in order to yield useful evidence for the court.

Keywords: *forensic examination, software product, computers, forensic analysis objectives, R.S. Belkin*

For citation: Semikalenova A.I. The Problem of Defining the Objects of Forensic Software Analysis and Its Solution via R.S. Belkin's Reflection Theory. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2017. Vol. 12. No 3. P. 40–44.

В 1970 году профессором Р.С. Белкиным был опубликован труд «Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики», в котором он предложил концепцию отражения как гносеологический фундамент криминалистики. Сегодня эта концепция считается общепринятой. На наш взгляд, преломляя проблему определения объектов судебной программно-компьютерной экспертизы через призму этой теории Рафаила Самуиловича, нам удастся предло-

жить наиболее полное и обоснованное ее решение. Начнем с описания самой проблемы.

В связи с глобальным внедрением в жизнь человека информационно-компьютерных технологий неуклонно возрастает потребность судопроизводства в проведении судебных компьютерно-технических экспертиз. Если раньше это в основном касалось уголовных дел, то сегодня все больше и больше разбирательств в гражданских, арбитражных (в том числе и по интеллектуальным правам) судах требуют участия специалистов в обла-

сти программно-компьютерных технологий. Все чаще встают вопросы анализа больших информационно-компьютерных систем, обязательной составляющей которых являются программные продукты, да и сами компьютерные программы нередко становятся предметом гражданских споров. Это и финансовые дела, в которых доказательственная база строится на особенностях работы бухгалтерских программ¹, и споры о защите интеллектуальных прав на программные продукты и базы данных, и финансовые споры об оценке проведенных работ, когда предметом спора является все те же программные продукты, базы данных или целые программно-компьютерные системы. Серьезной проблемой, встающей на пути назначения и производства таких экспертиз, является путаница и неопределенность с объектом, подлежащим исследованию, а в свою очередь и предоставляемому эксперту. К сожалению, в научной [1, 2] и учебной [3, 4] литературе этому вопросу уделяется недостаточно внимания. Последний раз этот вопрос рассматривался в диссертационных исследованиях А.И. Усова и А.И. Семикаленовой в начале 2000-х годов. У практиков же наблюдается серьезная несогласованность в определении объектов, их структуры, объемов и классификации. Это влечет рассогласование в используемых методах и методических подходах, что, в свою очередь, приводит к спорам в судах уже не только сторон, но экспертов и специалистов. Подобная ситуация, сложившаяся в судебной компьютерно-технической экспертизе, (а если принять во внимание существующую классификацию, то нужно говорить и о программно-компьютерной экспертизе), привела к большим трудностям как в судебной, так и в экспертной практике.

При назначении экспертизы программных продуктов чаще всего судьи не до конца понимают, что они должны истребовать у сторон и в каком виде. Данная ситуация складывается из-за неполного понимания процесса возникновения доказательства при совершении правонарушений, связанных с программными продуктами. В своей теории отражения Рафаил Самуилович Белкин писал, что «...отражение присуще всей материи, поскольку любой материальный процесс отражается в других материальных процессах, связанных с ним», а «...событие преступления есть один из материальных процессов действительности, находящихся в связи и

во взаимообусловленности с другими процессами (событиями), ... отражается в них и сам является отражением каких-то процессов» при чем «...всякое событие связано с изменениями в окружающей среде... применительно к процессу доказывания изменения в окружающей среде как результат отражения в этой среде события и есть доказательства этого события». При этом в процессе возникновения доказательств «непосредственно отражаемыми объектами являются совокупность признаков, характеризующих субъекта и субъективную сторону. Субъект преступления как индивидуум отражается через свои свойства и через средства и способ действий; действия или бездействия отражаются через средства и способ их осуществления» [5]. Исходя из данных постулатов, можно смело говорить о том, что для наиболее полного понимания произошедшего события, повлекшего правонарушение, так или иначе связанное с программными продуктами, необходимо понимать природу их происхождения.

Во-первых, программы являются продуктом интеллектуального труда и в законодательстве приравнены к произведениям искусства, а значит, несут на себе авторский отпечаток единоличного или группового создателя. Следовательно, объектами экспертного исследования, решающего вопросы нарушения авторских прав, должны быть не только спорные программы, но и наработки по ним, вспомогательные материалы, документация, а также другие программы, созданные этими же авторами и несущие на себе отражение их индивидуальных авторских черт.

Во-вторых, создание программ – это строгий логический процесс, придерживающийся математической логики и выполняемый поэтапно от алгоритмов и схем работы будущих программ к исходным кодам (текстам программ), созданным на алгоритмических языках, и исполняемым модулям. Это несет на себе отражение той среды, в которой они все были созданы, вводной документации, послужившей началом разработки и содержащей строгие или рамочные требования к программному продукту. В связи с этим, несомненно, объектами исследования должны стать такие документы, как техническое задание, договор об оказании услуг по созданию программного продукта, а также сами результаты выполнения задания заказчика на всех этапах разработки.

В-третьих, как это указывает профессор Р.С. Белкин, «изменения в среде предше-

¹ См., например, «1С: Предприятие», «ПАРУС», «БЭСТ» и др.

ствуют наступлению события, наступление события, в свою очередь, вызывает изменение в окружающей среде...», следовательно, невозможно рассматривать и анализировать программные продукты в отрыве от тех материальных и виртуальных изменений, которые они вносят в окружающую среду. В связи с этим объектами для всестороннего исследования программного продукта будут порождаемые им изменения виртуальной среды (экранные формы, временные файлы, сохраняемые формы и пр.), а также изменения материальной среды (распечатки данных, изменения работы компьютерных средств и т. д.)

Таким образом, как мы видим с точки зрения теории «отражения доказательства», судебная программно-компьютерная экспертиза требует уточнения ее родового (видового) объекта. Представим наше видение этого.

Известно, что компьютерные программы в процессе своего создания проходят четыре основные стадии: предпроектная подготовка, алгоритм, исходный текст программы и сама программа. Именно поэтому, с нашей точки зрения, родовой объект судебной программно-компьютерной экспертизы необходимо рассматривать, учитывая эти обстоятельства, поскольку здесь присутствует прямая связь с особенностями их изъятия, транспортировки, хранения, описания и исследования. Исходя из этого, можно говорить, что *родовыми объектами* судебной программно-компьютерной экспертизы являются предпроектная техническая документация, исполняемые модули, пакеты, алгоритмы и исходные тексты программ.

Постараемся разъяснить нашу позицию. Начнем с уяснения понимания самого феномена – компьютерная программа, или программа для ЭВМ. Согласно российскому законодательству «*программой для ЭВМ* является представленная в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата, включая подготовительные материалы, полученные в ходе разработки программы для ЭВМ, и порождаемые ею аудиовизуальные отображения²». Поскольку все перечисленные ранние ипостаси компьютерной программы являются ее подготовительными материалами и в силу этого несут о ней криминалистически значимую информацию, то, безусловно, они

могут быть исследованы при проведении судебной компьютерно-технической экспертизы, как по отдельности, так и в совокупности. Рассмотрим подробно каждую из стадий в отдельности.

Предпроектная документация – пакет документов, создаваемый до начала проектирования программы. Чаще всего он включает в себя техническое задание на программный продукт, исследование предметной области, которая должна быть автоматизирована, пакет предложений для автоматизации. Здесь нужно обратить внимание на то, что кроме «технического задания» никакие документы на этой стадии не имеют гостированного наименования. Данная стадия является подготовительной и служит для сбора информации и уточнения требований заказчика.

Алгоритмы программных продуктов – содержание и последовательность операций, точно определяющих решение задачи путем вычислительного процесса, преобразующего исходные данные в конечный результат. Характеристиками объектов являются:

- однозначность результата при заданных исходных данных;
- возможность расчленения процесса на конечное число отдельных операций, каждая из которых может быть выполнена человеком или вычислительной машиной;
- способность получения результата для множества исходных данных, соответствующих множеству однотипных задач [6].

Как мы видим, на этой стадии программный продукт проходит начальную подготовку, приобретает структурность и получает основные признаки работы. Именно на этом этапе происходит основная авторская работа программиста, которая в дальнейшем может свидетельствовать о принадлежности ему авторских прав. Алгоритмы могут быть представлены как в графическом, так и в текстовом виде, который, в свою очередь, может являться исходным текстом программы.

Исходные тексты программ, представленные как на электронных, так и на бумажных носителях информации – тексты программы на исходном языке программирования. Данная стадия представляет собой начало работы непосредственно с ЭВМ. Ее адаптацию к программному и аппаратному обеспечению, с которым будущему продукту предстоит работать. Чаще всего именно исходные тексты хранят такие криминалистически значимые моменты, как особенности авторского исполнения программиста (комментарии, способы организации процедур и

² Гражданский кодекс РФ, ч. 4, ст. 1261.

функций и т. д.), которые могут «вычищаться» при переводе программы в исходный модуль.

Исполняемые модули и пакеты программ, которые могут быть в трех состояниях.

1. Дистрибутив – программный продукт в виде, поставляемом производителем. Дистрибутив (инсталляционный пакет), как правило, содержит саму программу и инсталлятор для установки программы на жесткий диск и настройки ее параметров [6]. В этом состоянии программа еще не адаптирована под конкретную ЭВМ и чаще всего именно в таком виде предоставляется покупателю распространителями. Согласно российскому законодательству, адаптация программы для ЭВМ – это внесение изменений, осуществляемых исключительно в целях обеспечения функционирования программы для ЭВМ на конкретных технических средствах пользователя или под управлением конкретных программ пользователя³.

2. Адаптированная программа – программа, скопированная на магнитный носитель компьютерной системы и готовая к работе и достижению целей, для которых она создана. Между первым и вторым состоянием происходит не только адаптация программы, но и проверка ее санкционированного использования. Следует отметить, что и в первом, и во втором состоянии программа существует на постоянном физическом носителе информации (жестком магнитном диске [HDD], флеш-накопителе, CD и т. п.), но в отличие от дистрибутива, когда носитель в

большинстве случаев является переносным (флеш-накопители, CD), после инсталляции программа копируется на магнитный или другой носитель информации, являющийся частью компьютерной системы (HDD, стационарный флеш-накопитель).

3. Выполняемая программа. После проведения пользователем определенных манипуляций, последовательность которых определяется конкретной системой, программа запускается и начинает работать. Под «запуском» и «работой» программы понимается совокупность следующих действий:

- считывание исполняемого модуля программы с постоянного носителя и запись ее на временный носитель информации (в оперативную память);
- выполнение компьютерной системой команд, записанных в программе;
- считывание дополнительной информации с постоянного носителя;
- запись обработанной информации на постоянный носитель и отображение ее результатов на средствах визуализации (монитор, принтер и т. п.);
- организация диалога с пользователем и т. д.

Рассматривать приведенную разбивку по видам объектов судебной программно-компьютерной экспертизы, на наш взгляд, необходимо именно в таком виде. С этим связаны способы изъятия и исследования программных объектов, а следовательно, и особенности использования компьютерно-технических методов, которые будут при этом применяться. Вопросы методологии требуют отдельного рассмотрения.

³ Гражданский кодекс РФ, ч. 4, ст. 1270.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Усов А.И. Концептуальные основы судебной компьютерно-технической экспертизы: дис. ... доктора юридических наук. М., 2002. 402 с.
2. Семикаленова А.И. Судебная программно-компьютерная экспертиза по уголовным делам: автореферат дис. ... кандидата юридических наук. М., 2005. 22 с.
3. Россинская Е.Р., Усов А.И. Судебная компьютерно-техническая экспертиза. М.: Право и Закон, 2001. 416 с.
4. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И., Зинин А.М. Теория судебной экспертизы (судебная экспертология). М.: Норма: Инфра-М, 2016. 368 с.
5. Белкин Р.С. Избранные труды. М.: Норма, 2008. 767 с.
6. Дорот В.Л., Новиков Ф.А. Толковый словарь современной компьютерной лексики. СПб.: БХВ-Петербург, 1999. 384 с.

REFERENCES

1. Usov A.I. *Conceptual bases of forensic computer-technical expertise*. Doctoral thesis (Law). Moscow. 2002. 402 p. (In Russ.).
2. Semikalenova A.I. *Forensic program-computer expertise on criminal cases*. Abstract of candidate thesis (Law). Moscow. 2005. 22 p. (In Russ.).
3. Rossinskaya E.R., Usov A.I. *Forensic computer-technical expertise*. Moscow: Right and Law, 2001. 416 p. (In Russ.).
4. Rossinskaya E.R., Galyashina E.I., Zinin A.M. *Theory of forensic (forensic ekspertologiya)*. Moscow: Norma: Infra-M, 2016. 368 p. (In Russ.).
5. Belkin R.S. *Selected works*. Moscow: Norma, 2008. 767 p. (In Russ.).
6. Dorot V.L., Novikov F.A. *Explanatory dictionary of modern computer lexica*. Saint-Petersburg: BKhV -Petersburg, 1999. 384 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Семикаленова Анастасия Игоревна – к. ю. н., доцент кафедры судебных экспертиз Московского юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА); e-mail: ise@msal.ru.

ABOUT THE AUTHOR

Semikalenova Anastasiya Igorevna – Candidate of Law, Associate Professor of the Forensic Sciences Department, Kutafin Moscow State Law University (MSAL); e-mail: ise@msal.ru.

К вопросу об установлении подложности фиктивных документов: современные реалии

Т.Ф. Моисеева

ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», Москва 117418, Российская Федерация

Аннотация. Рассмотрены проблемы судебно-экспертного исследования подложных документов, изготовленных с помощью компьютерного монтажа, и целесообразность установления принадлежности подписи конкретному лицу по ксерокопии документа.

Ключевые слова: *судебно-почерковедческая экспертиза, сканированные подписи, копии документов, установление подложности подписи*

Для цитирования: Моисеева Т.Ф. К вопросу об установлении подложности фиктивных документов: современные реалии // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Том 12. № 3. С. 45–48.

Establishing the Fact of Document Forgery: Modern Realities

Tat'yana F. Moiseeva

Russian State University of Justice, Moscow 117418, Russian Federation

Abstract. The paper examines the problems of forensic forgery detection in digitally manipulated documents. The feasibility of questioned signature identification from document photocopies is also considered.

Keywords: *forensic handwriting examination, scanned signatures, photocopies of documents, signature forgery detection*

For citation: Moiseeva T.F. Establishing the Fact of Document Forgery: Modern Realities. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2017. Vol. 12. No 3. P. 45–48.

«К вопросу об установлении подложности фиктивных документов» – так называлась статья Рафаила Самуиловича Белкина, написанная в 1950 году. Он писал: «Установление подложности фиктивных документов – процесс, включающий как экспертизу материалов документов, так и собственно графическую идентификацию» [1, с. 16]. Хотя в этой статье речь шла о полиграфической продукции, основные принципы исследования, рассмотренные автором, имеют общий характер и актуальны при установлении подложности документов, изготовленных современными средствами.

Так, компьютерный монтаж потребовал разработки новых экспертных методик, основанных на использовании специальных

знаний из области компьютерных технологий, однако комплексный подход, предложенный Р.С. Белкиным при установлении признаков подложности полиграфической продукции, остается неизменным принципом при исследовании документов. Как отмечал автор, экспертиза основана на совокупном исследовании технических и графических реквизитов документов. В общем плане современное экспертное исследование установления признаков подложности документов, изготовленных с использованием компьютерной техники, также основано на изучении как графических характеристик рукописного и печатного текста, так и технических (способа его изготовления), что предполагает в ряде случаев совокупное ис-

пользование специальных знаний в области почерковедческой, судебно-технической и компьютерно-технической экспертиз документов.

В статье 1951 года Р.С. Белкин определил алгоритм исследования документов для решения основных экспертных задач: установление природы документа, установление подлинности документа, установление конкретного исполнителя документа и установление условий изготовления документа [2, с. 31].

И при исследовании документов, изготовленных с помощью компьютерного монтажа, первой задачей, определяющей весь ход исследования, также будет являться установление природы документа, определяемой в рамках судебно-технической экспертизы документов.

Вопрос о подлинности или подложности документов включает правовую оценку деяния, его решение – прерогатива следователя и суда и не входит в компетенцию судебного эксперта. Эксперт не вправе отвечать на него и ставить перед ним такой вопрос недопустимо. На это обращалось внимание в Постановлении Пленума Верховного Суда № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» от 21 декабря 2010 г. (п. 4). Однако без проведения экспертизы ответить на вопрос о подлинности или подложности документов, как правило, невозможно, поэтому важна правильная формулировка вопросов эксперту, конкретизирующих экспертную задачу.

В настоящее время большинство документов изготавливаются с помощью компьютерной техники и содержат рукописные реквизиты. В этой связи в экспертной практике востребованы задачи установления подлинности документов, которые трансформируются в ряд вопросов: в один ли прием был изготовлен документ (не были ли подменены листы в многостраничном документе, напечатанном на принтере или плоттере), изготовлен ли документ в естественной последовательности (при этом часто ставится некорректный вопрос об одновременности изготовления документа, что в принципе невозможно), выполнена ли подпись от конкретного лица им самим или кем-то другим. В последние годы в связи с использованием сканированной подписи при подделке документов актуальным стал вопрос, является ли подпись в документе действительно рукописной или же представляет ее изображение. Если возникают

сомнения в подлинности подписи, то только после решения этой задачи в рамках судебно-технической экспертизы документов имеет смысл проводить почерковедческую (графическую) экспертизу подписи для получения категорического вывода, имеющего статус доказательства.

Р.С. Белкин рассматривал два подхода к установлению подлинности документа: по оригиналу и по копии при отсутствии оригинала. Он писал: «Если исследование заподозренного документа при наличии подлинника позволяет делать категорические выводы и давать определенные ответы на поставленные перед экспертом вопросы, то при отсутствии подлинника мнение эксперта колеблется в широких пределах вероятности. В этом случае материал, имеющийся у эксперта, недостаточен для положительного или отрицательного ответа» [1].

В настоящее время в связи с использованием в подложных документах сканированных подписей возникла дискуссия о допустимости проведения экспертизы подписи по электрографическим копиям документов. При отсутствии подлинника невозможно проведение первого этапа исследования природы подписи (собственно подпись или ее изображение). В этом случае даже при установлении экспертом-почерковедом тождественности подписи на документе подписи лицу, от имени которого она выполнена, вывод может быть сделан только в условной форме: подпись от лица А. оставлена А. при условии, что в подлиннике документа была подпись, а не ее изображение.

Вопрос, следует ли во всех случаях проводить предварительно судебно-техническое исследование подписи с целью установления ее рукописного происхождения, не может быть решен однозначно. Почерковедческое исследование может установить, что подпись выполнена не тем человеком, от лица которого она сделана в документе. Тогда судебно-техническое исследование не требуется. При установлении же тождественности подписи в документе с представленными сравнительными образцами вопрос о природе документа (о возможности компьютерного монтажа) становится актуальным при возникновении обоснованных сомнений в ее подлинности.

Если же речь идет о копии документа, то вопрос о возможности установления подлинности подписи с учетом вероятности ее сканирования встает достаточно остро, и допустимость таких исследований оцени-

вается экспертами по-разному. Очевидно, что исследование материалов письма и ряда значимых признаков почерка по электрографическим копиям невозможно. При установлении тождественности подписи на документе и сравнительных образцов подписи эксперт обязан дать условный вывод о том, что подпись в документе принадлежит лицу, от имени которого она выполнена, при условии, что в оригинале документа была подпись, а не ее отображение. Данный вывод может иметь доказательственное значение только при установлении указанного условия. Каким образом может быть установлено соблюдение данного условия? Либо путем предоставления и исследования оригинала документа (но, если таковой имеется, он должен быть представлен на экспертизу по требованию эксперта до начала экспертизы копии), либо если существуют свидетели составления и подписания данного документа (но тогда вопросов о подлинности подписи у следствия не возникает). Следовательно, данный вывод однозначно не может рассматриваться как доказательство, и на первый взгляд, делать такой вывод, а значит проводить экспертизу подлинности подписи по копии документа, нецелесообразно и даже вредно, поскольку дает возможность недобросовестным следователям и судьям расценивать такой вывод как категорический, и постановить, что нет оснований сомневаться в подлинности оригинала. Представляется, что в данном случае целесообразнее формулировать вывод в форме НПВ (не представляется возможным ответить на вопрос).

Значит ли это, что следует отказываться от производства экспертизы по установлению подлинности подписи по электрографическим копиям при отсутствии оригинала? Отказ от производства такой экспертизы заведомо исключает возможность получения в ряде случаев значимого доказательства. Так, почерковедческое исследование по установлению подлинности подписи в копии документа может дать отрицательный категорический вывод, имеющий значение доказательства. Интересны также представленные

Д.А. Шлыковым [3] данные о том, что точное совпадение подписи на копии документа с одним из представленных для сравнения образцов по размерным характеристикам, количеству, форме и топографическому размещению элементов (как «отпечаток пальца») свидетельствует, что в оригинале подпись была получена либо путем компьютерного монтажа или обводкой на просвет, либо использовалось факсимильное клише.

Таким образом, при исследовании копий документов в настоящее время имеется возможность в некоторых случаях давать категорический вывод. Очевидно, что отказываться полностью от судебно-почерковедческого экспертного исследования электрографических копий документов с целью установления исполнителя текста даже в случае установления подлинности подписи нецелесообразно, поскольку тогда расследование может лишиться возможности получения значимого доказательства.

В своих работах, посвященных новому в то время экспертному исследованию документов, исполненных типографским способом, Р.С. Белкин наметил и пути установления давности документа. Он писал, что о времени изготовления документа «можно судить и по степени яркости краски, ибо известно, как выцветает тот или иной вид краски, и по запаху краски, сохраняющемуся в течение определенного времени» [2, с. 45], т. е. по изменению состава красящих материалов, что в настоящее время лежит в основе методик установления давности документов. Именно по содержанию летучих компонентов в составе материалов письма устанавливают давность текстов, выполненных пастами для шариковых и гелевых ручек и на струйных принтерах.

На примере ранних работ Р.С. Белкина хотелось бы отметить, что, обладая колоссальной научной интуицией, он не только сыграл определяющую роль в развитии криминалистики, но и определил направление развития судебной экспертизы как синтетической науки и внес несомненный вклад в развитие судебно-экспертного исследования документов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белкин Р.С. К вопросу об установлении подложности фиктивных документов. Статья. [Сборник научных работ слушателей Военно-юридической академии. Вып. 3. М., 1950. С. 61–71] // Белкин Р.С. Избранные труды. М.: Норма, 2008. С. 16–27.

REFERENCES

1. Belkin R.S. On the issue of establishing falsification of fictitious documents [Collection of scientific works of students of Judge advocate academy, Issue 3. Moscow, 1950. P. 61–71]. In: Belkin R.S. *Selected works*. Moscow: Norma, 2008. P. 16–27. (In Russ.).

2. Белкин Р.С. Криминалистическая экспертиза документов, исполненных типографским способом. Статья [Вопросы советской криминалистики. М., 1951. С. 31–46] // Белкин Р.С. Избранные труды. М.: Норма, 2008. С. 28–46.
3. Шлыков Д.А. Возможности исследования копий почерковых объектов // Энциклопедия судебной экспертизы. 2016. № 3 (10). URL: http://www.proexpertizu.ru/theory_and_practice/pocherk/744.
2. Belkin R.S. Forensic examination of documents executed typographically [Questions of the Soviet criminalistics. Moscow, 1951. P. 31–46]. In: Belkin R.S. *Selected works*. Moscow: Norma, 2008. P. 28–46. (In Russ.).
3. Shlykov D.A. Possibilities of examination of copies of handwriting objects. *Encyclopedia of Forensic Examination*. 2016. No 3(10). URL: http://www.proexpertizu.ru/theory_and_practice/pocherk/744. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Моисеева Татьяна Федоровна – д. ю. н, профессор, заведующая кафедрой судебных экспертиз и криминалистики ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»: e-mail: moiseevatf@mail.ru.

ABOUT THE AUTHOR:

Moiseeva Tat'yana Fedorovna – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Forensic Sciences and Criminalistics of the Russian State University of Justice; e-mail: moiseevatf@mail.ru.

Р.С. Белкин и становление судебно-биологической и судебно-экологической экспертиз

Е.И. Майорова

Мытищинский филиал (МГУЛ) ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана», Мытищи 141005, Российская Федерация

Аннотация. Роль Р.С. Белкина в развитии криминалистики и судебной экспертизы широко известна. Выдвинутая им теория о связи криминалистики и естественных наук имела большое значение для формирования новых разделов судебных экспертиз. Во время руководства отделом теории судебной экспертизы профессор Белкин уделял внимание разработке теоретических основ нетрадиционных новых разделов экспертного исследования. Его отличало глубокое понимание того, что экология является разделом биологии, но судебно-экологическая экспертиза не является частью экспертизы судебно-биологической. Во многом благодаря дару Р.С. Белкина предвидеть зарождение новых тенденций, отвечающих потребностям судебно-следственной практики, произошло формирование и развитие этих направлений судебных экспертиз.

Ключевые слова: *Р.С. Белкин, криминалистика, судебно-биологическая экспертиза, судебно-экологическая экспертиза*

Для цитирования: Р.С. Белкин и становление судебно-биологической и судебно-экологической экспертиз // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Том 12. № 3. С. 49–53.

R.S. Belkin and the Establishment of Forensic Biology and Forensic Ecology

Elena I. Maiorova

Mytishchi Branch of the Bauman Moscow State Technical University, Mytishchi 141005, Russian Federation

Abstract. Professor R.S. Belkin's role in the development of criminology and forensic science is widely recognized. The theory he advanced to connect criminalistics and the natural sciences was of great importance for the establishment of new forensic disciplines. During his time as head of the department of forensic science theory Professor Belkin focused on newly emerging fields of forensic research and the development of their theoretical foundations. His vision was marked by a deep understanding that ecology is a subfield of biology, but forensic ecology is not part of forensic biology. It is largely due to his talent to anticipate the emergence of new trends in response to the needs of investigative practice that these forensic disciplines were established and continue to develop.

Keywords: *R.S. Belkin, criminalistics, forensic biology, forensic ecology*

For citation: Maiorova E.I. R.S. Belkin and the Establishment of Forensic Biology and Forensic Ecology. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2017. Vol. 12. No 3. P. 49–53.

Имя профессора Рафаила Самуиловича Белкина как ученого, выявившего и описавшего законы развития криминалистики в свете расширения научного знания, внесшего существенный вклад в формирование общей теории судебной экспертизы, широко известно как в нашей стране, так и

за рубежом. Выдвинутая им теория о том, что криминалистика представляет собой не только юридическую, но и синтетическую науку, неразрывно связанную со многими дисциплинами естественного профиля, имела огромное значение для возникновения и формирования таких разделов судебной

экспертизы, как судебно-биологическая и судебно-экологическая.

Несмотря на то что объекты растительно-го и животного происхождения весьма часто попадают в зону расследования особо опасных преступлений против личности, их экспертное исследование долгое время имело фрагментарный характер и не обладало устоявшимся статусом. Это было тем более странно, что наиболее методически близкая к судебно-биологической экспертизе криминалистическая экспертиза материалов, веществ и изделий (КЭМВИ) рассматривалась как вполне оформившийся, решающий неотложные задачи следствия и суда класс экспертиз. Возможно, такое положение объяснялось особенностями биологических объектов. В отличие от материалов, изделий и веществ они подчиняются довольно сложным специфическим законам, имеют собственную естественно-научную бинарную классификацию, обладают присущими только им закономерностями модификации во времени и пространстве.

Система уровней научной классификации судебных экспертиз была разработана А.Р. Шляховым [1]. Она включает в себя классы, роды, виды и разновидности (подвиды) судебных экспертиз. Класс составляют экспертные исследования, объединенные общностью знаний, служащих источником формирования теоретических и методических основ судебных экспертиз, и объектов, исследуемых на базе этих знаний. В соответствии с этими положениями судебно-биологическая экспертиза (СБЭ) является самостоятельным классом судебных экспертиз, обладает присущими только ей особенностями, располагает присущим только ей понятийным аппаратом.

По утверждению А.И. Винберга [2, с. 81], З.И. Кирсанова¹ и ряда других юристов существуют криминалистические судебные экспертизы, остальные же относятся к категории «прочих», «нетрадиционных». Критерием отнесения экспертизы к криминалистическим считается возможность решения идентификационных задач. Тем не менее СБЭ так и не была признана криминалистической, хотя в основном решала именно идентификационные задачи: установление индивидуального тождества объектов флоры и фауны, источника их происхождения, целого по части,

общей групповой принадлежности. Причем для решения применялись методы как чисто биологические (морфо-анатомический анализ, фенологический анализ, выделение онтогенетических признаков и пр.), так и криминалистические (выявление локализации, исследование наслоений, трасология и др.). В конечном итоге богатство биологического разнообразия Земли и специфика его изучения позволили рассматривать СБЭ как класс экспертиз пусть не криминалистический, но самостоятельный.

Большие и, казалось, неразрешимые сложности вызывало совпадение терминов «общая родовая принадлежность» в судебной экспертизе и в биологии. Судебно-биологическую идентификацию не следует рассматривать как констатацию одинаковости или различия таксонов (важной единицей в биологической систематике является род – genus, отсюда и терминологическое совпадение). Этот процесс только тогда отвечает целям решения экспертных задач, когда учитывает признаки существования, состояния, функционирования, такие многочисленные и своеобразные у сравниваемых биологических объектов.

Поскольку любой организм, даже самый простейший, представляет собой элемент сложной, объемлющей все живое филогенетической системы, было предложено ввести новое понятие – общей таксономической принадлежности [3]. Это необходимо в тех случаях, когда в идентификационном процессе участвуют объекты, представляющие различные органы организма одного таксона (например, фрагмент пня и почка березы). Общую же родовую принадлежность правомерно констатировать лишь при сравнении одинаковых органов. При совпадении принадлежности органу, таксону и любых других признаков может быть констатирована общая групповая принадлежность.

Многие юристы, работавшие в области теории судебной экспертизы, с профессиональным высокомерием признавали право на существование лишь экспертного термина с соответствующим содержанием, отказывая в этом термину биологическому. С другой стороны, ряд экспертов-биологов (особенно украинской школы) в принципе пренебрегали криминалистической оценкой, утверждая, что биология – великая наука, не нуждающаяся в подпорках экспертной терминологии.

К счастью, необходимость выявления сути многих теоретических и практических вопро-

¹ Кирсанов З.И. О соотношении криминалистической и судебной экспертизы // Информационный бюллетень Академии управления МВД России. 1997. № 3.

сов СБЭ была осознана такими известными учеными в области теоретических основ экспертной деятельности, как Г.Л. Грановский, В.Ф. Орлова, Ю.К. Орлов, А.Р. Шляхов.

Рафаил Самуилович Белкин, возглавивший в 1985 году отдел теории ВНИИСЭ² при Министерстве юстиции СССР, рассматривал теоретические разработки в области СБЭ как весьма интересные и перспективные. На протяжении всего времени его работы в должности заведующего отделом ежемесячно происходили мозговые штурмы актуальных теоретических проблем судебной экспертизы, в частности относящихся к судебно-биологической тематике. Участие в дискуссиях приглашенных ведущих ученых-биологов из МГУ, Института проблем экологии и эволюции имени А.Н. Северцова, МГУЛ и других организаций расширяло рамки рассматриваемой проблематики, углубляло проникновение в предметную область биологии, высвечивало новые возможности организации прикладной деятельности. С другой стороны, участие Р.С. Белкина, Д.Я. Мирского, Е.А. Сахаровой, Н.И. Шахтаринной и ряда других ученых, работавших в области теории судебной экспертизы, направляло дискуссию в русло осмысления возможностей биологии для решения задач криминалистики. Высокий профессиональный уровень обсуждения позволял всесторонне осветить различные аспекты рассматриваемой темы, по-новому взглянуть на устоявшиеся положения, найти компромисс между, казалось бы, несовместимыми постулатами различных наук.

Успешная защита докторской диссертации «Концептуальные основы судебно-биологической экспертизы» автором настоящей статьи – во многом результат вдумчивого и внимательного руководства Р.С. Белкина и Е.Р. Россинской.

Именно Рафаил Самуилович поддержал идею о расширении биологической тематики, о необходимости создания нового комплексного раздела экспертных исследований – судебно-экологической экспертизы (СЭЭ), в основе которого лежало исследование биологической системы – экосистемы или биогеоценоза³. Однако он

предвидел и трудности, происходившие от интеграции экономического, биологического, административного и хозяйственного аспектов с включением правовых норм, регулирующих указанные области правоотношений. Без его поддержки идея СЭЭ могла не найти своего практического воплощения, поскольку в конце 90-х годов комплексный подход к объекту исследования казался слишком сложным, а сам объект – слишком масштабным, тогда как эксперты пограничных разделов экспертиз (в частности СБЭ) привыкли оперировать микрочастицами. Эрудиция Рафаила Самуиловича, нестандартность мышления, дальновидность, широта кругозора в конечном итоге способствовали возникновению и становлению СЭЭ. В настоящее время СЭЭ – одно из ведущих направлений экспертной деятельности. Увеличивается число разделов судебно-экологических исследований, расширяется круг задач, растет количество назначаемых экспертиз.

Такое положение напрямую связано с увеличением составов преступлений в области экологии, указанных в главе 26 УК РФ (ранее было 16, теперь 18) и административных правонарушений экологического характера, перечисленных в главе 8 КоАП РФ (ранее 40, теперь 44). И это происходит на фоне призывов некоторых высокопоставленных чиновников правоохранительных органов не рассматривать неправомерные действия в отношении природных объектов как преступления!

Востребованность конкретных разделов судебной экспертизы в большой мере определяется реалиями текущего дня. Например, в условиях силового передела собственности в 90-е годы прошлого века назначалось большое количество баллистических экспертиз; с появлением компьютерной преступности увеличивается число компьютерно-технических экспертных исследований; финансовые злоупотребления ведут к интенсивному развитию судебно-экономических экспертиз.

В 1996 г. была принята «Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию», которая предусматривала последовательный переход к неистощительному природопользованию, обеспечивающий сбалансированное решение социально-экономических задач и в то же время сохранение благоприятной окружающей среды и природно-ресурсного потенциала в целях удовлетворения потребностей

² Всесоюзный научно-исследовательский институт судебной экспертизы.

³ Биогеоценоз отличается от экосистемы определенностью своего объема. Экосистема может охватывать пространство любой протяженности, а биогеоценоз – определенный участок территории, что и является предпосылкой существования СЭЭ.

нынешнего и будущих поколений людей. Распоряжением Правительства РФ от 31.08.2002 № 1225-р была одобрена экологическая доктрина Российской Федерации, затем приказом Минприроды от 28.10.2003 № 961 утвержден план действий по ее реализации на 2003–2005 годы. В дальнейшем постоянно принимались нормативные правовые акты федерального уровня, направленные на защиту окружающей среды. Одним из последних документов в данной области является Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года», который оценивает «состояние окружающей среды на территории Российской Федерации как неблагоприятное по экологическим параметрам».

Содержание указа определяется тем, что подавляющая часть антропогенных воздействий имеет преднамеренный характер, то есть осуществляется человеком сознательно для достижения конкретных целей. Нарушения основных систем жизнеобеспечения биосферы связаны в первую очередь с воздействиями, в результате которых деградируют почвы и водные источники, сводятся леса, ухудшается состояние атмосферного воздуха. Соответственно, изменяется видовой состав флоры и фауны конкретной территории, у растений и животных происходят разного рода модификации, а порой и наследуемые изменения – мутации. Для СБЭ подобные изменения представляют основу решения идентификационных задач, а для СЭЭ – фундамент диагностики состояния и причин деградации исследуемой экосистемы.

Выше отмечалась тесная связь СЭЭ и СБЭ – так же как у экологии с биологией. Причем интересна трансформация понятий – экология представляет собой часть, раздел биологии, однако СЭЭ не является частью СБЭ. В СБЭ преобладают идентификационные задачи в отношении конкретных объектов. Это и установление индивидуально-конкретного тождества, и источника происхождения, и принадлежности к единой массе. Другими словами, как суммировал Ю.К. Орлов, «в общем виде решение идентификационных задач СБЭ заключается в установлении целого по его части». В СЭЭ же основная задача – установление причинно-следственных связей и переменных состояний: трансформации, отношений, процесса, что выражается в различных свойствах исследуемой экосистемы.

По-видимому, утверждения о наличии идентификационной составляющей в СЭЭ, встречающиеся в ряде публикаций, являются попыткой повысить ее статус, поскольку идентификационные экспертные задачи долгое время считались более «ценными» по сравнению с другими. С развитием новых направлений экспертных исследований стало очевидно, что и диагностические, и тем более ситуационные задачи могут представить заинтересованным органам информацию, необходимую для разрешения расследуемого дела. Существование этого факта в отношении биологических объектов экспертизы признавал Р.С. Белкин.

Очевидно, что все перечисленные задачи СЭЭ объединяет цель, состоящая в выявлении свойств, являющихся отражением многомерного динамического преобразования экосистемы. Исследования проводятся в целях реконструкции имевшего место конкретного события.

Как показывает анализ содержания задач СЭЭ, они, по сути, представляют собой диагностические или же ситуационные исследования, причем в качестве объектов выступает система элементов, включающая далеко не только биологическую составляющую, а отражающая все событие в целом.

Все эти особенности не раз обсуждались с Рафаилом Самуиловичем, который, отдавая должное результатам идентификационных исследований, не отказывал в признании значимости фактов, устанавливаемых путем решения диагностических и ситуационных задач. Он всегда отмечал своеобразие и сложность СЭЭ как формирующегося раздела экспертных исследований, предостерегал от упрощенного подхода по аналогии с СБЭ и предрекал СЭЭ большое будущее.

После приглашения Р.С. Белкина на должность профессора кафедры Академии МВД СССР его интерес к судебно-экологической тематике не угас. Продолжались горячие обсуждения дискуссионных вопросов на научных конференциях различного уровня.

Образование СЭЭ явилось закономерным завершением широких и бурных обсуждений, проходивших в отделе теории ВНИИСЭ. В ходе дискуссий реализовывалась прогностическая функция судебной экспертизы, определялись более масштабные возможности ее применения. На современном этапе развития страны цели СЭЭ совпадают с государственной экологической политикой.

гической политикой России: разработка государственных целевых программ в области использования и охраны природных ресурсов, их рациональное использование, восстановление и охрана, обеспечение непрерывного, многоцелевого и неистощительного природопользования. СЭЭ позволяет применять в процессе расследования и судебного разбирательства уголовных, гражданских и административных дел весь арсенал научно-технических средств и является основным каналом внедрения в судебно-следственную практику достижений

научно-технического прогресса в экологической сфере.

В этой связи величайшей заслугой Рафаила Самойловича Белкина, наряду с формированием концепции общей теории судебной экспертизы, учения о методах этой теории и практической экспертной деятельности, можно считать умение неожиданным образом расширить горизонты экспертной деятельности, предвидеть зарождение новых тенденций, отвечающих потребностям судебно-следственной практики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шляхов А.Р. Классификация судебных экспертиз: учебное пособие. Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1980. 72 с.
2. Винберг А.И. Насущные проблемы теории и практики судебной экспертизы // Советское государство и право. 1961. № 6. С. 76–82.
3. Майорова Е.И. Концептуальные основы судебно-биологической экспертизы: автореферат дис. ... д. ю. н. М., 1996. 37 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Майорова Елена Ивановна – д. ю. н., профессор, заведующая секцией кафедры юриспруденции, интеллектуальной собственности и судебной экспертизы МГТУ им. Н.Э. Баумана; e-mail: caf-pravo@mail.ru.

REFERENCES

1. Shlyakhov A.R. *Classification of forensic examinations*. Volgograd: VSSh MVD SSSR, 1980. 72 p. (In Russ.).
2. Vinberg A.I. Pressing problems of the theory and practice of forensic examination. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet state and right*. 1961. No 6. P. 76–82. (In Russ.).
3. Maiorova E.I. *Conceptual bases of forensic biological expertise*. Doctoral thesis (Law). Moscow, 1996. 37 p. (In Russ.).

ABOUT THE AUTHOR

Maierova Elena Ivanovna – Doctor of Law, Professor, Head of Subdivision at the Law, Intellectual Property and Forensics Department, Bauman Moscow State Technical University; e-mail: caf-pravo@mail.ru.

Воплощение идей Р.С. Белкина в современной теории и практике судебной экспертизы

Е.Р. Россинская

ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», Москва 125993, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена творческому наследию заслуженного деятеля науки, доктора юридических наук, профессора Р.С. Белкина, связанному с разработкой теоретико-методологических, процессуальных и организационных основ судебной экспертизы и ее общей теории (судебной экспертологии). Рассмотрена современная реализация его предложений по совершенствованию норм уголовно-процессуального законодательства и законодательства о судебно-экспертной деятельности.

Ключевые слова: *Р.С. Белкин, судебная экспертиза, общая теория судебной экспертизы, судебная экспертология, судебный эксперт, комплексная судебная экспертиза, назначение судебной экспертизы, законодательство о судебно-экспертной деятельности*

Для цитирования: Россинская Е.Р. Воплощение идей Р.С. Белкина в современной теории и практике судебной экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Том 12. № 3. С. 54–61.

Implementation of R.S. Belkin's Ideas in the Modern Theory and Practice of Forensic Science

Elena R. Rossinskaya

Kutafin Moscow State Law University, Moscow 125993, Russian Federation

Abstract. The article pays tribute to the creative legacy of the Distinguished Scientist, Doctor of Law, Professor R.S. Belkin, who is credited with developing the theoretical, methodological, procedural and organizational foundations of forensic science and its general theory (forensic expertology). The author examines how his proposals for improving legal norms on criminal procedure and forensic science have been translated into current practice.

Keywords: *R.S. Belkin, forensic science, general theory of forensic science, forensic expertology, forensic expert, comprehensive forensic investigation, request for forensic examination, legislation on forensic expert activities*

For citation: Rossinskaya E.R. Implementation of R.S. Belkin's Ideas in the Modern Theory and Practice of Forensic Science. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2017. Vol. 12. No 3. P. 54–61.

Творческое наследие заслуженного деятеля науки, доктора юридических наук, профессора Р.С. Белкина поистине неисчерпаемо и еще долго будет объектом пристального изучения российских и зарубежных криминалистов. Широта и разносторонность его научных изысканий поражает, так же как и глубина исследования проблем, актуальных и в настоящее время.

Серьезное внимание в трудах Р.С. Белкина уделено разработке научных основ судебной экспертизы, в том числе теоретико-методологических, процессуальных и организационных [1–4].

Профессор Р.С. Белкин – один из создателей новой науки: общей теории судебной экспертизы. В его работах подробно рассмотрен генезис этой новой отрасли на-

учного знания [5]: идеи о формировании, первоначально возникшие у судебных медиков более 60 лет назад на волне дискуссии о разделении криминалистики на науку для следователей и науку для экспертов [6, 7]; попытки А.И. Винберга, А.Р. Шляхова и др. обосновать идею о существовании в криминалистике общей теории криминалистической экспертизы [8, 9]; отрицание необходимости создания подобной теории, как не дающей ничего нового науке и практике [10]; дан анализ нового воплощения судебной экспертологии в семидесятые годы XX века в трудах А.И. Винберга и Н.Т. Малаховской [11, 12], где концепция науки получила завершенное оформление [13], и трудов ученых, разрабатывающих теорию и методологию этой науки в конце XX века [14–16]. Наконец, представлено собственное видение предмета и структуры общей теории судебной экспертизы [1, 4].

Профессор Р.С. Белкин полагал, что «судебная экспертология, или общая теория судебной экспертизы»¹, имеет все основания для конституирования в самостоятельную область научного знания, если рассматривать ее как науку о закономерностях возникновения и развития судебных экспертиз, процесса экспертного исследования и формирования его результатов, закономерностей, проявляющихся в общности тех методологических и методических основ, на базе которых возможно объединение отдельных видов судебной экспертизы в единую целостную систему с четкой классификацией видов судебной экспертизы как ее элементов» [1, с. 455]. Это утверждение не утратило своей актуальности и в настоящее время. Прогноз Р.С. Белкина состоял в том, что в таком качестве «общая теория судебной экспертизы будет играть известную методологическую роль по отношению к теоретическим основам отдельных видов экспертиз, не лишая их в то же время самостоятельности и не отрывая от тех наук, в рамках которых они существуют и разрабатываются. Именно потому, что предметом такой теории судебной экспертизы является только общее, мы полагаем, что она является комплексной интегральной наукой» [там же].

Касательно включения в судебную экспертологию (общую теорию судебной экспертизы) организационных и процессуальных основ экспертной деятельности Р.С. Белкин вступал в дискуссию с А.И. Винбергом

и Н.Т. Малаховской, А.Р. Шляховым, Ю.Г. Коруховым, И. А. Алиевым, которые рассматривали правовые и организационные основы экспертной деятельности в качестве элементов судебной экспертологии, или общей теории судебной экспертизы² [13, 15, 17, 18]. Он справедливо указывал, что «судебная экспертиза представляет собой институт процессуального права», и делал из этого вывод, что «правовые основы экспертизы формируются под воздействием закономерностей, составляющих предмет процессуальной науки, а не предмет криминалистики» [4, т. 2, с. 305]. В то же время Рафаил Самуилович неоднократно подчеркивал, что «один и тот же объект может изучаться разными науками, что как раз и подтверждается на примере с судебной экспертизой» [4, т. 2 с. 305–306]. Тем самым, с одной стороны, определяя общую теорию судебной экспертизы (судебную экспертологию) как новую комплексную интегральную науку, с другой – отрицая возможность рассмотрения в качестве ее элементов правовых основ экспертной деятельности, Р.С. Белкин говорит о предмете криминалистики, а не об этой новой науке.

Заметим, что все это писалось 20 лет назад, цитируемые тезисы находились в главе «Криминалистическая экспертиза и криминалистическая теория» [4, т. 2, с. 289–344]. Тогда еще не были изучены взаимосвязи и разграничения предметов криминалистики и судебной экспертологии [19, с. 33–36]. Более того, продолжались дискуссии об отнесении тех или иных судебных экспертиз к криминалистическим, что сейчас потеряло актуальность, поскольку именно криминалистика в силу синтетической природы формулирует критерии допустимости использования того или иного метода в доказывании, условия применения этих методов, возможности исследования объектов, но никак не создает конкретные методики экспертного исследования. Криминалистика (криминалистическая техника) в современных условиях уже не является единственной базовой наукой для традиционных криминалистических экспертиз. Но в то же время она становится одной из базовых наук вообще для всех судебных экспертиз [20, с. 116].

Думается сейчас, Р.С. Белкин пересмотрел бы некоторые свои позиции, тем более что в науке ему всегда были свойственны полное отсутствие косности и консерватизма во

¹ Этот термин ему представлялся более приемлемым.

² Кстати, Р.С. Белкин отмечал, что «различие между этими терминами нам представляется несущественным» [1, с. 453].

взглядах, наряду с замечательной научной добросовестностью. Напомним, что в течение многих лет Рафаил Самуилович разделял точку зрения о юридической природе криминалистики и был одним из наиболее активных ее сторонников. Однако уже через несколько лет он отказался от этого категорического утверждения, чем навлек на себя беспощадный огонь критики недавних научных сторонников. Безусловно, радикальная смена взглядов у столь крупного ученого не могла произойти без глубокого анализа и дискуссий с коллегами, которые постоянно убеждали его не подрывать им же самим созданных основ. Он до последних дней живо откликался на все новое и прогрессивное, улавливая это значительно раньше своих более молодых учеников и соратников.

Но то, что не вызывало возражений 20 лет назад, не отвечает реалиям сегодняшнего дня, когда вследствие резкого возрастания роли специальных знаний в судопроизводстве, изменений процессуального законодательства, возникновения новых видов процесса (Кодекса административного судопроизводства РФ – КАС) насущной стала задача унификации законодательства о судебно-экспертной деятельности независимо от вида процесса, что обуславливает необходимость переосмысления концепции судебной экспертологии. К сожалению, нормы процессуального законодательства, регламентирующие судебно-экспертную деятельность, в частности процессуальный статус и компетенцию судебных экспертов и специалистов, назначение комиссионных и комплексных экспертиз и пр., существенно разнятся в разных видах процесса, хотя

эти отличия, как правило, теоретически ничем не обоснованы (табл. 1, 2).

В настоящее время единство природы всех родов и видов судебных экспертиз независимо от вида процесса диктует единство процессуальных форм использования специальных знаний, а не только судебных экспертиз. Практика показывает, что только в рамках экспертологии возможна разработка единых подходов к получению доказательственной информации с использованием специальных знаний. Наглядным примером справедливости этого утверждения является действующий Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (ФЗ ГСЭД), а также принятый Государственной Думой Федерального Собрания РФ в первом чтении проект нового федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в РФ».

Принятие этого федерального закона потребует внесения изменений в процессуальное законодательство. Причем для того, чтобы нормы нового закона не противоречили процессуальным кодексам и КоАП, необходим унифицированный подход к правовой регламентации судебно-экспертной деятельности в разных видах процесса. В противном случае мы будем иметь те же проблемы, что и в настоящее время, когда противоречия между ФЗ ГСЭД и процессуальными кодексами на практике решаются, как правило, в пользу норм кодексов.

Аналогичная ситуация сложилась и с организационным обеспечением судебно-экспертной деятельности, разработку которого Р.С. Белкин предлагал возложить на криминалистов [1, с. 454].

Таблица 1. Сравнительный анализ некоторых норм процессуальных кодексов и ФЗ ГСЭД, определяющих правовой статус судебного эксперта (полностью совпадающие нормы не приводятся)

Table 1. Comparative analysis of some norms of procedural codes and the Federal Law «On State Forensic Expert Activities» that determinate the legal status of the forensic expert (fully overlapping norms are not included)

Право/обязанность эксперта	ГПК	АПК	КАС	УПК	ФЗ ГСЭД
Обеспечивает сохранность представленных для исследования материалов и документов	есть	нет	есть	есть	есть
Не вправе самостоятельно собирать материалы для проведения экспертизы	есть	нет	есть	есть	есть
Вправе ходатайствовать о привлечении к проведению экспертизы других экспертов	есть	нет	есть	есть	есть
Вправе приносить жалобы на действия (бездействие) и решения, ограничивающие его права	нет	нет	нет	есть	есть
Вправе делать подлежащие занесению в протокол заявления по поводу неправильного истолкования участниками судебного процесса его заключения или показаний	нет	нет	есть	нет	есть

Таблица 2. Сравнительный анализ некоторых норм процессуальных кодексов и ФЗ ГСЭД, определяющих правовой статус специалиста

Table 2. Comparative analysis of some norms of procedural codes and the Federal Law «On State Forensic Expert Activities» that determine the legal status of the specialist

Нормы	ГПК	АПК	КАС	УПК	КоАП
Статья «Специалист»	нет	есть	есть	есть	есть
Форма консультации	устная и письменная	устная	устная и письменная	Заключение и показания	нет
Вправе знакомиться с материалами дела, участвовать в судебных заседаниях	нет	есть	есть	есть	есть
Вправе приносить жалобы на действия (бездействие) и решения, ограничивающие его права	нет	нет	нет	есть	нет
Вправе делать подлежащие занесению в протокол заявления и замечания по поводу совершаемых действий	нет	нет	нет	нет	есть
Назначение впоследствии экспертом	допустимо	недопустимо после проведения ревизии или проверки	допустимо	допустимо	недопустимо
Ответственность за дачу заведомо ложных сведений	нет	нет	нет	ст. 307 УК	ст. 17.9. КоАП
Штраф за неявку без уважительной причины	есть	нет	есть	нет	нет
Разглашение данных	нет	нет	нет	ст. 310 УК	нет
Доказательственное значение консультаций, заключения или показаний специалиста	ст. 55 ГПК – нет ч. 1 ст. 157 – да	есть	нет	да	консультации отсутствуют

Здесь следует кратко обозначить современный подход к взаимосвязи и разграничению двух родственных наук: криминалистики и судебной экспертологии. По определению профессора Р.С. Белкина, криминалистика – наука о закономерностях механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, о закономерностях собирания, исследования, оценки и использования доказательств и основанных на познаниях этих закономерностей средствах и методах судебного исследования и предотвращения преступлений [21, с. 56].

В свою очередь судебная экспертология была определена нами через систему теоретических, правовых и организационных

закономерностей осуществления судебно-экспертной деятельности в целом, т. е. как комплексное научное отражение судебно-экспертной деятельности [22, с. 45–46]. Анализ этих определений показывает, что основанием разграничения двух родственных, но самостоятельных наук является различие их целей и функций. Предмет судебной экспертологии – закономерности судебно-экспертной деятельности как единого целого. Предметом же криминалистики служат в том числе закономерности деятельности по собиранию, исследованию, оценке и использованию доказательств. Анализ функций криминалистики и судебной экспертологии показывает, что они отвечают методологическому обеспече-

нию следственной и экспертной практики. Вместе с тем частично предметы двух этих наук перекрываются, поскольку очевидно, что исследование доказательств происходит также в ходе производства судебных экспертиз [19]. В современной криминалистике нет места общетеоретическим проблемам судебной экспертизы, о чем как раз и писал Р.С. Белкин [1, с. 152].

Таким образом, криминалистическая наука не может заниматься разработкой организационного обеспечения судебно-экспертной деятельности. Но данный вопрос особенно актуален в настоящее время, когда в стране функционирует множество негосударственных организаций различной правовой формы, позиционирующих себя (далеко не всегда обоснованно) как негосударственные судебно-экспертные учреждения, причем нормативное регулирование их деятельности практически отсутствует. Разработать нормативную базу функционирования этих учреждений и унифицировать организационные основы их работы возможно только на основе судебной экспертологии, в рамках которой и проводятся соответствующие научные исследования.

Рассмотрим теперь творческое наследие профессора Р.С. Белкина, связанное с другими дискуссионными вопросами судебной экспертизы.

В течение ряда лет во многих своих работах Рафаил Самуилович отстаивал возможность производства экспертиз на стадии возбуждения уголовного дела [4, т. 3, с. 100–107]. Он вел активную полемику с процессуалистами и удачно парировал все их аргументы [23], считал полумерой проведение вместо полноценной судебной экспертизы предварительных исследований, результаты которых далеко не всегда совпадают с результатами судебных экспертиз, а нередко при проведении предварительных исследований объекты, могущие стать впоследствии вещественными доказательствами, безвозвратно утрачиваются [4, т. 3, с. 105–108]. Через много лет предложение, высказанное в работах Р.С. Белкина, было принято. Федеральным законом № 23-ФЗ от 4 марта 2013 г. внесены изменения в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, согласно которым дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа в целях проверки сообщения о любом совершенном или готовящемся преступлении обязан осуществить ряд мероприятий процессуального характера, в том числе «назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в

разумный срок»; а в ч. 4 ст. 195 УПК РФ было внесено дополнение: «судебная экспертиза может быть назначена и произведена до возбуждения уголовного дела».

Другая серьезная проблема, затронутая в трудах Р.С. Белкина, – процессуальная регламентация производства комплексных судебных экспертиз [4, т. 3, с. 116–117] – тоже частично получила свое разрешение. Рафаил Самуилович писал, что насущные потребности экспертной практики настоятельно требуют решения таких вопросов, как: законодательное урегулирование производства комплексных экспертиз; объем компетенции в смежных областях знания экспертов, участвующих в производстве комплексной экспертизы; порядок формулирования выводов участников комплексной экспертизы; правовой статус ведущего эксперта (эксперта-интегратора) как организатора и руководителя деятельностью комиссии экспертов, определение его функций, прав и обязанностей; возможность проведения комплексной экспертизы одним экспертом, профессионально владеющим знаниями в нескольких областях науки или техники.

Проблемы комплексности в судебной экспертизе обсуждаются в юридической литературе уже более 60 лет. Задолго до процессуальной регламентации комплексных судебных экспертиз в 80-е годы XX века в криминалистике, а позднее в теории судебной экспертологии, сформировалась устоявшаяся точка зрения, разделяемая также и нами [24–28], о разграничении понятий комплекс экспертиз, комплексное исследование в рамках одной экспертизы, комплексная экспертиза. Эти термины с гносеологической точки зрения однозначны и указывают на комплексный подход к предмету исследования.

По одному гражданскому, административному или уголовному делу можно производить комплекс различных судебных экспертиз как в отношении одного и того же объекта, так и группы объектов. При этом судебные экспертизы выполняются самостоятельно, каждый эксперт выявляет и анализирует идентификационные и диагностические признаки и на их основе делает свои выводы. Каждая экспертиза оформляется отдельным заключением. Обязанностью руководителя экспертного учреждения является решение вопроса о последовательности производства этих судебных экспертиз, поскольку при осуществлении экспертных исследований в объект экспертизы могут быть внесены изменения.

В рамках экспертизы одного рода (вида) может выполняться комплексное исследование одних и тех же объектов с использованием комплекса методов. Такое исследование может осуществляться как одним экспертом, владеющим различными методами, так и комиссией экспертов одной экспертной специальности, которые совместно анализируют признаки объекта. Следует отметить, что в соответствии с теорией судебной экспертологии современные классификации судебных экспертиз осуществляются не по методам экспертных исследований, которые во многом являются общими для разных родов экспертиз (общеэкспертными [29]), а по исследуемым объектам в совокупности с решаемыми задачами [22].

Комплексной является такая экспертиза, при производстве которой решение вопроса невозможно без синтеза знаний, относящихся к различным родам (видам) судебных экспертиз. При этом выявленные признаки анализируются экспертами совместно, все эксперты участвуют в написании заключения (или его синтезирующей части) и формулировании общего вывода. Очевидно, что при этом каждый эксперт обладает не только узкой специализацией, но и знаниями в пограничных областях наук, которые использованы при даче заключения [22].

Сравнительный анализ ст. 23 ФЗ ГСЭД, ст. 82 ГПК РФ, ст. 85 АПК РФ, ст. 81 КАС РФ, УПК РФ показывает, что в наибольшей степени отвечающей сущности комплексной судебной экспертизы является формулировка ст. 82 ГПК РФ, где указывается, что комплексная экспертиза назначается судом, если установление обстоятельств по делу требует *одновременного*³ проведения исследований с использованием *различных областей знания* или с использованием *различных научных направлений* в пределах одной области знания. Кроме того, по результатам проведенных исследований эксперты *формулируют общий вывод* об обстоятельствах и излагают его в заключении, которое *подписыва-*

ется всеми экспертами. В ст. 85 АПК РФ, ст. 81 КАС РФ и ст. 23 ФЗ ГСЭД уже не упоминается об одновременном участии экспертов, но все-таки указывается на то, что эксперты, компетентные в оценке полученных результатов, *делают общий вывод*. Таким образом, один из основных элементов, указывающих на комплексность, а именно совместное одновременное участие экспертов различных специальностей, – отсутствует. В ст. 201 УПК РФ говорится только, что комплексной является экспертиза, в производстве которой участвуют эксперты разных специальностей; каждый эксперт, участвовавший в ее производстве, подписывает ту часть заключения, которая содержит описание проведенных им исследований, и несет за нее ответственность. Здесь уже нет не только упоминания совместного участия, но ничего не говорится об общем выводе экспертов разных специальностей. Тем самым получается, что комплексность отсутствует вообще, и такую экспертизу в принципе можно заменить комплексом последовательно или параллельно осуществляемых экспертиз [30].

В уже упомянутом проекте федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» указывается, что комплексная экспертиза назначается, если установление обстоятельств по делу требует одновременного проведения исследований с использованием специальных знаний, относящихся к различным родам (видам, подвидам) экспертиз. Там же декларируется норма о возможности производства комплексной экспертизы одним экспертом, если он обладает специальными знаниями в нескольких родах (видах) судебных экспертиз, о чем как раз и писал профессор Р.С. Белкин [1, с. 618].

В этом же проекте федерального закона регламентирован статус негосударственной судебно-экспертной организации, ее руководителя, ведущего эксперта. Тем самым целый ряд предложений Рафаила Самуиловича получит свое законодательное закрепление. Но еще многие его идеи ждут своего воплощения [31].

³ Здесь и далее курсив автора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики. М.: Юнити, 2001. 837 с.
2. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общие и частные теории. М.: Юридическая литература, 1987. 270 с.
3. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике. М.: Юридическая литература, 1988. 302 с.

REFERENCES

1. Belkin R.S. *Course of criminalistics*. Moscow: Yuniti, 2001. 837 p. (In Russ.).
2. Belkin R.S. *Criminalistics: problems, tendencies, prospects. General and private theories*. Moscow: Legal literature, 1987. 270 p. (In Russ.).
3. Belkin R.S. *Criminalistics: problems, tendencies, prospects. From the theory – to practice*. Moscow: Legal literature, 1988. 302 p. (In Russ.).

4. Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 томах. М.: Юрист, 1997. Т. 1 – 408 с.; т. 2 – 464 с.; т. 3 – 480 с.
5. Белкин Р.С. История отечественной криминалистики. М.: Норма, 1999. 496 с.
6. Тарасов-Родионов П.И. Советская криминалистика // Социалистическая законность. 1951. № 7. С. 6–15.
7. Кубицкий Ю.М. Пограничные вопросы судебной медицины и криминалистической экспертизы // Вопросы судебной экспертизы и криминалистики. Сборник научных работ. Алма-Ата, 1959. Вып. 1. С. 33–42.
8. Винберг А.И. О сущности криминалистической техники и криминалистической экспертизы // Советское государство и право. 1955. № 8. С. 82–88.
9. Шляхов А.Р. Предмет, метод и система советской науки криминалистической экспертизы // Вопросы судебной экспертизы и криминалистики. Сборник научных работ. Алма-Ата, 1959. Вып. 1. С. 12–32.
10. Митричев С.П. Криминалистика и криминалистическая экспертиза // Социалистическая законность. 1966. № 5. С. 13–15.
11. Винберг А.И., Малаховская Н.Т. Судебная экспертология – новая отрасль науки // Социалистическая законность. 1973. № 11. С. 48–51.
12. Винберг А.И., Малаховская Н.Т. О закономерности научных основ судебных экспертиз // Социалистическая законность. 1976. № 1. С. 62–64.
13. Винберг А.И., Малаховская Н.Т. Судебная экспертология. Общетеоретические и методологические проблемы судебных экспертиз. Волгоград: НИИРПО ВСШ МВД СССР, 1979. 183 с.
14. Аверьянова Т.В. Содержание и характеристика методов судебно-экспертных исследований. Алма-Ата: Казахский НИИСЭ, 1991. 223 с.
15. Корухов Ю.Г. Формирование общей теории судебной экспертизы. Материалы для Ученого совета ВНИИСЭ. М.: ВНИИСЭ, 1989. 225 с.
16. Бычкова С.Ф. Становление и тенденции развития науки о судебной экспертизе. Алма-Ата, 1994. 268 с.
17. Шляхов А.Р. Судебная экспертиза. Организация и проведение. М.: Юридическая литература, 1979. 168 с.
18. Алиев И.А. Проблемы экспертной профилактики. Баку: Азернешр, 1991. 311 с.
19. Судебная экспертология: история и современность (научная школа, экспертная практика, компетентностный подход) / Под ред. Е.Р. Россинской, Е.И. Галяшиной. М.: Проспект, 2017. 272 с.
20. Россинская Е.Р. Генезис и проблемы развития новых родов и видов судебных экспертиз // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2014. № 3. С. 114–121.
4. Belkin R.S. *Course of criminalistics*. (In three volumes). Moscow: Yurist, 1997. Vol. 1 – 408 p.; vol. 2 – 464 p. vol. 3 – 480 p. (In Russ.).
5. Belkin R.S. *History of domestic criminalistics*. Moscow: Norma, 1999. 496 p. (In Russ.).
6. Tarasov-Rodionov P.I. Soviet criminalistics. *Socialist legality = Sotsialisticheskaya zakonnost'*. 1951. No 7. P. 6–15. (In Russ.).
7. Kubitski Yu.M. Boundary questions of forensic medicine and criminalistic examination. *Questions of forensic examination and criminalistics. Collection of scientific works*. Alma-Ata, 1959. Issue 1. P. 33–42. (In Russ.).
8. Vinberg A.I. About an entity of criminalistic techniques and criminalistic expertize. *Soviet state and right = Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 1955. No 8. P. 82–88. (In Russ.).
9. Shlyakhov A.R. Subject, method and system of the Soviet science of criminalistic examination. *Questions of forensic examination and criminalistics. Collection of scientific works*. Alma-Ata, Issue 1. P. 12–32. (In Russ.).
10. Mitrichev S.P. Criminalistics and criminalistic examination. *Socialist legality = Sotsialisticheskaya zakonnost'*. 1966. No 5. P. 13–15. (In Russ.).
11. Vinberg A.I., Malakhovskaya N.T. Forensic ekspertologiya is a new branch of science. *Socialist legality = Sotsialisticheskaya zakonnost'*. 1973. No 11. P. 48–51. (In Russ.).
12. Vinberg A.I., Malakhovskaya N.T. About regularity of scientific bases of forensic examinations. *Socialist legality = Sotsialisticheskaya zakonnost'*. 1976. No 1. P. 62–64. (In Russ.).
13. Vinberg A.I., Malakhovskaya N.T. *Forensic ekspertologiya. General-theoretical and methodological problems of forensic examinations*. Volgograd: NIIRIO VSSH MVD SSSR, 1979. 183 p. (In Russ.).
14. Aver'yanova T.V. *Contents and characteristic of methods of forensic and expert researches*. Alma-Ata: Kazakh NIISE, 1991. 223 p. (In Russ.).
15. Korukhov Yu.G. *Formation of the general theory of forensic examination. Material for the Academic council of VNIISE*. Moscow: VNIISE, 1989. 225 p. (In Russ.).
16. Bychkova S.F. *Formation and tendencies of development of science about forensic examination*. Alma-Ata, 1994. 228 p. (In Russ.).
17. Shlyakhov A.R. *Forensic examination. Organization and carrying out*. Moscow: Legal literature, 1979. 168 p. (In Russ.).
18. Aliev I.A. *Problems of expert prevention*. Baku: Azerneshr, 1991. 311 p. (In Russ.).
19. Rossinskaya E.R., Galyashina E.I. (eds) *Forensic ekspertologiya: history and present (school of sciences, expert practice, competence-based approach)*. Moscow: Prospekt, 2017. 272 p. (In Russ.).
20. Rossinskaya E.R. Genesis and problems of development of new childbirth and types of forensic examinations. *Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2014. No 3. P. 114–121. (In Russ.).

21. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2015. 928 с.
22. Россинская Е.Р., Галышина Е.И., Зинин А.М. Теория судебной экспертизы (судебная экспертиология). Учебник для вузов. М.: Норма: Инфра-М, 2016. 368 с.
23. Савицкий В.М. Очерк теории прокурорского надзора в уголовном производстве. М.: Наука, 1975. 383 с.
24. Россинская Е.Р. О доказательственном значении результатов комплексного исследования вещественных доказательств // Проблемы уголовного процесса и криминалистики. Сборник материалов III Межвузовской науч.-практич. конф. во ВНИИ МВД СССР. М., 1982. С. 26–31.
25. Корухов Ю.Г. Теоретический, методический и процессуальный аспекты комплексных экспертиз и комплексных исследований // Проблемы организации и проведения комплексных экспертных исследований: Мат. Всес. науч.-практич. конф. (Рига, 5–6 декабря 1984 г.). М.: ВНИИСЭ, 1985. С. 30–36.
26. Седова Т.А. Понятие комплексной экспертизы и комплексного исследования // Проблемы организации и проведения комплексных экспертных исследований: Мат. Всес. науч.-практич. конф. (Рига, 5–6 декабря 1984 г.). М.: ВНИИСЭ, 1985. С. 40–45.
27. Шляхов А.Р. Теория и практика комплексных исследований в судебно-экспертных учреждениях системы МЮ СССР // Проблемы организации и проведения комплексных экспертных исследований: Мат. Всес. науч.-практич. конф. (Рига, 5–6 декабря 1984 г.). М.: ВНИИСЭ, 1985. С. 3–20.
28. Россинская Е.Р. Комплексные криминалистические экспертизы с применением рентгеновских методов исследования материалов, веществ и изделий: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1987. 236 с.
29. Россинская Е.Р. Общеэкспертные методы исследования вещественных доказательств и проблемы их систематизации // 50 лет НИИ криминалистики. Сб. научных трудов. М.: ЭКЦ МВД России, 1995. С. 46–52.
30. Россинская Е.Р. Проблемы комплексности в теории и законодательстве о судебной экспертизе // Теория и практика судебной экспертизы. 2012. № 3 (27). С. 38–43.
31. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. Справочное пособие. М.: БЕК, 1997. 342 с.
21. Aver'yanova T.V., Belkin R.S., Korukhov Yu.G., Rossinskaya E.R. *Criminalistics*. Moscow, 2015. 928 p. (In Russ.).
22. Rossinskaya E.R., Galyashina E.I., Zinin A.M. *Theory of forensic examination (forensic expertology)*. Moscow: Norma: Infra-M, 2016. 368 p. (In Russ.).
23. Savitskii V.M. *Sketch of the theory of public prosecutor's supervision in criminal proceedings*. Moscow: Nauka, 1975. 383 p. (In Russ.).
24. Rossinskaya E.R. About evidentiary value of results of a complex research of material evidences. *The proceedings of the III Interuniversity scientific and practical conference in the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the USSR "Problems of criminal trial and criminalistics"*. Moscow, 1982. P. 26–31. (In Russ.).
25. Korukhov Yu.G. Theoretical, methodical and procedural aspects of complex examinations and complex researches. *Proceedings of All-Union science and practical conference "Problems of the organization and carrying out complex expert researches"* (Riga, December 5–6, 1984). Moscow: VNIISE, 1985. P. 30–36. (In Russ.).
26. Sedova T.A. Concept of complex examination and complex research. Problems of the organization and carrying out complex expert researches. *Proceedings of All-Union science and practical conference "Problems of the organization and carrying out complex expert researches"* (Riga, December 5–6, 1984). Moscow: VNIISE, 1985. P. 40–45. (In Russ.).
27. Shlyakhov A.R. The theory and practice of complex researches in forensic and expert institutions of system of the Ministry of Justice of the USSR. *Proceedings of All-Union science and practical conference "Problems of the organization and carrying out complex expert researches"* (Riga, December 5–6, 1984). Moscow: VNIISE, 1985. P. 3–20. (In Russ.).
28. Rossinskaya E.R. *Complex criminalistic examinations with application of x-ray methods of a research of materials, substances and products*. Doctoral thesis. Moscow, 1987. 236 p. (In Russ.).
29. Rossinskaya E.R. All-expert methods of a research of material evidences and problem of their systematization. *50 years to scientifically research institute of criminalistics. Collection of scientific works*. Moscow: EKTs Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 1995. P. 46–52. (In Russ.).
30. Rossinskaya E.R. Problems of integrated approach to forensic science theory and legislation. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2012. No 3 (27). P. 38–43. (In Russ.).
31. Belkin R.S. *Criminalistic encyclopedia. Handbook*. Moscow: BEK, 1997. 342 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Россинская Елена Рафаиловна – д. ю. н., профессор, академик РАЕН, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, заведующая кафедрой судебных экспертиз МГЮА им. О.Е. Кутафина, директор Института судебных экспертиз, президент Ассоциации образовательных учреждений «Судебная экспертиза»; e-mail: elena.rossinskaya@gmail.com.

ABOUT THE AUTHOR

Rossinskaya Elena Rafailovna – Head of the Department of Forensic Sciences at Kutafin University, Director of the Institute of Forensic Sciences, President of the "Forensic Science" Association of Educational Institutions, Doctor of Law, Professor, RANS Academician, Distinguished Scientist of the Russian Federation, Honorary Employee of Higher Professional Education of the Russian Federation; e-mail: elena.rossinskaya@gmail.com.

Категория подлинности в праве. Состояние вопроса

О.А. Крестовников

Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, Москва 109028, Российская Федерация

Аннотация. Статья обзорного характера посвящена осмыслению подлинности как практической категории, которая всегда волновала человека, размышляющего о реальности мира как такового, стремящегося познать себя в этом мире и свое предназначение. Кратко описано отношение к проблеме подлинности в некоторых областях знания. Для юриспруденции, и практики правоприменения в частности, проблема подлинности имеет сугубо утилитарную направленность. О подлинности говорят, когда требуется установить подлинность вещественных доказательств, подлинность документов или подлинность информации. Анализ разработанности проблемы показал, что она все еще далека от окончательного разрешения.

Ключевые слова: *категория, подлинность, право, правоприменение*

Для цитирования: Крестовников О.А. Категория подлинности в праве. Состояние вопроса // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Том 12. № 3. С. 62–77.

The Legal Category of Authenticity. Current Perspectives

Oleg A. Krestovnikov

The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow 109028, Russian Federation

Abstract. This overview focuses on the conceptualization of authenticity as a practical category that has always preoccupied those pondering the reality of the world as such, and aspiring to make sense of themselves and their purpose in this world. The problem of authenticity is examined from the perspectives of various fields of human knowledge. For instance, in legal philosophy and law enforcement the issue of authenticity is interpreted in strictly utilitarian terms. The subject comes up whenever physical evidence, documents or information need to be tested for authenticity. The current legal understanding of the problem is analyzed to show that it still lacks sophistication.

Keywords: *category, authentic, law, law enforcement*

For citation: Krestovnikov O.A. The Legal Category of Authenticity. Current Perspectives. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2017. Vol. 12. No 3. P. 62–77.

Настоящий, истинный, оригинальный, достоверный, действительный, реальный, исконный, первоначальный, тождественный, аутентичный, соответствующий, точный, сущий, не имеющий образца – и это незначительная часть понятий, используемых в качестве синонимов подлинности¹.

Синонимы как слова-реакции расположены в порядке убывания частоты упоминания при ассоциативном восприятии носителями русского языка слова-стимула «подлинный»². Частота упоминания определяет значимость/ценность каждого синонима в их общей иерархии. Перечисленные синонимы и другие слова-реакции обозначенной группы (как, например, документ, экземпляр, шедевр, текст, герой, друг, рассказ, картина, талант, источник, смысл, художник, человек, героизм и еще 528 реакций, также расположенных в порядке убывания) создают ассоциативное поле, которое можно рассматривать как модель языковой картины мира (см., например: [1–3]). Точнее, как специфический образ сознания (лексических единиц), отображающих определенный фрагмент образа мира реальных носителей языка (правда, в его усредненном состоянии). Построенная на «подлинности» ассоциативно-вербальная сеть показывает доминирующее в данном сообществе восприятие подлинности, задает вполне конкретный вектор принимаемых смысла и значения этого понятия. Если переключить внимание на последующее ветвление каждого из перечисленных синонимов, то в этом древе можно потерять смысл подлинности. Синонимичность и ассоциативное восприятие подлинности поражает.

Обращаясь к таким источникам, как словари Академии Российской (1793–

1822)³, Словарь церковно-славянского и русского языка (1847)⁴, Толковый словарь живого великорусского языка В. Даля (1882)⁵, Словарь древнерусского языка И.И. Срезневского (1893)⁶, Словарь русского языка XI–XVII вв.⁷, толковые словари Д.Н. Ушакова⁸, А.В. Старчевского⁹ и современные словари русского языка¹⁰, мы видим, что при толковании подлинности используются все те же синонимы. Причем некоторые из приведенных выше синонимов сами определяют понятие подлинности. Для примера приведем (не вдаваясь в детали) выдержки из словарных статей, разнесенных во времени: Даль В., 1881 год – «**подлинный**, истинный, настоящий, сущий, самый тот, оригинальный»¹¹, «**истинный**, правдивый, справедливый <...> прямой, подлинный, настоящий»¹², «**оригинальный**, подлинный, настоящий, неподдельный...»¹³; Ефремова Т.Ф., 2001 год – «**подлинный** – 1) являющийся оригиналом; не скопированный. 2) самый настоящий, истинный, действительный»¹⁴, «**истинный** – действительный, настоящий; несомненный. Не-

¹ См., например: Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. 3-е изд., доп. / Сост. Н. Абрамов. СПб., 1911. С. 44, 88, 110; Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник. 11-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 2001. С. 168, 340, 533; Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., исправ. и доп. М.: Школа «Языки славянской культуры», 2003. С. 718–722.

Автор сознательно не следовал общеизвестному правилу – синонимы относятся к одной части речи – для того, чтобы изначально сместить акцент на восприятие подлинности как категории, а не просто слова, относящегося к группе существительных, прилагательных или наречий (подлинность, подлинный, подлинно).

² Русский ассоциативный словарь. Т. I. От стимула к реакции / Ю.Н. Караулов и др. М.: Астрель; АСТ, 2002. С. 462; Т. II. От реакции к стимулу. С. 184, 214, 312, 476, 566 и др.

³ Словарь Академии Российской. Ч. IV: от М до Р. СПб.: Император. Акад. Наук, 1793. Стб. 943–944; Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. 4: О – П. СПб., 1822. Стб. 1287.

⁴ Словарь Церковно-Славянского и Русского языка, составленный Вторым Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. Т. 3: О – П. СПб.: Тип. Императ. Акад. Наук, 1847. С. 262.

⁵ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. III: П. Репринт 2-го изд. 1882 г. М.: Гос. изд. ин. и нац. слов., 1955. С. 183.

⁶ Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. Т. II. Ч. 2: П. Репринт изд. 1893 г. М.: Книга, 1989. Стб. 1061.

⁷ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 15 (Персть – Подмышка). М.: Наука, 1989. С. 278–279.

⁸ Толковый словарь русского языка. Т. III: П – Р. Яшка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. изд. ин. и нац. слов., 1939. Стб. 401.

⁹ Словарь древняго славянскаго языка составленный по Остромирову Евангелию, Ф. Миклошичу, А.Х. Востокову, Я.И. Березникову и И.С. Кочетову / Сост. А.В. Старчевский. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1899. С. 586.

¹⁰ См., например: Ожегов С.И. Словарь русского языка. 8-е изд., стереотип. М.: Сов. Энциклопедия, 1970. С. 527; Словарь русского языка. Т. III: П – Р. 3-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1987. С. 196; Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. 2-е изд., стереотип. Т. 2: П – Я. М.: Рус. яз., 2001. С. 156.

¹¹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. III: П. С. 183.

¹² Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II: И – О. С. 60.

¹³ Там же. С. 691.

¹⁴ Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Т. 2: П – Я. С. 156.

поддельный, подлинный»¹⁵, «**оригинальный** – ...не заимствованный, не подражательный, не переводный; подлинный»¹⁶.

Тем самым в словарях закрепляется высокая степень совпадения лексических пространств каждого из этих сосуществующих в языке понятий – возникает проблема «пересечения смыслов»¹⁷. При этом все предлагаемые толкования составлены с нарушением некоторых правил формальной логики: а) *понятия определены без указания на ближайший род и видовое отличие*; б) *отсутствует признак (группа признаков), свойственный только данному понятию и отсутствующий в других понятиях, относящихся к тому же роду*; в) *определения содержат круг, т. е. определяемое понятие определяется посредством такого понятия, которое само становится ясным только посредством определяемого понятия*¹⁸.

Подобное приводит, с одной стороны, к необоснованному отождествлению указанных понятий, с другой – к искаженному представлению об их сущности. В то же время представляется, что понятие подлинности и ее синонимы являются понятиями, несовпадающими по тем эквивалентам материального мира (действительности), которые стоят за каждым из них.

И только в одном толковом словаре русского языка, в котором используется описательный способ толкования, дается несколько контекстуальных (≈ истинный, настоящий) определений понятия «подлинный». Обращает на себя внимание тот факт, что в определение вводится некто (*кем-либо*), кто воспринимает, ощущает или признает подлинность как явление: «подлинным называют то, что является или признано оригиналом; <...> воспринимается, ощущается или признается кем-

либо как истинное; <...> ощущается кем-либо как образцовое, близкое к идеалу»¹⁹. Тем самым подлинность одновременно определяется как свойство, атрибутивно проявляющееся в объекте (вещи, явлении, процессе, событии, чувстве)²⁰, и как категория, «принадлежащая» познающему субъекту.

Точной этимологии слова установить не удалось. Сторонники доминирующей точки зрения связывают происхождение прилагательного «подлинный» с существительным «подлинник» (длинный шест, длинная палка), который применяли при допросах. Впервые эту мысль высказал В. Даль²¹. Затем она была подхвачена А. Преображенским²², со ссылкой на которого М. Фасмер воспроизвел ее в своем этимологическом словаре²³. С «длинной» (*подль-длить-длина*) связывает значение подлинности и Н.В. Горяев²⁴. В современных этимологических словарях мы найдем текстуально совпадающие определения и пояснения²⁵. Следует отметить, что авторы этой гипотезы отталкиваются от семантики слова (от основы предложно-падежного сочетания по длине – корень «длин») и видят ее во взаимосвязи с предполагаемым первичным значением «соответствующий установленной длине». Это определение актуализируется и в ситуациях, когда установление подлинности связано с количественными измерениями

¹⁵ Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Т. 1: А – О. С. 616.

¹⁶ Там же. С. 1143.

¹⁷ Наверное, нельзя быть особо требовательным к перечисленным словарям, так как, во-первых, в этих словарях используется синонимический способ толкования, и, во-вторых, по замечанию их авторов и составителей они носят филологический характер и к ним не стоит предъявлять тех требований, которым должны удовлетворять энциклопедические словари. Однако, например, и в Большой советской энциклопедии мы не находим удовлетворительного определения понятия «подлинный» (см.: Большая советская энциклопедия. Т. 20: Плата – Проб / Гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Сов. энциклопедия, 1975. С. 124).

¹⁸ См.: Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1976. С. 1, 467–468.

¹⁹ Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.В. Дмитриева. М.: Астрель; АСТ, 2003. С. 903.

²⁰ «...Как тень, что похищает форму тела / Но тела нет – и тени не найти...» – Лопе де Вега. «Как дым, что в небе вычертил почти...» // Любовь, что движет солнце: Сонеты о любви эпохи Возрождения. М.: Эксмо, 1999. С. 363.

²¹ Следует отметить, что В. Даль, предлагая подобное прочтение, облекает его в форму вероятностного суждения. Об этом говорит вопросительный знак в конце повествования: «...Не от этого ли и самое слово подлинный?» Представляется, что у В. Даля не было достаточных оснований для категорического утверждения.

²² Этимологический словарь русского языка. Т. 1: А – О, Т. 2: П – С. / Сост. А. Преображенский. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Совко, 1910–1914. С. 86 (Т. 1), С. 185–186 (Т. 2).

²³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3 (Муза – Сят) / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1987. С. 297–298.

²⁴ Горяев Н.В. Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис: Тип. канц. Главнач. гр. ч. на Кавказе, 1896. С. 92, 269.

²⁵ См., например: Шанский Н.М. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов. 5-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2002. С. 240; Семенов А.В. Этимологический словарь русского языка. М.: ЮНБЕС, 2003. С. 446; Этимологический словарь русского языка / Сост. Г.А. Крылов. СПб.: Полиграфслужбы, 2005. С. 300.

ми, т. е. в нормативно-технических исследованиях.

Другая группа авторов не принимает подобного объяснения и считает его неприемлемым. Представители этой группы рассматривают слово «подлинный» как производное вторичное прилагательное с суффиксом *-ный* от основы **подьлинъ*, первичного прилагательного от *подьль* (*подле* – *близко*) «залегающий внизу, на дне»²⁶. В качестве дополнительной аргументации высказывается и такое предположение: если слово «подлинный» вначале применялось исключительно к грамотам, то, что вполне возможно, в процессе некоего копирования оригинал располагался под копией²⁷.

Существует и третья точка зрения, в соответствии с которой слово подлинный соотносят с понятием «первоначальная запись; текст, не имеющий образца». В качестве примеров, иллюстрирующих подобное толкование слова, приводятся записи XV–XVI веков: «Священный соборъ обыска ихъ ереси и по архіепискуплимъ Генадьевымъ подлинникомъ и спискомъ <...> 6999 г.»²⁸, «Да что есми послал грамоту, да и подлинник к митрополиту <...> XVI в.»²⁹. Б.О. Унбегаун, возражавший против объяснения М. Фасмера³⁰ о происхождении слова «подлинный», как можно предположить, рас-

сматривал подлинность в значении «первоначальный»: «...обозначавшему подлинное имя, полученное при крещении...» или «...подлинная патронимическая фамилия...»³¹.

Приведенная разногласия не способствует постижению сущности подлинности, подтверждая тот факт, что в этимологическом плане это понятие в отечественной науке практически не разработано. Однако все сходятся в одном: подлинность – это собственно русское слово, не имеющее прямых аналогов в иных языках.

Наиболее близко по значению в западноевропейских языках латинского происхождения слово «аутентичный» (*authentic*) – «быть самим собой», «выразить себя». Его этимология восходит к греческому *αὐθεντικός* (*εαυτό*, сам, самим собой) и несколькими близким между собой латинским словам – *auctor* (*oris*, тот, от кого что-нибудь получает начало или развитие, зачинатель, прародитель, родоначальник), *augeo* (содействовать росту, увеличивать), *auctoritas* (действительность, достоверность, признание)³² [4; 5, с. 27].

Семантические функции этого понятия определяются исходя из контекста. В одних случаях оно используется, когда выделяется юридический аспект, придающий силу или соответствующий фактам, т. е. надежный (*legally valid, having legal force*), в других – когда необходимо оригинал отличить от копии, реальное от притворного, подлинность от подделки (*original, first-hand, as opposed to copied, real, actual, genuine, not counterfeit*), в третьих – когда говорят о заслуживающем доверия источнике или авторе, бесспорность происхождения которых не может быть оспорена (*really proceeding from its reputed source or author; of undisputed origin*), или когда характеризуется тональность в музыке (*composed in an authentic mode, authentic cadence*)³³.

Следует отметить, что и составители английских, французских и немецких словарей также не свободны от проблемы «пересечения смыслов» и испытывают опреде-

²⁶ И в этом случае В. Даль также сомневается в истинности высказанного предположения: «Подлинный (от подле, подлег? ...)» – и тот же знак вопроса. См. также: Этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 2: Н – Я / Сост. А.К. Шапошников. М.: Флинта, Наука, 2010. С. 148; Зализняк А.А. Еще раз о жизни слов: Лекция 9 июля 2016 г. / XVIII Летняя лингвистическая школа, 8–17 июля 2016 г., Вороново. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=oLGcD1ACbZo> (дата обращения: 30.04.2017).

²⁷ См.: Лингвофорум: Теоретический раздел – Этимология – Общая лингвистика – Этимология: русский язык – Подлинный. URL: <http://lingvoforum.net/index.php/topic,73246.0.html> (дата обращения: 03.04.2017).

²⁸ Приводится старое летоисчисление от сотворения мира, разница с современным составляет 5508 лет. Указанная дата соответствует 1491 г. н. э.

²⁹ Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. Т. II. Ч. 2: П. Репринт изд. 1893 г. М.: Книга, 1989. Стлб. 1061; Словарь русского языка XI–XVII вв. Выпуск 15 (Персть – Подмышка). С. 278.

³⁰ См. пояснение О.Н. Трубачева к статье «подлинный» в словаре М. Фасмера: «Против этого объяснения возражает Унбегаун (BSL 52, 1957, Р. 174)» (с. 298). Унбегаун Борис Генрихович – лингвист и филолог, специалист по славянским языкам и литературе. Найти этот выпуск журнала *Bulletin de la Société de linguistique de Paris* и узнать позицию Б.Г. Унбегауна не удалось. Два выпуска 52-го тома за 1956 год были изданы в 1957 г., за 1957–1958 годы были изданы два выпуска 53-го тома: 1-й был издан в 1957 г., 2-й – в 1958 г. URL: http://biblio.ebaf.edu/cgi-bin/koha/opac-search.pl?q=ccl=callnum%3A0069.02&offset=40&sort_by=pubdate_dsc (дата обращения: 30.04.2017).

³¹ Унбегаун Б.-О. Русские фамилии: Пер. с англ. / Общ. ред. Б.А. Успенского; изд. 2-е, испр. М.: Прогресс, 1995. С. 10, 169.

³² The Oxford English Dictionary. 2nd ed. / Prepar. J.A. Simpson, E.S.C. Winer. Vol. 1: A – Bazouki. Oxford: Clarendon Press, 1989. P. 795; The Concise Oxford Dictionary of English Etymology / Edited by T.F. Hoad. Oxford: Clarendon Press, 1986. P. 28; Петрученко О.А. Латинско-русский словарь. Репринт 9-го изд. 1914 г. М.: Эксмо, 2017. С. 62–64.

³³ The Oxford English Dictionary. 2nd ed. P. 795–796.

ленные затруднения в передаче нюансов понятия «аутентичный»³⁴.

Практически всеми признается, что вопрос о подлинности с древнейших времен волновал пророков, мыслителей, философов, ученых, интеллектуалов, писателей и поэтов. Никем не ставится под сомнение и тот факт, что это один из самых сложных вопросов, над которым размышлял человек, стремясь познать подлинность мира как такового, подлинность бытия, подлинность личности (смысл жизни, назначение, способности, талант, творчество, ценности, духовную жизнь), подлинность знания.

Однако философы не торопятся ставить подлинность в один ряд со своими классическими категориями и включать ее в философские словари. Хотя, как это ни парадоксально, проблеме подлинности посвящено значительное количество исследований, в которых прямо или косвенно фиксируется огромный семантический потенциал понятия подлинности и ее чрезвычайная значимость и в онтологическом, и в эпистемологическом (гносеологическом), и в экзистенциальном (проявляющемся в реальности и не зависящим от воли человека) плане (см., например: [6–9] и др.).

Актуализируя проблему подлинности, философы рассматривают ее исключительно на онтологическом уровне и выводят из сферы гносеологии (где подлинность соотносится с объективной истиной), политики и права (где подлинность соотносится с властью, ложью и фальсификацией), а также этики и морали (где подлинность соотносится с этическими ценностями, образцами поведения). Основными объектами исследований становятся подлинность бытия и подлинность человека, изучаемых и по отдельности, и во взаимодействии и вза-

имоотношении (М. Хайдеггер, К. Ясперс, Жан-Поль Сартр, Ж. Бодрийяр, А.И. Галич, В.Ф. Одоевский, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев и др.)³⁵, и в их смысловом наполнении под влиянием информационных технологий и виртуальной реальности [7, 10]. Так, стремясь преодолеть классическое бинарное противостояние «подлинное – неподлинное», философы представляют проблему подлинности либо «как проблему постижения человеком подлинности бытия через осознание подлинности собственного существования» [7, с. 98], где «подлинным будет только то бытие, в которое в качестве неотъемлемой его части включен сам человек» [8, с. 66] (философия экзистенциализма³⁶), либо как проблему подлинности бытия в его вечном возвращении (хаос – космос) во всей его изменчивости (философия постмодернизма). И если экзистенциально мыслящие философы ищут и предлагают некие критерии, с помощью которых подлинное можно отличить от неподлинного, то постмодернисты видят подлинность и неподлинность равновеликими сторонами бытия, которые присутствуют в нем одновременно или поочередно сменяя друг друга. Постмодернисты, опираясь на принцип «методологического сомнения» [11, с. 14] и бездоказательно утверждая невозможность объективного познания и отсутствие критериев достоверности, отвергают «...понимание подлинности как соответствие смыслов некой объективной истине, содержащейся в глубине» [7, с. 93], так как для них понятия, тексты, знаки состоят только из себе подобных и никакой связи с реальностью не имеют (см., например: [12, с. 318]).

При этом только в рамках первого из подходов формулируется теоретико-философская модель подлинности социально-

³⁴ Наиболее часто с понятием «authentic» (подлинный) смешивают понятие «identical» (идентичный, тождественный). Это происходит из-за того, что при толковании исходят из очень близкой смысловой нагрузки последнего – тот же самый [5, с. 27–28]. Порой при описании христианских свидетельств отождествляют «authentic» (подлинный) и «genuine» (настоящий). Несовпадение этих понятий показывают на примере сопоставления определений подлинной (содержащей достоверные факты) и настоящей (принадлежащей определенному автору) книг – см.: The Oxford English Dictionary. 2nd ed. P. 795–796 («authentic», see sense 3).

По устоявшейся традиции между понятиями «подлинный» и «аутентичный» ставится знак равенства, особенно при переводе последнего на русский язык (см., например: Словарь иностранных слов. 9-е изд., исп. М.: Русский язык, 1982. С. 63; Большой словарь иностранных слов в русском языке. М.: ЮНВЕС, 2005. С. 80). Далее по тексту эта традиция будет нами соблюдаться.

³⁵ См., например: Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. Харьков: Фолио, 2003. 509 с.; Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / Пер. с фр. М. Грецкого. М.: Изд-во иностр. лит., 1953. 40 с.; Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000. 257 с.; Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. 607 с.; Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 464 с.; Галич А.И. Картина человека, опыт наставительного чтения о предметах самопознания для всех образованных сословий. СПб.: тип. Импер. Акад. Наук, 1834. 677 с.

³⁶ Об исследовании экзистенциальных представлений о подлинности и неподлинности на примере «Матрицы» и экзистенциалистского романа Сартра «Тошнота» см., например, Мак-Магон Д. Глотаем горькую пилюлю: экзистенциальная подлинность в «Матрице» и «Тошноте» // «Матрица» как философия: Эссе / Под ред. У. Ирвина; отв. ред. В. Харитонов; пер. с англ. О. Турухиной. Екатеринбург: У - Фактория, 2005. С. 229–244.

го бытия человека. А в качестве критерия подлинности этого бытия предлагается рассматривать социальный идеал как абстрактный образ значимых ценностей конкретной культуры, выполняющих роль ориентиров деятельности индивида. Указанная модель создается для разработки личностно-ориентированных методик в педагогике, психологии, истории [8, с. 20–81].

При столь высоком уровне абстракции подлинность представляется как нечто вечное, а «вечным вещам нельзя дать определения»³⁷, ибо знание о них «не может быть выражено в словах, как остальные науки»³⁸. А поэтому, если о подлинности невозможно говорить ясно (кроме того, что не имеет ничего общего с философией), о том следует молчать³⁹.

Отсюда мы получаем и соответствующие определения: «Подлинность – это совпадающая актуальность⁴⁰ как сообразность реального моему простому схватыванию» [13, с. 245], или «Подлинность... особое отношение человека к бытию, открытость, свобода и незавершенность» [14, с. 161], или «когда нет тождества между тем, что есть на самом деле, и тем, как это проявляется внешне, тогда нет и подлинности» [15, с. 156]. Следуя логике этих представлений, подлинное познание определяется как «трансцендентный акт, т. е. выход за пределы сознания и схватывания того, что есть предмет сам по себе» [6, с. 14], а истину заключают в человеческую субъективность, где «эта субъективность и есть подлинная действительность, т. е. объективность» [там же, с. 42]. Подлинное творчество приравнивают к теургии, богодействию, совместному с Богом действию, которое «не может быть демоническим, оно всегда есть выход из тьмы»⁴¹ и «определяется не механической суммой сущностных признаков <...>, а уровнем ду-

ховности субъекта-творца и степенью соизидательности результата» [16, с. 88]. При разработке своих концепций и практических рекомендаций по определению скрытой в человеке сущности, его личностных смыслов, например в психотерапии, основанной на принципе осознания ответственности [17, с. 157], и в экзистенциальной психологии отталкиваются от тезиса о том, что «подлинность должна быть выхвачена из нашей не-подлинности, и она всегда остается относительной в том плане, что она должна быть вновь потеряна для того, чтобы быть вновь найденной» [18, с. 29].

Подобное восприятие «делает и саму подлинность текучей и становящейся, не подлежащей четкому установлению и фиксации» [7, с. 31]. Но именно такое отношение к проблеме очень близко писателям и поэтам, которые, принимая эту позицию, интуитивно постигают подлинность, облекая ее в нравственно-эстетическую форму. Для одних «незаслуженная любовь – это само доказательство ее подлинности» [19, с. 49], а «глаз окно души; средоточие красоты лица; точка, где сосредоточена подлинная суть личности» [там же, с. 191–192]; для других «не существует в мире большей или меньшей подлинности. Существует большая или меньшая действенность» [20, с. 47]; для кого-то «... "подлинность" – это, в некоторой степени, "нерукотворность" – ...своеобразное, почти вкусовое или тактильное, ощущение от контакта с жизнью как таковой»⁴², когда «истинное "я", совершенное как ненаписанное число, живет одновременно в любой точке пространства в любой момент времени» [21, с. 13]. И это все лики подлинности, которая воспринимается как «посланница бытия в мире явлений, посланница истины в мире мнимостей, но она появляется только тогда, когда есть встречающий» [22, с. 71, 75].

Подлинность дорого ценилась (и ценится) в тех случаях, когда о ней говорили (и говорят) на частнонаучном⁴³, прикладном, технологическом и даже на бытовом уровнях, независимо от того, идет ли речь о знании или творчестве, о произведениях искусства или объектах культурного наследия, о документах или свидетельствах оче-

³⁷ Аристотель. Сочинения в 4-х томах. Т. 1 / Ред. В.Ф. Асмус. М.: Мысль, 1975. С. 218.

³⁸ Платон о знании об истине (Письма // Платон. Собр. соч. в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1994. С. 493).

³⁹ Витгенштейн о скрытом высшем/внутреннем понимании (Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Людвиг Витгенштейн. Избранные работы / Пер. с нем. и англ. и паралл. коммент. В. Руднева. М.: Территория будущего, 2005. С. 219).

⁴⁰ Под актуальность понимается состояние вещи, которая достигла своей зрелой формы, приобрела необходимые формы своего бытия. Например, зрелое яблоко, взрослый человек, дом, пригодный для жилья, т. е. все, что завершило процесс своего становления.

⁴¹ Бердяев Н.А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека // Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. С. 354, 386.

⁴² «Главное в стихах – это их подлинность»: интервью с Антоном Очировым. URL: <http://www.litkarta.ru/dossier/kotuih-ochirov-interview/> (дата обращения: 14.06.2017).

⁴³ Общонаучного определения подлинности автору найти не удалось.

видцев, об информации или данных, о продукции или услугах...

Так, проблема подлинности является одной из центральных проблем для религии как одной из форм постижения мира. На повестке дня вопросы, касающиеся подлинности существования или не существования объектов религиозной веры, человека и самой религии. Здесь пытаются постичь подлинный смысл новозаветного провозвестия и определить подлинный религиозный опыт [23]. Немаловажным в теологии остается разрешение вопроса о соотношении подлинности и истины (см., например: [13, 24]).

Теологические представления о подлинности интересны своей соотносительностью с реальностью, а точнее с человеком. «Для Бога нет подлинности. Подлинность – это не теологическая истина, а истина человеческого интеллекта» [13, с. 246]. При этом о подлинности самого человека говорят как о привнесенном качестве, которое человек приобретает не в социальной практике, а получает извне: «Человек знает <...> о своей подлинности, но подлинность не принадлежит ему как природное свойство, человек не распоряжается ею. <...> Подлинная жизнь может быть дана человеку только как дар» [25, с. 121].

В споре о статусе Священного Писания богословом Уильямом Уитакером (William Whitaker) в 1849 году было предложено очень интересное, на наш взгляд, определение понятия подлинности: «подлинным называется то, что соответствует самому себе, что проявляется, оценивается, поддерживается, чему доверяют и что признается, <...> в отличие от того, что не определено и не признается» [26, с. 332–333]⁴⁴. И далее с опорой на эти представления о подлинности он утверждает, что, «...если Писания были достоверны до того, как церковь объявила их подлинными, они были подлинными и для нас; в противном случае они не могут быть признаны таковыми»⁴⁵ [там же, с. 333].

В теории реставрации и консервации объектов культурного наследия концепция

подлинности является, пожалуй, самой разработанной. Идея подлинности закреплена как одна из основополагающих доктрин при решении вопросов сохранения культурного наследия [4]. Начиная с Венецианской хартии (1964 г.)⁴⁶, определившей необходимость сохранения памятников «во всем богатстве их подлинности», к исследованию подлинности и на теоретическом, и на прикладном уровнях были подключены такие крупнейшие международные научные центры как ICCROM, ICOMOS⁴⁷, Центр Всемирного наследия (ЮНЕСКО). В рамках «Конвенции об охране Всемирного культурного и природного наследия» был разработан «тест на подлинность» (the test of authenticity), что положило начало формированию научной стратегии, определившей центральное положение и область прагматического использования критерия «подлинности». На первоначальном этапе этот тест содержал только четыре позиции, предполагающие установление подлинности материала (material), первоначального замысла (design), мастерства исполнения (workmanship), подлинности окружения (setting)⁴⁸. Впоследствии круг признаков-носителей подлинности был существенно расширен⁴⁹. В настоящее время они представляют собой набор материальных (форма, материал, вещества, окружение) и нематериальных (замысел, использование, функция, традиции, методы и системы управления, местоположение, язык, духовное и физическое восприятие) свойств и качеств материи, объединенных уже поня-

⁴⁶ International Charter for the Conservation and Restoration of Monuments and Sites, Venice Charter (Международная хартия по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест, Венецианская хартия).

⁴⁷ ICCROM – International Centre for the Study of the Preservation and Restoration of Cultural Property (Международный Центр исследований в области сохранения и реставрации культурной собственности). ICOMOS – International Council on Monuments and Sites (Международный совет по вопросам памятников и достопримечательных мест).

⁴⁸ См.: Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention. CC-17/CONF.001/8 Rev. Paris, 20 Oktober 1977 (item 9). (Руководство по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия, п. 9 – встречающиеся варианты перевода: «Важнейшие направления по осуществлению...», «Оперативные руководящие принципы осуществления...»). URL: <http://whc.unesco.org/en/guidelines> (дата обращения: 20.05.2017 г.).

⁴⁹ Пересмотр шкалы понятий «теста на подлинность» и установление между ними иерархии был закреплён в специальной декларации, посвящённой понятию «подлинности», – «Нарский документ о подлинности» (Nara Document on Authenticity) – п. 13 [27, с. 11].

⁴⁴ «That is called authentic, which is sufficient to itself, which commends, sustains, proves itself, and hath credit and authority from itself; the contrary of <...> which is uncertain and hath no authority of itself».

⁴⁵ «Therefore, if the scriptures were authentic before the church declared them to be authentic, they were authentic also to us; otherwise they were absolutely incapable of being declared authentic».

тием «условия подлинности» (the conditions of authenticity)⁵⁰. Данный перечень не исчерпывается перечисленными критериями – в нем предусмотрена возможность учета и других форм нематериального наследия и других внутренних и внешних факторов. По замыслу разработчиков только при достаточно широком перечне критериев подлинность может быть легко диагностирована. Но при условии, что каждый из ее носителей в памятнике, как объекте культурного наследия, будет рассматриваться независимо друг от друга.

В результате этих титанических усилий четкого общепризнанного определения подлинности не сформулировано. Известные варианты определения подлинности затрагивают либо самые общие черты этого понятия («соответствие, равнозначность самому себе во всех внутренних и внешних проявлениях») [5, с. 42; 28, с. 3], либо предлагают рассматривать подлинность «как суммарное качество объекта», образующееся путем сложения некоторых из приведенных выше признаков – носителей подлинности [29, с. 157]. Объясняется это тем, что в рамках существующей доктрины выработать универсальную, единую «формулу» определения подлинности невозможно. Поэтому «понятие подлинности следует рассматривать как открытую, гибкую концепцию, используемую индивидуально для каждого конкретного случая, с полным пониманием социально-экономического, экологического, культурного и исторического контекста» [30, с. 18].

Из положительного отметим следующее. Подлинность рассматривается как ценностная категория культуры. Признается, что подлинность всегда исторически конкретна («автономна», «единична», «уникальна») и, соответственно, невоспроизводима и невосполнима, она «не может увеличиваться, ее лишь можно раскрыть, если таковая существует», ее качества и свойства присущи объекту изначально и заложены в процессе его создания [5, с. 29, 43; 28, с. 3; 29, с. 139]. «Подлинность какой-либо вещи – это совокупность всего, что она способна нести в себе с момента возникновения, от своего материального возраста до исторической ценности». Ибо, например, средневековое изображение мадонны в момент его изго-

товления «подлинным» еще не было – «оно становилось таковым в ходе последующих столетий, и более всего, по-видимому, в прошедшем» [31, с. 20–22].

Для филологической науки вопрос о подлинности/подложности письменного текста (об определении автора литературного произведения) также является не праздным (хотя «в литературной области мы встречаемся с подделками гораздо реже, чем в области документов юридических» [цит. по: 32, с. 261]). Отмечается, что и сама проблема подлинности/подложности наполняется новым содержанием, изменяется представление об этих понятиях, так как «...не только произведение в целом может быть подложным, но поддельными, неподлинными часто бывают и отдельные его части самого разнообразного объема» [там же, с. 263]. Однако из доступных источников непросто вычленил представления о подлинности (понятии, смысле, назначении), признаваемые большинством научного филологического сообщества. Иногда можно встретить мнение о том, что термин «подлинный текст» – не столько термин, сколько понятие с разговорным, почти бытовым значением [33, с. 13]. В основном обсуждаются лингвистические принципы, методы, способы и приемы определения подлинности сомнительного сочинения, а также установления его авторства (см., например: [32–35]). В то же время предметная направленность этих методов свидетельствует о том, что для установления факта подлинности требуется выделение некоторых критериев, соответствие которым позволит определить подлинность исследуемого текста и его автора⁵¹.

Прикладные исследования, связанные с проблемой подлинности, направлены на разработку соответствующих методов ее определения. В качестве объектов исследования мы видим товары народного потребления, документы и различные данные (см., например: [36–40]). Для работы, как правило, обходятся представлениями о подлинности из толковых словарей.

⁵⁰ Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention. WHC.16/01. 26 October 2016. (item 82). URL: <http://whc.unesco.org/en/guidelines> (дата обращения: 20.05.2017 г.).

⁵¹ Это следующие критерии: а) объективно-историческая форма и стилистика художественной речи соответствующей эпохи, б) лексическая, фразеологическая и грамматическая манера выражения автора, в) идеи, заложенные в тексте, и форма их выражения, полностью совпадающая (или имеющая близкое сходство) с оригинальными авторскими идеями, содержащимися в его известных и вполне проверенных работах [32, с. 287, 292, 298, 300].

Технологический уровень пестрит различными правилами, рекомендациями, стандартами, руководящими документами и методическими указаниями, в которых даются различные дефиниции понятия подлинности, предлагаются методы ее оценки и определения. Подлинность в одних случаях рассматривается как состояние объекта, при котором это состояние может быть проверено и однозначно приписано определенным измерениям (характеристикам)⁵², в других – для ее подтверждения требуется либо наличие у объекта определенных параметров⁵³, либо совокупности физико-химических и биологических показателей (критериев подлинности)⁵⁴, или характерных признаков, предусмотренных техническими условиями⁵⁵.

На бытовом уровне, как правило, потребителю предлагаются разнообразные методы (точнее, советы) определения подлинности⁵⁶.

Вышеприведенный обзор убеждает, что первоначальное значение слова подлинный (подлинность, подлинно) достоверно неизвестно и, возможно, так и останется тайной. Смысл подлинности по-прежнему трудно распознаваем и неуловим (хотя понять его, как оказалось, легче, чем дать подлинности точное теоретическое описание). Многоликость подлинности позволяет каждому ис-

следователю представлять ее по-своему, она увлекает их на поиски различных ее проявлений: для одних подлинность – простая, чувствительная и эмоциональная кокетка, иные считают ее сложным, тонким и изощренным созданием. Большинство же смирилось с окутывающей ее тайной и согласилось с тем, что смогут овладеть ею только в своем воображении, так как для них она по сути своей недоступна и непонятна⁵⁷. Кто-то вообще не признает подлинность как реально существующий факт или данность и рассматривает ее «только как искомое, которое нужно установить, или как задачу (почти – загадку), которую следует разрешить» [32, с. 328–329]. А для кого-то подлинность – это не свойство, не черта, не характеристика объекта, это нечто, стоящее за процессами и результатами его появления и существования; нечто, находящееся за пределами образа объекта и его представленности другим⁵⁸.

Но есть и те, кто считает, что хорошо знает, что такое подлинность и что сможет подлинное всегда отличить от неподлинного. Для них подлинность – это банальность. «Такое представление, конечно, – величайший самообман. Если бы мы опытно знали и логически осознавали грань, отделяющую подлинное от неподлинного, мы бы не ошибались постоянно так страшно и в себе, и в других, как мы ошибаемся»⁵⁹.

Подобное отношение к подлинности породило своеобразное представление о ней как о понятии, которое не требует ни определения, ни каких-либо объяснений; говоря о подлинности, подразумевают нечто, само собой разумеющееся. Эта неопределенность отразилась на процессе формирования представлений о подлинности в юриспруденции, и правоприменении в частности.

Для начала рассмотрим ситуации, в которых подлинность присутствует как неотъемлемая часть проблемы.

Споры о подлинности документов

В правоприменительной практике действует парадоксальная аксиома, согласно

⁵² См., например, ГОСТ Р 8.654-2009. Государственная система обеспечения единства измерений. Требования к программному обеспечению средств измерений. Основные положения; МИ 2891-2004. Общие требования к программному обеспечению средств измерений. Рекомендация // СПС КонсультантПлюс.

⁵³ См., например, СРП-2007. Свод реставрационных правил. Рекомендации по проведению научно-исследовательских, изыскательских, проектных и производственных работ, направленных на сохранение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации (4-я редакция) // СПС КонсультантПлюс (полностью воспроизводятся четыре критерия «теста на подлинность» в его первом варианте).

⁵⁴ См., например, МУ 4.1/4.2.2484-09. Методы контроля. Химические и микробиологические факторы. Оценка подлинности и выявление фальсификации молочной продукции. Методические указания // СПС КонсультантПлюс.

⁵⁵ См., например, Руководящий документ. Защита информации. Специальные защитные знаки. Классификация и общие требования // СПС КонсультантПлюс.

⁵⁶ См., например: Проблема подлинности в нумизматике. URL: <http://hobby.rin.ru/articles/html/2143/Problema-podlinnosti-v-numizmatike.html> (дата обращения: 06.03.2017 г.); Шнебель Н. Как определить подлинность рубина? URL: <https://sunmag.me/sovety/07-12-2014-kak-opredelit-podlinnost-rubina.html> (дата обращения: 06.03.2017); Росздравнадзор сообщил, как распознать поддельный «Эссенциале Форте Н». URL: <http://doctorpiter.ru/articles/15048/> (дата обращения: 06.03.2017).

⁵⁷ Использована стилистическая конструкция, которую М.Б. Крилмен применил для образного описания ситуации с анализом и применением термина «смысл» (см.: Акофф Р., Эмери Ф. О целеустремленных системах / Пер с англ., ред. И.А. Ушакова. М.: Сов. радио, 1974. С. 170).

⁵⁸ См.: Пивоваров Р. Аутентичность. URL: <http://institut.smysl.ru/article/17.php> (дата обращения: 15.06.2017).

⁵⁹ Стегун Ф.А. Встречи: Достоевский – Л. Толстой – Бунин – Зайцев – В. Иванов – Белый – Леонов. Мюнхен: Товарищество зарубежных писателей, 1962. С. 88.

которой документ считается подлинным, пока его подлинность не поставлена под сомнение кем-либо из участников документооборота или участников расследования. Парадоксальность этой аксиомы подтверждается существующей массовой фальсификацией документов, ценных бумаг, продуктов, товарных брендов, фармпрепаратов и т. п. Особенно часто объектами фальсификации оказываются документы, удостоверяющие личность, денежные знаки, документы об образовании, договора, финансово-кредитная документация. Более логичной, но вряд ли приемлемой на практике, была бы обратная аксиома.

Документы как источники информации имеют сложную формально-содержательную структуру информационных полей. Слова, знаки, символы несут информацию о содержании и назначении документа в конкретной системе документооборота или коммуникации (национальный язык, область научного знания, системы коммуникаций, профессия, жаргон и др.). Материальные свойства документа несут информацию как о процессе его изготовления, так и об изменениях, возникших в процессе его использования и фальсификации. Формальные реквизиты документа: графы, бланк, номер, дата, состав бумаги, защитные и водяные знаки, микротексты и т. д. – прямо направлены на защиту документа от фальсификации.

Споры о подлинности вещественных доказательств

Вопрос о подлинности представляемых участниками процесса предметов, материалов, веществ, изделий, а также любых материальных образований поднимается в ситуациях, когда подлинность этих объектов ставится под сомнение одной из сторон процесса. При этом бремя доказывания в этом споре лежит как на стороне, возбуждающей спор, так и на стороне, представившей данный объект. Так, если защита, заявляя отвод представленному вещественному доказательству, утверждает, что в материалах дела не содержится доказательств того, что данное вещественное доказательство изъято с места преступления, обвинитель в этом случае должен доказать противное, а именно, что представленный объект является тем самым, который был изъят в предусмотренной законом процессуальной форме следственного действия из материальной обстановки расследуемого события. Иногда, в зависимости от ситуации, требуется

доказать, что представленный объект обладает приписываемыми ему свойствами (яд, наркотик, оружие, поврежденная преграда и т. д.).

Споры о подлинности вещественных доказательств возникают и вследствие нарушения процессуальных правил изъятия и приобщения их к делу. Особенно часто – в ситуациях, когда вещественное доказательство представляется в одностороннем порядке, за рамками процессуального действия (оперативно-разыскная деятельность, журналистское или частное расследование). В этом случае вопрос о подлинности и правомерности приобщения объекта к делу относится к компетенции суда.

Споры о подлинности информации

В век информации и информационных технологий, пронизывающих всю ткань современной жизни, не могла не родиться проблема подлинности информации.

Информация в настоящее время – это не только средство передачи сообщений. Обычной практикой стало использование информационного сигнала как орудия совершения преступлений при несанкционированном доступе в базы и банки данных частных, коммерческих, финансовых, правительственных и дипломатических систем с целью извлечения данных, блокировки и заражения этих систем. Широко (на государственном уровне в т. ч.) используются методы промышленного шпионажа, слива информации в конкурентной борьбе и дезинформации и дискредитации противника в дипломатии и военном деле.

Проблема подлинности информации давно перестала быть чисто юридической проблемой в ситуациях легального правоприменения.

В отличие от информации, извлекаемой из легальных материальных источников, технология анализа которой на подлинность достаточно разработана в криминалистике и судебной экспертизе, анализ подлинности информации на аутентичность представляет по большей части проблему нового времени, требующую специального рассмотрения. Об актуальности этих исследований достаточно красноречиво свидетельствуют два общеизвестных недавних события, могущие быть названными информационными войнами. Имеются в виду крушение малазийского Боинга над Украиной и последние президентские выборы в США.

Однако при всей востребованности нормативная дефиниция подлинности от-

существует. Мы не найдем общепризнанного определения ни в юридических, ни в криминалистических энциклопедиях. При этом предлагаемые частные определения вызывают некоторое недоумение. Например, понятие «подлинный документ» выводится через понятие «аутентичный документ», а разъяснение понятия «аутентичность», предложенное в этом же издании, – подлинность, соответствие подлинному, первоисточнику – приводит к искаженному восприятию определяемого понятия⁶⁰. Из требований, предъявляемых к создаваемому электронному образу документа, невозможно однозначно понять что относится к реквизитам документа, а что – к «аутентичным признакам подлинности», так как после двоеточия через запятую перечисляются графическая подпись лица, печать и угловой штамп бланка (при наличии)⁶¹. В одном из национальных стандартов его разработчики предложили специальный термин «подлинник документа», закрепив за ним статус первого или единственного экземпляра документа⁶². Наверное, в развитие этой идеи в некоторых учебниках по гражданскому процессуальному праву подлинник рассматривают как первый или единичный экземпляр официального документа, одновременно поясняя, что термин «подлинный документ» относится к неофициальным документам⁶³. В другом нормативном источнике при определении документа по характеру использования записано, что оригинал документа предназначен для изготовления подлинника (для бумажного документа) или утверждения в качестве подлинника (для электронного документа), а при определении термина «подлинник бумажного документа» подтверждают предложенное назначение

оригинала, разрешая его использование в качестве подлинника⁶⁴.

В теории права и практике правоприменения о подлинности, как правило, говорят только в сочетании с другими понятиями, такими как документ и его содержание, доказательство, товар и место его происхождения, денежные знаки и ценные бумаги, воля и волеизъявление, различные виды данных. Подлинность того или иного материального источника или объекта предполагается (презюмируется), когда говорят о подделке, подлоге, фальсификации как наказуемых деяниях, или когда факт их установления влияет на принимаемые решения и связан с изменением определенных правоотношений.

Однако даже в тех случаях, когда формулированию понятия уделяется достаточно много внимания, ясности это не добавляет. В частности, так обстоит дело с определением «подлинный документ». Существующие определения в качестве критериев подлинности выделяют одно из двух:

1) либо содержание документа должно соответствовать действительности и подтверждать достоверность его происхождения (к этой группе относятся определение, закрепленное в одном из национальных стандартов Российской Федерации⁶⁵, а также определения, предложенные Р.С. Белкиным⁶⁶, Л.В. Тихомировой и М.Ю. Тихомировым⁶⁷);

2) либо документ должен быть подписан лицом, которое его составило либо приняло на себя обязательство, собственноручно (для документов на бумажном носителе)⁶⁸, или с помощью квалифицированной электронно-цифровой подписи (для документов, сформированных в электронном виде)⁶⁹.

⁶⁰ Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия. 5-е изд., доп. и перераб. / Под ред. М.Ю. Тихомирова. М.: Изд. Тихомирова М.Ю., 2006. С. 62, 644.

⁶¹ См. п. 2.2.1 Порядка подачи в арбитражные суды Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа (утв. приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28 декабря 2016 г. № 252).

⁶² ГОСТ Р 7.0.8-2013. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения // СПС КонсультантПлюс.

⁶³ См., например: Гражданский процесс: Учеб. 5-е изд., перераб. и доп. / Под ред. М.К. Треушникова. М.: Статут, 2014 // СПС КонсультантПлюс.

⁶⁴ ГОСТ 2.102-2013. Межгосударственный стандарт. Единая система конструкторской документации. Виды и комплектность конструкторских документов // СПС КонсультантПлюс

⁶⁵ ГОСТ Р 7.0.8-2013.

⁶⁶ Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. 2-е изд. доп. М.: Мегатрон XXI, 2000. С. 61.

⁶⁷ Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия. С. 644.

⁶⁸ См., например: Постановление Пленума ВС РФ № 33, Пленума ВАС РФ № 14 от 04.12.2000 г. «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с обращением векселей» // СПС КонсультантПлюс; ГОСТ 2.102-2013.

⁶⁹ См., например: ГОСТ 2.102-2013; Лисицкая О.С. Подлинный платежный документ. URL: <https://proinfosoft.ru/consultation/podlinnyiy-platezhnyiy-dokument> (дата обращения 02.07.2017); Смолина О.С. Письменные доказательства производного характера в арбитражном процессе // СПС КонсультантПлюс.

Отдельно используемое понятие «подлинник документа», под которым понимается первый (первоначальный) или единственный (неповторимый) экземпляр документа⁷⁰, позволяет, например, дать «смешанное» определение понятию «подлинный документ» и определить его как первый экземпляр документа, подписанный лицом, выдавшим этот документ⁷¹. А подлинник документа переопределить как документ, оформленный подлинными установленными подписями и выполненный на любом материале, позволяющем многократное воспроизведение с него копий⁷².

При конструировании отдельных процессуальных норм, регламентирующих порядок оценки представляемых документов, также используется различная терминология. Например, законодатель предписывает суду не признавать доказанными обстоятельства (факты), подтверждаемые только не тождественными между собой копиями документа, если суду не передан:

- *оригинал документа...* и невозможно установить *подлинное* содержание оригинала документа (п. 7 ст. 67 ГПК РФ);
- *оригинал документа...* и невозможно установить *подлинное* содержание первоисточника (п. 6 ст. 71 АПК РФ);
- *подлинник документа...* и невозможно установить содержание *подлинника документа* (п. 7 ст. 84 КАС РФ).

При оценке представленной копии документа суд обязан выяснить, не произошло ли изменение содержания копии документа по сравнению в одном случае с его *подлинником* (п. 6 ст. 84 КАС РФ), в другом – с его *оригиналом* (п. 6 ст. 67 ГПК РФ). Если копии документов представлены в электронном виде, суд может потребовать представления подлинников (пп. 1.1 КАС РФ) или оригиналов (ч. 2 п. 3 ст. 75 АПК РФ).

Таким образом, понятия «подлинник», «подлинный», «оригинал», «первоисточник» применяются в различных комбинациях при описании одних и тех же ситуаций. И если авторы ГПК РФ в качестве основного исполь-

зуют понятие «оригинал», то авторы КАС РФ – только понятие «подлинник». Авторы АПК РФ используют весь обозначенный синонимический ряд, не разделяя понятия «подлинник документа» и «подлинный документ». Причем, исходя из контекста правовых норм, все перечисленные понятия используются как тождественные, что не может не сказаться на неоднозначном восприятии соответствующих правовых норм. Тем более что из конструкции этих норм невозможно понять, что законодатель считает подлинным документом. Конечно, можно предположить, основываясь на положениях нескольких правовых норм из АПК РФ (ст. ст. 71, 75), ГПК РФ (ст. 67) и КАС РФ (ст. 75), что в понятие «подлинный документ» заложен императив о том, что документ должен соответствовать требованиям, установленным для данного вида документов, а именно: исходить от органа, уполномоченного их представлять, быть подписанным лицом, имеющим право скреплять документ подписью, содержать все другие неотъемлемые реквизиты, а содержащиеся в нем сведения должны соответствовать действительности и быть признанными достоверными. Но это только наше предположение, которое не со всей очевидностью вытекает из положений вышеперечисленных правовых норм.

Проблема подлинности доказательств сводится к закреплению статуса письменных доказательств, перечень которых может быть обозначен одним родовым понятием – «документы». С определением подлинного письменного доказательства дело обстоит несколько проще, по крайней мере в теории. «Прежние представления о том, что подлинными доказательствами являются доказательства, исследованные судом, а доказательства, полученные на досудебном производстве, это еще не доказательства»⁷³ заменены достаточно категоричным утверждением: подлинными доказательствами следует считать оригиналы⁷⁴ или более лаконичным: *оригинал договора – подлинное доказательство*⁷⁵.

⁷⁰ См., например: учебники по гражданскому процессуальному праву; ГОСТ Р 7.0.8-2013; Белкин Р.С. К вопросу об установлении подложности фiktивных документов: статья. М., 1950. С. 61–71 // Белкин Р.С. Избранные труды. М.: Норма, 2008. С. 18; Стародубцев С.В. Об основаниях классификации и видах юридических документов // СПС КонсультантПлюс.

⁷¹ Гурвич М.А. Судебные доказательства // Советский гражданский процесс: Учеб. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. М.А. Гурвича. М.: Высшая школа, 1975. С. 130.

⁷² ГОСТ 2.102-2013.

⁷³ См.: Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: НОРМА, 2009 // СПС КонсультантПлюс.

⁷⁴ См.: Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. М.А. Витута. М.: Юрайт, 2014 // СПС КонсультантПлюс.

⁷⁵ См.: Справочник по доказыванию в гражданском судопроизводстве. 5-е изд., доп. и перераб. / Под ред. И.В. Решетниковой. М.: Норма, Инфра-М, 2011 // СПС КонсультантПлюс.

В сфере материально-правового регулирования, в основном, используются понятия, противоположные подлинности: подлог (ст. ст. 185.2, 193.1, 292 УК РФ), подложный (ст. ст. 193 УК РФ, ст. ст. 81 и 397 ТК РФ, ст. 56 ТК ТС, ст. 116 СК РФ), подделка (ст. ст. 326 и 327 УК РФ), фиктивный (ст. ст. 322.2 и 322.3 УК РФ), фальсификация (ст. ст. 142, 142.1, 170.1, 172.1, 185.5, 238.1, 303 УК РФ). И для отдельных понятий даны вполне конкретные определения, которые закреплены в тексте соответствующей статьи либо в виде примечания (например, к ст. 322.3 УК РФ «Фиктивная постановка на учет иностранных граждан...»), либо в виде описательной (например, отдельные составы УК РФ по фальсификации), либо в виде бланкетной диспозиции, предполагающей использование для установления признаков деяния положения нормативных актов других отраслей права (например, «подделка денежных знаков или ценных бумаг»⁷⁶, «фиктивная регистрация граждан РФ по месту пребывания»⁷⁷). Данные определения позволяют более глубоко постичь смысл и назначение понятия «подлинный» и его разграничение с синонимами.

Для многих понятий вообще отсутствуют соответствующие определения. Например, нет определения понятия «подлинное место происхождения товара» (п. 3 ст. 1519 ГК РФ). Некоторым объяснением этому может служить смешанный характер права. Но

это же обстоятельство позволит нам, в качестве эксперимента, сконструировать это определение. Воспользуемся практикой Верховного Суда РФ, который использовал свое право толкователя закона и сформулировал отсутствующее понятие «одноквартирный жилой дом», связав «системными путями» положения 292 статьи ГК РФ и 16 статьи ЖК РФ⁷⁸.

Так, по смыслу ст. 1516 ГК РФ под местом происхождения товара следует понимать страну, городское или сельское поселение, местность или другой географический объект. В соответствии со ст. 58 ТК ТС страной происхождения товара признается страна, в которой товары были полностью произведены или подвергнуты достаточной обработке (переработке) в соответствии с критериями, установленными таможенным законодательством таможенного союза. Рассматривая указанные положения в их системной взаимосвязи, подлинное место происхождения товара можно определить как территорию, в границах которой товар производится полностью или подвергается достаточной обработке (переработке) в соответствии с критериями, установленными действующим на данной территории законодательством.

Завершая этот обзор, со всей определенностью можно утверждать, что проблема подлинности требует внимательного и вдумчивого отношения, что она еще не нашла своего окончательного разрешения, что понятие подлинности еще не приобрело в праве статуса не только категории, но и термина.

⁷⁶ Письмо Банка России от 15.02.2007 г. № 29-5-1-8/778 «О применении Указания Банка России № 1778-У» // СПС КонсультантПлюс.

⁷⁷ Закон РФ от 25.06.1993 г. № 5242-1 (ред. от 31.12.2014) «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

⁷⁸ См.: Определение Верховного Суда РФ от 07.09.2010 г. № 86-В10-4 // СПС КонсультантПлюс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уфимцева Н.В. Ассоциативный словарь как модель языковой картины мира // Вестник ИрГТУ. 2014. № 9 (92). С. 340–347.
2. Пешехонова Т.Н. Репрезентация языковых и лингвистических знаний в структуре ассоциативно-вербальной сети: дис. ... канд. филолог. наук. М., 2008. 265 с.
3. Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 1999. 180 с.
4. Душкина Н.О. Вновь о ценности подлинности в архитектурном наследии // Архитектура, Строительство, Дизайн. 2009. № 3 (56). С. 14–17.

REFERENCES

1. Ufimtseva N.V. Associative dictionary as a model of linguistic picture of the world. *Bulletin of Irkutsk State Technical University*. 2014. No 9 (92). P. 340–347. (In Russ.).
2. Peshekhonova T.N. *Representation of language and linguistic knowledge in structure of associative and verbal network*. Candidate thesis (philol.). Moscow, 2008. 265 p. (In Russ.).
3. Karaulov Yu.N. *Active grammar and associative and verbal network*. Moscow: Vinogradov Institute of Russian language of Russian Academy of Science, 1999. 180 p. (In Russ.).
4. Dushkina N.O. Again about authenticity value in architectural heritage. *Architecture, Construction, Design*. 2009. No 3 (56). P. 14–17. (In Russ.).

5. Йокилето Ю. Общие рамки концепции подлинности // Материальная база сферы культуры: опыт решения управленческих, научных и технических проблем. Понятие подлинности в современной теории и практике реставрации: науч.-инф. сб. М., 1996. Вып. 3. С. 26–46.
6. Абдуллин А.Р. Виды и сущность онтологического мышления: дис. ... докт. филос. наук. Уфа, 2002. 311 с.
7. Корякина А.П. Проблема подлинности в контексте философии постмодернизма: виртуализация бытия: дис. ... канд. философ. наук. Киров, 2014. 215 с.
8. Кириллов Г.М. Подлинность бытия человека в контексте социальной реальности: дис. ... канд. филос. наук. Пенза, 2006. 157 с.
9. Адорно Т.-Л.В. Жаргон подлинности. О немецкой идеологии. М.: Канон+, 2011. 191 с.
10. Гредновская Е.В., Пеннер Р.В. Проблема подлинности существования человека в дискурсах экзистенциализма и постмодернизма // Вестник Южно-Урал. гос. ун-та. Сер.: Социал.-гум. науки. 2015. Т. 15. № 3. С. 56–60.
11. Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М.: Интрада, 1998. 255 с.
12. Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000. 511 с.
13. Субири Х. Чувствующий интеллект. В 3-х частях. Часть II: Интеллект и логос. М.: Ин-т философ., теолог. и истор. св. Фомы, 2008. 336 с.
14. Пастушкова О.В. Проблема подлинности через призму философской онтологии // Вестник Воронеж. гос. тех. ун-та. 2013. Т. 9. № 2. С. 161–164.
15. Дериси О.Н. Человеческая подлинность // Это человек: Антология. М.: Высш. шк., 1995. С. 156–159.
16. Зинченко И.С. Проблема подлинности творческой деятельности в современной культуре // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 4 (30). Ч. II. С. 78–84.
17. Франкл В. Человек в поисках смысла: сб. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
18. Дорцен Э. ван. Вызов подлинности по Хайдеггеру // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. 2006. № 8. С. 20–30.
19. Кундера М. Неспешность. Подлинность: Романы. СПб.: Азбука-классика, 2003. 288 с.
20. Сент-Экзюпери А. де. Цитадель. М.: АСТ, 2007. 446 с.
21. Бах Р. Чайка по имени Джонатан Ливингстон. Иллюзии. Единственная: сб. Подольск: С. Е. Т., 1993. 174 с.
5. Jokilehto J. General framework of the concept of authenticity. In: *Material resources of the sphere of culture: experience of the solution of administrative, scientific and technical problems. "Concept of authenticity of the modern theory and practice of restoration": scientific and information collection.* Moscow, 1996. Issue 3. P. 26–46. (In Russ.).
6. Abdullin A.R. *Types and entity of ontological thinking.* Doctoral thesis (philosophy). Ufa, 2002. 311 p. (In Russ.).
7. Koryakina A.P. *Authenticity problem in the context of postmodernism philosophy: life virtualization.* Candidate thesis (philosophy). Kirov, 2014. 215 p. (In Russ.).
8. Kirillov G.M. *Authenticity of life of the person in the context of social reality.* Candidate thesis (philosophy). Penza, 2006. 157 p. (In Russ.).
9. Adorno T.-L.V. *Authenticity slang. About the German ideology.* Moscow: Kanon+, 2011. 191 p. (In Russ.).
10. Grednovskaya E.V., Penner R.V. The problem of authenticity of existence in the discourses of existentialism and postmodernism. *Bulletin of the South Ural State University. Series "Social Sciences and the Humanities".* 2015. Vol. 15. No 3. P. 56–60. (In Russ.).
11. Il'in I.P. *Postmodernism from sources until the end of century: evolution of the scientific myth.* Moscow: Intrada, 1998. 255 p. (In Russ.).
12. Derrida J. *De la grammatologie.* Moscow: Ad Marginem, 2000. 511 p. (In Russ.).
13. Zubiri X. *Inteligencia Sentiente (Inteligencia Sentiente: Inteligencia y Realidad, Inteligencia y Logos, Inteligencia y Razdn).* Moscow: Saint Foma Institute of philosophy, theology and history, 2008. 336 p. (In Russ.).
14. Pastushkova O.V. Problem of authenticity (ontological aspect). *Bulletin of the Voronezh state technical university = Vestnik Voronezh. gos. tekhn. un-ta.* 2013. Vol. 9. No 2. P. 161–164. (In Russ.).
15. Derisi O.N. The human authenticity. In: *This is the person: Anthology.* Moscow: Higher school, 1995. P. 156–159. (In Russ.).
16. Zinchenko I.S. Creative activity authenticity problem in modern culture. *Historical, philosophical, political and jurisprudence, cultural science and art criticism. Questions of the theory and practice.* 2013. No 4 (30). Part 2. P. 78–84. (In Russ.).
17. Frankl V.E. *Man's Search for Meaning.* Moscow: Progress, 1990. 368 p. (In Russ.).
18. Dortsen E. van. An authenticity call according to Heidegger. *Existential tradition: philosophy, psychology, psychotherapy = Ekzistentsial'naya traditsiya: filosofiya, psikhologiya, psikhoterapiya.* 2006. No 8. P. 20–30. (In Russ.).
19. Kundera M. *Not haste. Authenticity: Novels.* St. Petersburg, 2003. 288 p. (In Russ.).
20. Saint-Exupéry A. de. *Citadell.* Moscow: AST, 2007. 446 p. (In Russ.).
21. Bach R.D. *Jonathan Livingston Seagull. Illusions: The Adventures of a Reluctant Messiah. One.* Podol'sk: P. E. T., 1993. 174 p. (In Russ.).

22. Сидорова С.Н. Философия и поэзия в поисках утраченной подлинности // Философия и общество. 2010. № 4 (60). С. 68–75.
23. Проблема демаркации науки и теологии: современный взгляд: сб. М.: Ифран, 2008. 279 с.
24. Хазиев В.С. Трактаты истины в рафидитизме, мутазилизме, исмаилизме, ишракизме и суфизме // Вестник КазНУ. Сер. Религиоведения. 2015. Т. 2. № 2. С. 92–103.
25. Коначева С.А. Наука о бытии и наука о вере: проблема соотношения философии и теологии в религиозной мысли XX века // Проблема демаркации науки и теологии: современный взгляд. М.: Ифран, 2008. С. 102–125.
26. Whitaker W. A disputation on Holy Scripture: against the Papists, especially Bellarmine and Stapleton / Transl. and ed. by W. Fitzgerald. Cambridge: University Press, 1849. 718 p.
27. Нарский документ о подлинности // Материальная база сферы культуры: опыт решения управленческих, научных и технических проблем. Понятие подлинности в современной теории и практике реставрации: науч.-инф. сб. М., 1996. Вып. 3. С. 9–14.
28. Душкина Н. Предисловие // Материальная база сферы культуры: опыт решения управленческих, научных и технических проблем. Понятие подлинности в современной теории и практике реставрации: науч.-инф. сб. М., 1996. Вып. 3. С. 3–8.
29. Бобров Ю.Г. Теория реставрации памятников искусства: закономерности и противоречия. М.: Эдсмит, 2004. 344 с.
30. Дрост Б. фон, Бертильсон У. Подлинность и всемирное наследие // Материальная база сферы культуры: опыт решения управленческих, научных и технических проблем. Понятие подлинности в современной теории и практике реставрации: науч.-инф. сб. М., 1996. Вып. 3. С. 14–26.
31. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: Избранные эссе. М.: Медиум, 1996. 240 с.
32. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959. 655 с.
33. Рейсер С.А. Основы текстологии: Учеб. пособ. 2-е изд. Л.: Просвещение, 1978. 176 с.
34. Родионова Е.С. Лингвистические методы атрибуции и датировки литературных произведений: к проблеме «Корнель – Мольер»: дис. ... канд. филолог. наук. СПб., 2008. 190 с.
35. Берков П. Об установлении авторства анонимных и псевдонимных произведений XVIII века // Русская литература. 1958. № 2. С. 180–189.
36. Лифиц И.М. Конкурентоспособность товаров и услуг: Учеб. пособ. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высшее образование; Юрайт, 2009. 460 с.
22. Sidorova S.N. Philosophy and poetry in search of the lost authenticity. *Philosophy and society*. 2010. No 4 (60). P. 68–75. (In Russ.).
23. *Problem of demarcation of science and theology: modern view*. Moscow: Ifran, 2008. 279 p. (In Russ.).
24. Khaziev V.S. Interpretation of truth in rafiditizme, mutazilizme, Ismaili Ishrakism and Sufism. *Kaznu bulletin religious studies series*. 2015. Vol. 2. No 2. P. 92–103. (In Russ.).
25. Konacheva S.A. The science of being and the science of faith: the problem of relationship between philosophy and theology in religious thought of XX centuries. In: *The Problem of Demarcation between Science and Theology: a Modern View*. Moscow: Ifran, 2008. P. 102–125.
26. Whitaker W. *A disputation on Holy Scripture: against the Papists, especially Bellarmine and Stapleton*. Transl. and ed. by W. Fitzgerald. Cambridge: University Press, 1849. 718 p.
27. Nara Document on Authenticity. In: *Material resources of the sphere of culture: experience of the solution of administrative, scientific and technical problems. "Concept of authenticity of the modern theory and practice of restoration": scientific and information collection*. Moscow, 1996. Issue 3. P. 9–14. (In Russ.).
28. Dushkina N. Foreword. In: *Material resources of the sphere of culture: experience of the solution of administrative, scientific and technical problems. "Concept of authenticity of the modern theory and practice of restoration": scientific and information collection*. Moscow, 1996. Issue 3. P. 3–8. (In Russ.).
29. Bobrov Yu.G. *Theory of restoration of monuments of art: regularities and contradictions*. Moscow: Edsmit, 2004. 344 p. (In Russ.).
30. Droste B von, Bertilsson U. Authenticity and world heritage. In: *Material resources of the sphere of culture: experience of the solution of administrative, scientific and technical problems. "Concept of authenticity of the modern theory and practice of restoration": scientific and information collection*. Moscow, 1996. Issue 3. P. 14–26. (In Russ.).
31. Benjamin W. *The Work of Art in the Age of Mechanical Reproduction*. Moscow: Medium, 1996. 240 p. (In Russ.).
32. Vinogradov V.V. *About fiction language*. Moscow: Goslitizdat, 1959. 655 p. (In Russ.).
33. Reiser S.A. *Fundamentals of textual criticism*. 2nd edition. Leningrad: Prosveshchenie, 1978. 176 p. (In Russ.).
34. Rodionova E.S. *Linguistic methods of attribution and dating of literary works: to a problem of «Kornel' – Mol'er»*. Candidate thesis (philology). St. Petersburg, 2008. 190 p. (In Russ.).
35. Berkov P. About establishment of authorship anonymous and pseudonym works of 18th century. *Russian literature = Russkaya literatura*. 1958. No 2. P. 180–189. (In Russ.).
36. Lifits I.M. *Competitiveness of goods and services*. Moscow: Higher education; Yurait, 2009. 460 p. (In Russ.).

37. Бобожонова Г.А. Колориметрический метод идентификации подлинности и контроля качества напитков: автореф. дис. ... канд. тех. наук. М., 2014. 23 с.
38. Вилкова С.А. Методология товароведных экспертиз (на примере парфюмерно-косметических и бытовых гигиенических товаров): дис. ... докт. тех. наук. М., 2004. 370 с.
39. Григор'ян А.К. Разработка и исследование метода преобразования видеоданных для определения их подлинности и подтверждения целостности: автореф. дис. ... канд. тех. наук. СПб., 2012. 16 с.
40. Шарипов Р.Р. Экспертиза подлинности документов на основе компьютерных методов обработки информации: автореф. дис. ... канд. тех. наук. Волгоград, 2011. 23 с.
37. Bobozhonova G.A. *Colorimetric method of identification of authenticity and quality control of drinks*. Abstract of candidate thesis (technical). Moscow, 2014. (In Russ.).
38. Vilkova S.A. *Methodology of commodity examinations (on the example of perfumery and cosmetic and household hygienic goods)*. Doctoral thesis (technical). Moscow, 2004. 370 p. (In Russ.).
39. Grigor'yan A.K. *Development and research of a method of transformation of video data for determination of their authenticity and confirmation of integrity*. Abstract of candidate thesis (technical). St. Petersburg, 2012. 16 p. (In Russ.).
40. Sharipov R.R. *Examination of authenticity of documents on the basis of computer methods of information processing*. Abstract of candidate thesis (technical). Volgograd, 2011. 23 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Крестовников Олег Анатольевич – к. ю. н., заведующий отделом организационно-правового и информационного обеспечения производства экспертиз ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России; e-mail: o.krestovnikov@sudexpert.ru.

ABOUT THE AUTHOR

Krestovnikov Oleg Anatol'evich – Candidate of Law, Head of the Department of Legal and Information Support of Forensic Operations, RFCFS of the Ministry of Justice of the Russian Federation; e-mail: o.krestovnikov@sudexpert.ru.

Обеспечение достоверности выводов в заключении эксперта при производстве судебной строительно-технической экспертизы

А.Ю. Бутырин^{1,2}, З.В. Трифонова^{1,3}

¹ Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, Москва 109028, Российская Федерация

² ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет», Москва 129337, Российская Федерация

³ ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», Москва 117198, Российская Федерация

Аннотация. Одним из распространенных процессуальных действий в современном судопроизводстве является назначение и производство экспертизы, а также оценка заключения эксперта органом (лицом), назначившим экспертизу. В статье рассмотрен ряд проблем, возникающих при оценке заключения эксперта, в котором отражаются ход и результаты судебной строительно-технической экспертизы. Наиболее сложным и противоречивым критерием оценки заключения является достоверность. Учитывая, с одной стороны, постоянно растущую потребность судопроизводства в строительно-технических исследованиях, а с другой – недостаточную проработанность этого критерия для данного рода экспертизы, авторы тщательно изучили и представили свою интерпретацию понятия «достоверность» применительно к оценке заключения судебного эксперта-строителя.

Ключевые слова: *судебная строительно-техническая экспертиза, достоверность, оценка заключения эксперта*

Для цитирования: Бутырин А.Ю., Трифонова З.В. Обеспечение достоверности выводов в заключении эксперта при производстве судебной строительно-технической экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Том 12. № 3. С. 78–84.

Ensuring the Reliability of Conclusions in the Expert's Statement in the Course of a Forensic Construction Investigation

Andrei Yu. Butyrin^{1,2}, Zlata V. Trifonova^{1,3}

¹ The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow 109028, Russian Federation

² National Research Moscow State University of Civil Engineering, Moscow 129337, Russian Federation

³ The Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow 117198, Russian Federation

Abstract. The appointment and production of forensic investigation is one of the most common procedural actions in modern legal proceedings, along with the evaluation of the expert witness statement by the body (person) that ordered the examination. The article deals with a number of problems associated with evaluating of the expert witness statement reflecting the progress and results of a forensic construction investigation. Reliability is the most complex and contradictory criterion in the evaluation of expert testimony. Taking into account the courts' constantly growing need for construction forensics expert services, on the one hand, and insufficient elaboration of this assessment criterion for this kind of expert evidence, on the other hand, the authors explore the subject in depth and present their interpretation of the notion of «reliability», as applied to the evaluation of construction forensics expert statements.

Keywords: *forensic construction investigation, reliability, evaluation of the expert witness statement*

For citation: Butyrin A.Yu., Trifonova Z.V. Ensuring the Reliability of Conclusions in the Expert's Statement in the Course of a Forensic Construction Investigation. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2017. Vol. 12. No 3. P. 78–84.

В последние годы достаточно часто предметом дискуссий в экспертном сообществе становится достоверность результатов экспертных исследований, а также неоднозначное толкование и в ряде случаев неверная оценка заключения судебного эксперта лицом (органом), назначившим экспертизу. Необходимо отметить, что проблема достоверности на всех этапах развития судебной экспертизы была актуальной как для ее теории, так и для практики, поскольку понятие «достоверность», на наш взгляд, не имеет на сегодняшний день законченной научной проработанности и ясности, а его толкование в законодательстве о судебной экспертизе отсутствует, что обуславливает целесообразность дальнейшего осмысления этого вопроса.

В процессе производства судебной строительно-технической экспертизы (впрочем, как и при производстве судебной экспертизы иного рода или вида) ключевое место занимает подготовка заключения эксперта. Заключение судебного эксперта является доказательством по делу, и его содержание и форма регламентируются процессуальным законодательством РФ (ст. 86 ГПК РФ¹, ст. 86 АПК РФ², ст. 204 УПК РФ³, ст. 26.4 КоАП РФ⁴, ст. 82 КАС РФ⁵), а также ст. 25 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 73).

При рассмотрении вопросов, связанных с возможностью использования заключения эксперта как инструмента установления истинных обстоятельств дела, лицо (орган), назначивший экспертизу, должен изучить, проанализировать его и оценить по ряду критериев.

В период становления и развития теории судебной экспертизы опубликовано значительное количество работ, посвященных

деятельности органов (лиц), назначивших экспертизу, связанной с оценкой заключения эксперта (см., например, [1–7] и др.). Один из современных авторов, М.В. Жижина, определяет такую деятельность как процесс исследования и проверки сведений о фактах, рассматриваемых законодателем в качестве потенциальных доказательств (имеются в виду процессуальные формы этих сведений), заканчивающийся установлением наличия или отсутствия у них свойств доказательств [8, с. 114].

Заключение эксперта оценивается в комплексе с его показаниями, протоколами допросов, другими доказательствами по делу; оно не имеет заранее установленной силы и подлежит свободной оценке лицом либо органом, назначившим экспертизу, согласно их внутреннему убеждению. В соответствии с российским законодательством о судебной экспертизе (ст. 67 ГПК РФ, ст. 88 УПК РФ, ст. 71 АПК РФ, ст. 26.11 КоАП РФ, ст. 84 КАС РФ, ст. 8 ФЗ № 73) к критериям такой оценки, во многом предопределяющим достоверность заключения эксперта, относятся следующие.

1. *Допустимость*. Оценивается путем определения соответствия источника фактических данных и порядка их получения требованиям закона. Если те или иные сведения получены из ненадлежащего источника, то они не могут быть положены в основу решения по делу. При разрешении дела доказательства, не обладающие свойством допустимости, не могут приниматься во внимание. Применительно к судебной строительно-технической экспертизе это могут быть документы, полученные экспертом непосредственно от истца или ответчика по гражданским делам, рассматриваемым как в судах общей юрисдикции, так и в арбитражных судах, где значительные объемы технической документации в нарушение закона по неправомерному распоряжению судей доставляются в экспертные учреждения участниками споров, рассматриваемых в судебном порядке.

2. *Относимость*. Может быть определена как способность установить какие-либо обстоятельства, имеющие значение для дела. Заключение эксперта относимо, если с его помощью устанавливаются или опровергаются факты, входящие в предмет доказывания по делу или имеющие значение для проверки иных доказательств по делу (по такому критерию оцениваются прежде всего ответы на вопросы, исследование по

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // «Российская газета» от 20.11.2002.

² Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // «Российская газета» от 27.07.2002.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // «Российская газета» от 24.12.2001.

⁴ Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // «Российская газета» от 10.01.2002.

⁵ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08 марта 2015 г. № 21-ФЗ // «Российская газета» от 11.03.2015.

которым судебный эксперт провел по собственной инициативе).

3. **Объективность.** Заключается в беспристрастности, непредвзятости и независимости при проведении исследования и предполагает, что сведущее лицо должно учитывать все факторы, имеющие значение при производстве экспертизы, а также использовать рекомендованные современной наукой и экспертной практикой методики. При исследовании и оценке материалов, представленных на экспертизу, подготовке и формулировании выводов эксперт должен исключить недобросовестность, предвзятость, тенденциозность. Объективность предполагает, что сделанные выводы будут отражать обстоятельства дела в соответствии с тем, как это имело место быть в действительности.

4. **Полнота.** Заключается в анализе всех качеств и свойств объектов, представленных на экспертизу, осуществляемом глубоко и всесторонне. Полнота предполагает исследование такой совокупности свойств представленных объектов, которая позволяет не только объективно ответить на поставленные вопросы, но и, возможно, сделать более глубокие выводы и выяснить обстоятельства, имеющие значение для дела, но по поводу которых эксперту не были поставлены вопросы. Применительно к судебной строительно-технической экспертизе – это прежде всего детальное изучение всех технико-экономических характеристик строительных объектов, имеющих отношение к предмету экспертизы.

5. **Всесторонность.** Предполагает выяснение значимых для разрешения дела конкретных вопросов, поставленных перед экспертом на основе как «кабинетного»⁶ исследования документальных материалов дела, представленных на экспертизу, так и натурных исследований строительных объектов и земельных участков, функционально связанных с ними, по месту их расположения. Всесторонность означает исследование всех важнейших свойств, качеств и признаков объектов экспертизы, их связей, отношений и зависимостей.

6. **Обоснованность.** Под обоснованностью понимается не только перечисление выводов, которые сформулировал эксперт, исходя из проведенного им исследова-

ния, но также и объяснение этих выводов, представление их объективного начала и научной состоятельности. В своей работе А.А. Эйсман выделяет критерий обоснованности и трактует его как соответствие вывода о факте самому факту [7, с. 142].

7. **Проверяемость.** Заключается в возможности исследования полученных результатов путем сопоставления их с эмпирическими данными. Я.М. Яковлев выделял такую особенность достоверного знания, как возможность проверки правильности полученных объективных данных [9, с. 17]. Для судебной строительно-технической экспертизы, основанной во многом на сложных, многоаспектных и, соответственно, труднопроверяемых расчетах, этот критерий имеет особое значение.

Существенное значение в судебно-экспертной практике имеют также критерии, которые не перечислены выше, но при этом являются весьма значимыми для оценки заключения эксперта: мотивированность, информативность, логическая связанность отдельных смысловых фрагментов материала, доступность изложения текста заключения для понимания неспециалистом, доказательственная значимость заключения в целом и т. д.

Вышеизложенное подводит нас к проблеме оценки заключения судебного эксперта-строителя по такому основополагающему критерию, как достоверность. Достоверность (прежде всего – правильность по существу) и полнота⁷ заключения во много определяются профессионализмом эксперта, четким пониманием им целей исследования, содержания поставленных вопросов, знанием предмета экспертизы. Оценка достоверности доказательств состоит в определении соответствия их содержания действительности. Она является решающим звеном всей оценки и представляет нередко наибольшую трудность из-за противоречивости доказательств, оспариваемых сторонами, изменения их содержания в процессе судопроизводства по конкретному делу, а также отсутствия единства в толковании сути этого понятия.

А.А. Эйсман полагал, что достоверным можно назвать обоснованное, доказанное знание, истинность которого не вызывает сомнений [10, с. 117]. По В.Д. Арсеньеву,

⁶ «Кабинетные исследования» здесь – исследования, проводимые экспертом (экспертами) в помещениях судебно-экспертного учреждения (организации).

⁷ Заключение будет считаться полным, если даны ответы на все поставленные перед экспертом вопросы.

«достоверным является знание, истинность которого подтверждена определенными данными» [11, с. 18].

А.А. Эйсман во многом связывал понятия «достоверность» и «истинность» и считал, что различие между ними состоит, по сути, в том, что «истинность характеризует отношение мысли к предмету, тогда как достоверность – отношение мысли к предмету и, кроме того, отношение между сообщением и самой мыслью» [10, с. 144].

А.Ф. Черданцев в работе «Логико-языковые феномены в юриспруденции» высказывает следующую мысль. «Достоверность есть лишь один из способов существования истинности наряду с возможностью, вероятностью, необходимостью. Достоверность – это истина «для нас». Она вместе с понятием аксиоматичности выражает наивысшую степень уверенности в истинности, степень восприятия истины общественным субъектом. Факт, как достоверное знание, является судебным доказательством. Последнее согласно закону должно обладать достоверностью» [12, с. 182].

Понятие «достоверность» может трактоваться в двух аспектах: процессуальном и содержательном. Процессуальный аспект предполагает проверку соблюдения всех требований процессуального порядка назначения и производства судебной экспертизы.

Доказательства, которые были получены с нарушением требований процессуального закона, являются недопустимыми, то есть они не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу приговора (иного решения), а также использоваться для доказывания обстоятельств по делу (согласно ч. 1 ст. 75, ч. 5 ст. 235 УПК РФ, ч. 2 ст. 55 ГПК РФ, ч. 3 ст. 64 АПК РФ, ч. 3 ст. 26.2 КоАП РФ, ст. 61 КАС РФ).

Рассматривая специфику уголовного процесса, следует выделить тот факт, что признать доказательство недопустимым вправе следователь, орган дознания по ходатайству подозреваемого, обвиняемого или по собственной инициативе (ч. 3 ст. 88 УПК РФ). В гражданском и арбитражном процессах оценка доказательств прерогатива суда (ст. 67 ГПК, ст. 71 АПК РФ). В административном судопроизводстве доказательства оценивают суд, члены коллегияльного органа или должностные лица, осуществляющие производство по делу об административном правонарушении (ст. 26.11 КоАП РФ).

Содержательный аспект оценки достоверности заключения эксперта включает в себя целый ряд основных моментов:

- определение правильности понимания судебным экспертом поставленных перед ним вопросов;
- проверку доброкачественности и достаточности объектов (материалов дела) для проведения исследования и дачи экспертом заключения;
- изучение методического аппарата судебного эксперта, использованных им методов и методик, которые должны обеспечивать объективность, всесторонность исследования, логическую последовательность, конкретность заключения, мотивированность, аргументированность, определенность, полноту и однозначность выводов эксперта, их соответствие результатам проведенных исследований и другим установленным по делу фактам [13, с. 397].

Рассматривая достоверность результатов проведения строительно-технических исследований, можно говорить о том, что она базируется преимущественно на положениях нормативно-технической документации, регламентирующей сферу строительства. Доброкачественность этих источников и точность исходных данных, на которые опирается лицо, обладающее специальными знаниями в области строительства, определяют достоверность заключения. Точность исследования, отраженного в заключении эксперта, обуславливается соответствием выводов судебного эксперта-строителя объективной действительности. Подлинность исходных материалов является одним из условий обеспечения достоверности заключения эксперта. Исходные данные – это такие сведения, которые эксперт получает от следователя или суда в качестве готовых посылок для исследования, на основе результатов которого формируются выводы. Если данные не соответствуют действительности, то и заключение эксперта будет недостоверным, даже если при исследовании не будет допущено никаких ошибок (см., например, [14]).

При быстром росте науки и научных достижений возможности судебной строительно-технической экспертизы постоянно расширяются, а используемые подходы, методы и методики усложняются. Поэтому, чтобы удостовериться в точности фактов, сообщаемых судебным экспертом-строителем в заключении, достоверность которого следует оценить, судьи, следователи,

представители органов дознания, назначившие экспертизу и не имеющие специальных строительно-технических знаний, должны обращаться к сведущим лицам в области строительства. Р.С. Белкин отмечает, что «следователь и суд в состоянии оценить лишь полноту заключения, проверить, на все ли поставленные вопросы даны ответы. Ни научную обоснованность, ни правильность выбора и применения метода исследования, ни соответствие этого метода современным достижениям соответствующей области научного знания они оценить не в состоянии, поскольку для такой оценки должны обладать теми же познаниями, что и эксперт» [15, с. 182].

Заключение сложной, в том числе и комплексной экспертизы, в ходе которой применялись современные методы, может оценить только специалист того же профиля, что и эксперт, т. е. лицо, обладающее специальными знаниями. Современное процессуальное законодательство обеспечивает такую возможность в форме консультации специалиста (ст. 188 ГПК РФ, ст. 55.1 АПК РФ, ст. 58 УПК РФ, ст. 25.8 КоАП РФ, ст. 50 КАС РФ).

Необходимо отметить, что, оценивая достоверность заключения эксперта-строителя, лицо (орган), назначивший экспертизу, но не обладающий специальными строительно-техническими знаниями, по сути, может оценить лишь убедительность или очевидность используемых подходов, методов и методик, а также приведенных в исследовательской части расчетов.

В соответствии с вышеизложенным специфика такого рода оценки заключения эксперта-строителя обусловлена еще и тем, что оно может быть признано доказательством лишь в том случае, когда исходные положения данного исследования разработаны и обоснованы определенной отраслью строительной науки либо базируются на положениях методических рекомендаций, подготовленных и утвержденных в установленном порядке. В противном случае такое заключение будет недостоверным, не имеющим доказательственной значимости. В период становления и развития судебной строительно-технической экспертизы государственными экспертами-строителями системы судебно-экспертных учреждений Минюста России был разработан ряд методических рекомендаций, имеющих огромное значение (см., например, [16–18] и др.).

Выводы эксперта будут правильными и достоверными лишь тогда, когда они логически вытекают из тех научных положений, которые использовались экспертом в исследовательской части заключения и их обосновании, полученном в результате проведенных исследований.

Необходимо также определить, что заключение дано экспертом именно в конкретной строительной области, выяснить соответствие его профессиональной компетенции, экспертной специальности и сущности решаемой экспертной задачи. Выявленное несоответствие уровня компетентности эксперта делает излишним изучение выводов в заключении эксперта и их сопоставление с доказательствами.

Негативное влияние на достоверность экспертных выводов оказывает нарушение нескольких положений, наблюдаемых в тех случаях, когда эксперт:

1. Формулирует то или иное суждение в заключении и не дает его научного обоснования с обязательной ссылкой на источник, содержащий соответствующие общенаучные, нормативно-технические или методические положения.

2. Исследует объекты экспертизы, необходимые для ответа на поставленные вопросы, выборочно, а вывод в результате дается общий, т. е. относительно всех объектов исследования (такая вариация суждений по аналогии присуща заключениям эксперта, в которых отражается ход и результаты исследований значительного количества схожих объектов, например квартир в многоквартирном жилом доме). Суждения по аналогии, как известно, всегда «хромают», и попытки отождествить установленные экспертом характеристики лишь части квартир на все квартиры жилого дома приводят к недостоверности его выводов.

3. Применяет лишь часть комплекса методов и методик, предусмотренных для решения определенной судебно-экспертной задачи, без должного на то обоснования. Это касается прежде всего исследований по определению рыночной стоимости строительных объектов и земельных участков, функционально связанных с ними. Обязательность указанного обоснования предусмотрена в Федеральном законе от 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации», а также в федеральных стандартах оценки.

4. Не учитывает важные промежуточные исследования, являющиеся неотъемле-

мой частью методики проведения того или иного вида экспертиз. Это характерно для судебных строительно-технических экспертиз, предметом которых являются возможность и варианты реального раздела зданий и сооружений между их собственниками. Такие исследования проводятся на основе комплексного подхода строго определенных критериев. Вместе с тем на практике эксперты зачастую забывают изначально определить соответствие объекта исследования одному или нескольким критериям, определяющим саму возможность его реального раздела. В этом случае результаты последующей работы эксперта (разработку

вариантов раздела) нельзя признать достоверными.

5. Путает причинно-следственную связь с простой последовательностью явлений, что характерно для судебно-экспертных исследований обстоятельств несчастных случаев в строительстве, обстоятельств аварий и разрушений возводимых и эксплуатируемых строительных объектов и т. п.

Совокупность вышеперечисленных позиций формулирует в общих чертах основные элементы понятийного аппарата оценки достоверности заключения судебного эксперта-строителя в современном судопроизводстве России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Орлов Ю.К. Заключение эксперта и его оценка (по уголовным делам). Учебное пособие. М.: Юрист, 1995. 64 с.
2. Орлов Ю.К. Современные проблемы доказывания и использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве. М.: Проспект, 2017. 216 с.
3. Галкин В.М. Средства доказывания в уголовном процессе. Часть 2. Заключение эксперта. М.: ЦНИИСЭ, 1968. 95 с.
4. Бородин С.В., Палиашвили А.Я. Вопросы теории и практики судебной экспертизы. М.: Юридическая литература, 1963. 180 с.
5. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в уголовном, гражданском, арбитражном процессе. М.: Право и закон, 1996. 224 с.
6. Педенчук А.К. Проблемы обеспечения достоверности заключения судебного эксперта. М.: ВНИИСЭ, 1992. 148 с.
7. Эйсман А.А. Заключение эксперта. Структура и научное обоснование. М.: Юридическая литература, 1967. 152 с.
8. Жижина М.В. О деятельности суда при оценке экспертных заключений // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях. Материалы 4-й Международ. науч.-практ. конф. (г. Москва, 30–31 января 2013 г.). М.: Проспект, 2013. С. 112–115.
9. Яковлев Я.М. Основы психологии судебно-экспертной деятельности // Вопросы психологии и логики в судебно-экспертной деятельности. Сб. науч. тр. Вып. 30. М.: ВНИИСЭ, 1977. С. 17–21.
10. Эйсман А.А. Заключение эксперта в системе судебных доказательств: дис. ... доктора юридических наук. М., 1965. 511 с.
11. Арсеньев В.Д. Истина, достоверность и обоснованность в судебном и экспертном исследовании по уголовным делам // Вопросы теории судебной экспертизы. Сб. науч. тр. Вып. 39. М.: ВНИИСЭ, 1979. С. 3–48.
12. Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции: монография. М.: Норма: Инфра-М, 2012. 320 с.

REFERENCES

1. Orlov Yu.K. *The expert's conclusion and assessment (in criminal cases)*. Textbook. Moscow: Yurist, 1995. 64 p. (In Russ.)
2. Orlov Yu.K. *Modern problems of proof and use of special knowledge in criminal proceedings*. Moscow: Prospekt, 2017. 216 p. (In Russ.)
3. Galkin V.M. *Means of Evidence in Criminal Procedure. Part 2. The expert's conclusion*. Moscow: TsNIISE, 1968. 95 p. (In Russ.)
4. Borodin S.V., Paliashvili A.Ya. *Questions of theory and practice of forensic expertise*. Moscow: Legal literature, 1963. 180 p. (In Russ.)
5. Rossinskaya E.R. *Forensics in criminal, civil, arbitration proceedings*. Moscow: Right and Law, 1996. 224 p. (In Russ.)
6. Pedenchuk A.K. *Problems of ensuring the reliability of the conclusion of a forensic expert*. Moscow: VNIISE, 1992. 148 p. (In Russ.)
7. Eisman A.A. *The expert's conclusion. Structure and scientific justification*. Moscow: Legal literature, 1967. 152 p. (In Russ.)
8. Zhizhina M.V. About the activities of the court in evaluating expert opinions. *Proceedings of the 4th International scientific-practical conference "Theory and practice of forensic examination in modern conditions"* (Moscow, 30–31 January, 2013). Moscow: Prospekt. P. 112–115. (In Russ.)
9. Yakovlev Y.M. Fundamentals of psychology forensic activities. *Questions of psychology and logic in forensic activities: proceedings of VNIISE*. Issue 30. Moscow: VNIISE, 1977. P. 17–21. (In Russ.)
10. Eisman A.A. *The expert's conclusion in the system of forensic evidence*. Doctoral thesis (Law). Moscow, 1965. 511 p. (In Russ.)
11. Arsen'ev V.D. Truth, reliability and validity in forensic investigations on civil cases. *The problems of the theory of forensic examination: proceedings of VNIISE*. Issue 39. Moscow, 1979. P. 3–48. (In Russ.)
12. Cherdantsev A.F. *Logical-linguistic phenomena in law: monograph*. Moscow: Norma, Infra-M, 2012. 320 p. (In Russ.)

13. Бутырин А.Ю. Теория и практика судебной строительно-технической экспертизы. М.: Городец, 2006. 544 с.
14. Бородина Е.А. Правовой статус и криминалистическое значение исходных данных в судебных экспертных исследованиях: дис. ... кандидата юридических наук. М., 1987. 453 с.
15. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. М.: Юридическая литература, 1987. 272 с.
16. Бутырин А.Ю., Соколов Ю.Б., Статива Е.Б., Граббе Т.А., Хишева О.И. Определение технической возможности и разработка вариантов преобразования административных и складских зданий в соответствии с условиями, заданными судом // Методические рекомендации по проведению стоимостных и преобразовательных исследований при производстве судебных строительно-технических экспертиз. М: РФЦСЭ, 2016. С. 265–309.
17. Бутырин А.Ю., Чудиёвич А.Р., Луковкина О.В. Определение видов, объемов, качества и стоимости строительно-монтажных и специальных работ по возведению, ремонту (реконструкции) строительных объектов // Сборник методических рекомендаций по производству судебных строительно-технических экспертиз. М.: РФЦСЭ, 2012. С. 7–54.
18. Бутырин А.Ю. Определение технической возможности и разработка вариантов преобразования жилого дома как элемента домовладения в соответствии с условиями, заданными судом // Сборник методических рекомендаций по производству судебных строительно-технических экспертиз. М.: РФЦСЭ, 2012. С. 55–96.
13. Butyrin A.Yu. *Theory and practice of forensic science construction and technical investigations*. Moscow: Gorodets, 2006. 544 p. (In Russ.)
14. Borodina E.A. *Legal status and forensic meaning of source data in forensic expert studies*. Doctoral thesis (Law). Moscow, 1987. 453 p. (In Russ.)
15. Belkin R.S. *Criminal science: problems, trends, prospects. Public and private theories*. Moscow: Legal literature, 1987. 272 p. (In Russ.)
16. Butyrin A.Yu., Sokolov Yu.B., Stativa E.B., Grabbe T.A., Khisheva O.I. Determination of the technical feasibility and development of options for the transformation of administrative and warehouse buildings in accordance with the conditions specified by the court. *Methodological recommendations for the conduct of cost and conversion studies in the manufacture of judicial construction technical expertise*. Moscow: RFCFS, 2016. P. 265–309. (In Russ.)
17. Butyrin A.Yu., Chudievich A.R., Lukovkina O.V. The definition of types, volumes, quality and cost of construction and installation and special works for the erection, repair (reconstruction) of construction sites. *Collection of methodical recommendations for the production of judicial construction and technical expertise*. Moscow: RFCFS, 2012. P. 7–54. (In Russ.)
18. Butyrin A.Yu. Determination of the technical feasibility and development of options for transforming a residential house as an element of home ownership in accordance with the conditions set by the court. *Collection of methodical recommendations on the production of judicial construction and technical expertise*. Moscow: RFCFS, 2012. P. 55–96. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Бутырин Андрей Юрьевич – д. ю. н., заведующий лабораторией судебной строительно-технической экспертизы ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, профессор кафедры организации строительства и управления недвижимостью Московского государственного строительного университета; e-mail: stroisud@mail.ru

Трифоновна Злата Валерьевна – государственный судебный эксперт лаборатории судебной строительно-технической экспертизы ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, магистрант кафедры судебно-экспертной деятельности в правоприменении Российского университета дружбы народов, e-mail: mikhaylovaz@yandex.ru.

ABOUT THE AUTHORS:

Butyrin Andrei Yur'evich – Doctor of Law, Head of the Laboratory of Construction Forensics of the RFCFS of the Russian Ministry of Justice, professor at the Department of Construction and Property Management, Moscow State University of Civil Engineering; e-mail: stroisud@mail.ru

Trifonova Zlata Valer'evna – State Forensic Examiner at the Laboratory of Construction Forensics of the RFCFS of the Russian Ministry of Justice, Master's student at the Department of Forensic Expert Activity in Law Enforcement, RUDN University; e-mail: mikhaylovaz@yandex.ru.

Источник новой информации при идентификации транспортного средства

Е.В. Чеснокова^{1,2}

¹ Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, Москва 109028, Российская Федерация

² ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», Москва 117198, Российская Федерация

Аннотация. Рассмотрены вопросы интеграции в экспертизу маркировочных обозначений транспортных средств знаний и методов из области компьютерной электроники. В частности, предлагается в качестве дополнительного источника информации при решении идентификационной задачи – установления номера транспортного средства – использовать данные электронного блока тахографа.

Ключевые слова: экспертиза маркировочных обозначений транспортных средств, тахограф, техническая диагностика электронных блоков автомобиля, формирование вывода эксперта, идентификационная задача

Для цитирования: Чеснокова Е.В. Источник новой информации при идентификации транспортного средства // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Том 12. № 3. С. 85–88.

A Source of New Information for Vehicle Identification

Elena V. Chesnokova^{1,2}

¹ The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow 109028, Russian Federation

² Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow 117198, Russian Federation

Abstract. The paper looks at the issue of integrating the knowledge and methods of computer electronics into forensic recovery of vehicle identification numbers (VINs). In particular, data from the tachograph control unit is suggested as an additional source of evidence for vehicle identification, i. e. VIN recovery.

Keywords: VIN examination, tachograph, engineering diagnostics of vehicle electronic control units, expert opinion formation, identification objective

For citation: Chesnokova E.V. A Source of New Information for Vehicle Identification. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2017. Vol. 12. No 3. P. 85–88.

Как известно, при идентификации во внимание принимается качественная характеристика объекта, проявляющаяся в большом многообразии его свойств и признаков, которые для формирования правильного вывода в будущем должны рассматриваться в комплексе. Современное развитие науки и техники дает возможность установить в целостном объекте новые свойства, являющиеся частью системы или совокупности свойств характеризующих

его признаков. В итоге это может способствовать повышению объективности экспертных выводов и научной обоснованности экспертизы [1].

Рассмотрим экспертное исследование целостного объекта – транспортного средства (ТС), который состоит из множества объектов: агрегатов, узлов и деталей, электронных систем управления. В отношении него может проводиться автотехническая экспертиза, экспертиза маркировочных

обозначений (МО) ТС, компьютерно-техническая экспертиза и др. Это отмечал еще А.Р. Шляхов: «Одни и те же предметы – вещественные доказательства – могут быть объектами исследования экспертов разных специальностей, нескольких родов судебных экспертиз. Но каждый раз такие вещественные доказательства изучаются специально для решения вопросов, относящихся к предмету данного рода и вида судебной экспертизы; из них “извлекается” посредством специальных исследований своеобразная информация» [2, с. 18].

Новым объектом, являющимся частью системы характеризующих транспортное средство признаков, будет такое техническое средство, как тахограф. Качественными характеристиками служат его состояние, технические особенности, способность бесперебойного функционирования, визуализации и передачи хранящейся в его электронном блоке поисковой информации.

Целевое назначение тахографа – непрерывная фиксация скоростных данных транспортного средства, отслеживание маршрута движения, времени работы и отдыха водителя. Устройство имеет защитную пломбу, препятствующую доступу извне, и устанавливается на используемые в коммерческой деятельности грузовые автомобили.

Тахограф – это небольшое электронное устройство, внешне схожее с магнитолой. Оно содержит:

1. Дисплей с управляющими кнопками.
2. Печатающее устройство.
3. Считыватель тахографических карт; с помощью этих карт идентифицируется водитель.
4. GPRS-модем, передающий накопленную информацию на сервер, где данные должны храниться в течении нескольких лет.
5. Специальный датчик движения, передача данных с которого производится в шифрованном виде, что исключает возможность модификации передаваемых прибором данных (любая попытка модификации фиксируется в памяти устройства).

Тахограф подключается к штатной электропроводящей системе автомобиля¹. Он контролирует факт запуска двигателя, а

также скоростные и временные параметры ТС. Измерения производятся собственными датчиками устройства, целостность которых нарушать нельзя, включая их электропроводящую систему. Внутри тахографа монтируется блок СКЗИ – средство криптографической защиты информации, оснащенное энергонезависимой памятью и специальным криптографическим процессором². Блок СКЗИ представляет собой небольшой корпусной элемент с интерфейсным выходом и разъемом для антенны, принимающей сигналы глобального позиционирования ГЛОНАСС. Основная цель установки устройства – предотвращение корректировки записанной информации. Блок СКЗИ производит работу с цифровой записью, защиту от изменения уже записанных данных, согласовывает их с зафиксированным в памяти блока временем, что исключает корректировку времени записи.

В тахограф при установке на конкретное транспортное средство также записывается его идентификационный (VIN) и государственный номер.

Считывание (получение) информации о VIN ТС производится посредством индивидуальной карточки, помещаемой в разъем и действующей как ключ, а также кнопок, расположенных на лицевой стороне устройства. Информация распечатывается на узкой полоске бумаги (термоленте), похожей на кассовый чек.

Представляется, что данное техническое средство может служить в экспертизе маркировочных обозначений транспортного средства дополнительным источником информации при установлении идентификационного номера ТС, тем самым формируя убежденность эксперта при формулировании выводов.

Мы писали ранее [3, с. 47], что современное состояние экспертизы МО ТС характеризуется интеграцией знаний и методов из других наук, что в свою очередь обуславливает видоизменение имеющихся и появление новых предметов, объектов, методов. Этот закономерный процесс отмечен в трудах современных ученых, утверждающих, что экспертные задачи часто невозможно решить достаточно полно при исследовании объектов с позиции какой-либо одной отрасли знания [4, с. 154]. Так,

¹ В качестве электропроводящей системы автомобиля может быть использована как современная цифровая шина CAN, так и более простые системы.

² Производство и работу с этими блоками (а также лицензирование) контролирует ФСБ РФ, аналогично блокам для кассовых аппаратов.

в связи с внедрением новых научных достижений [5] в экспертную практику при исследовании объектов экспертизы маркировочных обозначений транспортных средств все чаще применяются комплексы разнородных исследований [6]. Комплексный подход, с одной стороны, обусловлен синтезом информации из нескольких наук: трасологии, химии, технико-криминалистического исследования документов, компьютерной отрасли и технологии производства транспортных средств. Это объясняется достаточно большим количеством исследуемых в его рамках объектов. С другой стороны, наличием комплекса методов и способов, предназначенных для исследования соответствующих объектов, как уже имеющих в арсенале эксперта, так и относительно недавно приобретших свое значение для исследования.

Тахограф как новый объект в рамках комплексного исследования МО ТС, изначально связанный с электроникой, нашел применение в автомобильной промышленности. При исследовании этого и подобных технических средств эксперт ищет ответ на следующие вопросы: производилось ли несанкционированное вмешательство в объект, если нет, то каково содержание идентификационного номера ТС? В рамках экспертизы маркировочных обозначений ТС, в соответствии с поставленными вопросами, исследование таких объектов может быть промежуточным этапом (подзадачей) при установлении идентификационного номера.

Как компьютерно-техническое устройство тахограф сходен с электронными блоками управления системами транспортного средства (далее – ЭБУ ТС), в отношении исследования которых нами был предложен метод технической диагностики ЭБУ ТС [3]. Будучи интегрированной в экспертизу МО ТС из сервисного обслуживания автомобилей, техническая диагностика оказалась адаптированной к нуждам экспертизы при решении как диагностических, так и идентификационных задач.

В рамках экспертного исследования техническая диагностика, заимствованная из сервисного обслуживания ТС, применяется не в полном объеме ее возможностей, поскольку из всего комплекса информации, которую может получить диагност, эксперта интересует лишь определенное количество содержащихся в ЭБУ данных о маркировочных обозначениях ТС. Увидеть визуально

информацию, находящуюся в памяти электронных блоков, можно посредством диагностического оборудования: диагностического процессора, тестера, сканера либо, в отдельных случаях, панели (комбинации) приборов автомобиля.

Техническая диагностика ЭБУ ТС в экспертизе приобрела статус одного из неразрушающих инструментальных методов исследования. По аналогии можно сделать такое же заключение и в отношении электронного блока тахографа.

В связи с тем, что в памяти этих устройств, помимо информации о состоянии различных систем, полностью или частично записывается идентификационный номер ТС [3], результаты их исследований приобретают значение при идентификации похищенного транспорта. Однако, при всем совершенстве указанного метода, он не является определяющим при формировании выводов эксперта на поставленные вопросы. Целесообразность его применения обусловлена системным взаимодействием с другими методами.

Обратившись к методическим рекомендациям экспертизы МО ТС, можно увидеть, что перед проведением технической диагностики рекомендовано провести исследование мест соединения (крепления) маркируемой панели с другими панелями кузова или рамной конструкции с кузовом автомобиля (если автомобиль рамный) на предмет замены промаркированного на предприятии-изготовителе фрагмента панели, знаков идентификационной маркировки, нанесенных на маркируемую панель, заводских маркировочных табличек, на которых наносится идентификационная маркировка. Затем проводится более детальное исследование маркируемой панели при помощи специальных методов, неразрушающих или разрушающих первоначальное состояние объекта исследования. При применении неразрушающих методов проводится исследование идентификационной маркировки, записанной в электронных блоках управления ТС. Результаты, полученные с помощью этого метода, позволяют не только выявить идентификационный номер, записанный в блоке управления, но и удостоверить факт изменения заводских маркировочных обозначений. Несовпадение маркировки, записанной в электронном блоке, со знаками идентификационного номера на маркируемой панели и маркировочных табличках также может свиде-

тельствовать об изменении маркировочных обозначений ТС.

Вышеприведенный фрагмент методических рекомендаций экспертизы МО ТС свидетельствует о том, что привлечение достижений компьютерной электроники существенно расширяет экспертные возможности исследования маркировочных обозначений ТС. Подтверждает нашу позицию тезис В.А. Волинского: «Компьютеризация судебной экспертизы существенно расширяет ее возможности в части практической реализации комплексного подхода к исследованиям» [7, с. 207]. Так, согласно методическим рекомендациям, аналогично исследованию информации блоков управления

ТС, при исследовании компьютерной информации, загруженной в тахограф, можно выявить идентификационный номер ТС и удостоверить факт изменения заводских маркировочных обозначений.

Интеграция в экспертизу достижений из области компьютерной электроники и автомобилестроения является, на наш взгляд, одной из форм формирования знания о современном состоянии экспертизы маркировочных обозначений ТС. Каждое полезное новшество находит в экспертном исследовании свое место, включается в систему объектов, исследуемых специальными методами, и должно быть оценено экспертом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Смирнова С.А., Усов А.И. Повышение научной обоснованности научно-методического обеспечения судебной экспертизы – один из важных международных трендов // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Том 12. № 2. С. 11–17.
2. Шляхов А.Р. Труды по судебной экспертизе. М.: Наука, 2006. 304 с.
3. Чеснокова Е.В. Экспертное исследование маркировочных обозначений транспортных средств по делам, связанным с их незаконным завладением: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 206 с.
4. Энциклопедия судебной экспертизы / Под ред. Т.В. Аверьяновой и Е.Р. Россинской. М.: Юрист, 1999. 305 с.
5. Чеснокова Е.В., Кулик С.Д., Кондаков А.А. Особенности маркирования легковых и грузовых автомобилей марки «Мерседес-Бенц» // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 2 (42). С. 32–39.
6. Чеснокова Е.В. Современное состояние и перспективы развития экспертизы маркировочных обозначений транспортных средств // Теория и практика судебной экспертизы. 2015. № 2 (38). С. 51–54.
7. Волинский В.А. Криминалистическая техника: наука – техника – общество – человек. М.: Юнити-Дана, 1999. 305 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Чеснокова Елена Владимировна – к. ю. н., зам. заведующего отделом научно-методического обеспечения производства судебной экспертизы в системе СЭУ Минюста России, зав. сектором диссертационных исследований ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, ученый секретарь объединенного диссертационного совета на базе РУДН и РФЦСЭ; e-mail: elenaches@yandex.ru.

REFERENCES

1. Smirnova S.A., Usov A.I. Enhancing the scientific validity of methodological support in forensic science: an important international trend. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2017. Vol. 12. No 2. P. 11–17. (In Russ.)
2. Shlyakhov A.R. *Works on forensic expertise*. Moscow: Nauka, 2006. 304 p. (In Russ.).
3. Chesnokova E.V. *Expert research of marking designations of vehicles on the affairs connected with their illegal taking* Candidate thesis (Law). Moscow, 2007. 206 p. (In Russ.).
4. Aver'yanova T.V., Rossinskaya E.R. (eds). *Encyclopaedia of forensic science*. Moscow: Yurist, 1999. 305 p. (In Russ.).
5. Chesnokova E.V., Kulik S.D., Kondakov A.A. Vehicle identification markings on "Mercedes Benz" passenger cars and trucks. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2016. No 2 (42). P. 32–39. (In Russ.).
6. Chesnokova E.V. Forensic analysis of vehicle markings: current status and potential developments. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2015. No 2 (38). P. 51–54. (In Russ.).
7. Volynskii V.A. *Criminalist technique: science – technique – society – person*. Moscow: Yuniti-Dana, 1999. 305 p. (In Russ.).

ABOUT THE AUTHOR:

Chesnokova Elena Vladimirovna – Candidate of Law, Deputy Head of the Forensic Research Methodology Department, Head of the Dissertation Research Sector of the RFCFS of the Russian Ministry of Justice, Academic Secretary of the Joint Dissertation Board of RFCFS and RUDN University; e-mail: elenaches@yandex.ru.

Процедурный инструментарий финансового мониторинга в банковской сфере России

А.И. Андрианова^{1,2}

¹ Российский государственный университет правосудия, Москва 121260, Российская Федерация

² Департамент по вопросам правовой помощи и взаимодействия с судебной системой Минюста России, Москва 119991, Российская Федерация

Аннотация. Проанализированы природа, содержание и виды процедур, применяемых уполномоченными субъектами (организациями, органами власти) с целью финансового мониторинга как разновидности финансового контроля банковской деятельности на территории Российской Федерации. На основе анализа банковского законодательства Российской Федерации и подзаконных нормативных правовых актов Центрального банка РФ предложена классификация процедур финансового мониторинга банковской деятельности в России. Сформулировано определение понятия юридической техники финансового мониторинга в банковской системе. Обоснован комплексный характер, сочетание контрольной и информационной природы в процедурах финансового мониторинга банковской деятельности в России.

Ключевые слова: *финансовый мониторинг, Росфинмониторинг, банковская деятельность, процедуры, кредитная организация, банк, легализация доходов, полученных преступным путем, банковский контроль, внутренний контроль*

Для цитирования: Андрианова А.И. Процедурный инструментарий финансового мониторинга в банковской сфере России // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Том 12. № 3. С. 89–96.

Procedures for Financial Monitoring of the Banking Sector in Russia

Anna I. Andrianova^{1,2}

¹ Russian State University of Justice, Moscow 121260, Russian Federation

² Department for Legal Assistance and Cooperation with the Judicial System of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow 119991, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the nature, content, and variety of procedures that are used by authorized subjects (organizations and government agencies) for the purposes of financial monitoring as a form of financial control of banking operations in the Russian Federation. The author proposes a classification of financial monitoring procedures based on analysis of the national banking legislation and secondary legal acts issued by the Central Bank of the Russian Federation. A definition of the notion of legal techniques used for financial monitoring of the banking system in Russia is also presented. The paper argues in favor of comprehensive financial monitoring, as well as combined control and informational nature of procedures used for the financial monitoring of banking operations in Russia.

Keywords: *financial monitoring, Federal Financial Monitoring Service, banking operations, procedures, credit organization, bank, money laundering, banking control, internal control*

For citation: Andrianova A.I. Procedures for Financial Monitoring of the Banking Sector in Russia. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2017. Vol. 12. No 3. P. 89–96.

Согласно сложившемуся мнению, «нет лучше способа проследить, как накапливаются, перераспределяются и тратятся деньги в жизнедеятельности общества и государства, чем это осуществляет банковская система» [1, с. 71]. Такое заключение, и с ним нельзя не согласиться, актуализирует исследование инструментария финансового мониторинга банковской и иной хозяйственной деятельности с позиций его процедур, реализуемых на территории конкретного государства, в нашем случае – Российской Федерации.

Статья 4 Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ (в действ. ред.) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»¹ закрепляет перечень мер, направленных на реализацию целей и задач финансового мониторинга. Анализ законодательства России в этой области позволяет выделить и иные меры и действия, например документирование информации об операциях, хранение информации об операциях, обеспечение ее конфиденциальности, предоставление информации по запросам Росфинмониторинга, инициативное направление в Росфинмониторинг информации, идентификация, проверка лиц, осуществляющих операции с денежными средствами и иным имуществом, потенциально могущим использоваться в целях легализации преступных доходов и финансирования терроризма, в коррупционных целях. Организационно-процедурные полномочия Росфинмониторинга распространяются не только на собственно банки и иные кредитные организации, но также и на индивидуальных предпринимателей, хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для оборонно-промышленного комплекса; клиринговые организации; организаторов торговли и иные организации, осуществляющие операции с денежными средствами и иным имуществом – в том числе операции через банковские организации. Росфинмониторинг в пределах своих полномочий контролирует и федеральную государственную гражданскую службу.

Таким образом, процедурные основы инструментария финансового мониторинга в сфере банковской деятельности в России складываются из разнообразных полномочий, реализуемых Росфинмониторингом в

отношении субъектов банковской деятельности, Центрального банка Российской Федерации (далее – ЦБ РФ), иных субъектов, в том числе проводящих операции с денежными средствами и иным имуществом через кредитные организации, а также полномочий контрольной предназначенности, реализуемых ЦБ РФ, банками и иными кредитными организациями в отношении иных субъектов.

На наш взгляд, интерес представляет критерий связи процедур с контрольной природой финансового мониторинга в сфере банковской деятельности в России. Важно отметить, что все мероприятия финансового контроля делятся на две большие группы: *собственно контрольные* и *информационные*.

Собственно контрольные процедуры следует понимать как одну из функций системы управления финансовыми отношениями на основе наблюдения и проверок, позволяющих оценить законность, обоснованность и эффективность действий субъектов хозяйствования. В свою очередь, *собственно контрольные мероприятия* различаются *по субъектам в отношении которых реализуются мониторинговые процедуры в связи с осуществлением банковской деятельности*.

Взаимодействие различных субъектов в связи с реализацией финансового мониторинга преследуют цели предупреждения, выявления и пресечения действий, связанных с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем, и финансированием терроризма, в общем виде очерченные Федеральным законом № 115-ФЗ. Росфинмониторинг осуществляет процедуры в целях соблюдения данного закона субъектами (физическими и юридическими лицами), осуществляющими операции с денежными средствами, иным имуществом, – в основном это безналичные расчеты. Следовательно, реализуемые Росфинмониторингом процедуры в значительной степени сводятся к получению от кредитных организаций значимой для исполнения закона информации путем направления запросов, получения информации в режиме уведомлений о фактах состоявшихся/несостоявшихся банковских операциях и сделках. Мониторинговые процедуры, информационные основы которых регулируются ЦБ РФ (в части предоставления информации в Росфинмониторинг), осуществляются Росфинмониторингом и в отношении иных

¹ СЗ РФ. 2001. № 33. Часть 1. Ст. 3418; 2014. № 23. Ст. 2934.

хозяйствующих субъектов, например организаторов торговли, клиринговых организаций.

ЦБ РФ также осуществляет мониторинговые процедуры в отношении кредитных организаций (их филиалов, головных подразделений)², предприятий³, организаций-страховщиков⁴, субъектов национальной платежной системы⁵. ЦБ РФ проводит анализ деятельности организаций по материалам их отчетов, отражающих результаты их мониторинговой деятельности.

Банки, иные кредитные организации осуществляют контроль ежедневных операций своих клиентов и связанных с ними хозяйствующих субъектов по части получения денежных средств и осуществления операций, сделок с денежными средствами. Кредитные организации в отношении своих клиентов, представителей клиентов, бенефициарных владельцев, лиц, находящихся на обслуживании в кредитной организации, выгодоприобретателей обязаны осуществлять процедуры планового и внепланового обновления информации об их действиях в рамках банковской системы: планово, т. е. регулярно – не реже одного раза в год (если операция клиента отнесена к повышенной степени риска); внепланово – в случае возникновения сомнений в достоверности и точности ранее полученной информации в течение семи рабочих дней после дня возникновения сомнений⁶.

Указанные действия осуществляются кредитными организациями самостоятельно в рамках процедур внутреннего контроля. При этом ЦБ РФ, обобщив практику применения Федерального закона № 115-ФЗ, полагает, что кредитные организации вправе в «правилах внутреннего контроля самостоятельно определить критерии, являющиеся основаниями для возникновения

сомнений в достоверности и точности информации, полученной при идентификации клиента, представителя клиента, выгодоприобретателя и бенефициарного владельца», что служит основанием для проведения соответствующих процедур внепланово. В части мониторинга, как и иных видов деятельности, кредитные организации обязаны направлять отчет в ЦБ РФ.

Виды – состав, правовое положение в сфере банковской деятельности отдельных субъектов, в отношении которых реализуются процедуры финансового мониторинга, в том числе кредитных организаций, уточняет ЦБ РФ. В своих актах он уточняет понятие «клиент кредитной организации» (п. 1 Информационного письма ЦБ РФ от 29 июня 2012 г. № 20⁷), «лицо, находящееся на обслуживании в кредитной организации» (п. 2 Информационного письма ЦБ РФ от 29 августа 2003 г. № 4⁸), «выгодоприобретатель» (п. 5 Информационного письма ЦБ РФ от 31 августа 2005 г. № 8⁹). ЦБ РФ разъясняет возможности распространения мониторинговых процедур, процедур идентификации в целях Федерального закона № 115-ФЗ в рамках полномочий кредитных организаций на иных субъектов, с которыми эти организации заключили договор поручительства или залога в качестве обеспечения исполнения обязательств по кредитному договору (п. 1 Информационного письма ЦБ РФ от 29 июня 2012 г. № 20), распространение мониторинговых процедур на клиентов по операциям с денежными средствами, осуществляемыми по ссудным счетам юридических лиц (п. 1 Информационного письма ЦБ РФ от 29 августа 2003 г. № 4).

Таким образом, состав субъектов, осуществляющих мероприятия в целях исполнения Федерального закона № 115-ФЗ представлен не только собственно Росфинмониторингом как специализированным органом, но и иными субъектами, в том числе задействованными непосредственно в банковской сфере. Следует также учитывать, что свои полномочия Росфинмониторинг осуществляет во взаимодействии с иными субъектами, в том числе ЦБ РФ, банками, иными кредитными организациями. Это указывает на взаимосвязь соответствующих действий как в части их информаци-

² Указание ЦБ РФ от 12.12.2009. № 2332-У // Вестник Банка России. № 75-76 от 25.12.2009.

³ Положение о проведении мониторинга предприятий Банком России: Утверждено ЦБ РФ 19.03.2002. № 186-П // Вестник Банка России. № 20 от 10.04.2002.

⁴ Указание от 18.01.2016. № 3935-У // Вестник Банка России. № 26 от 16.03.2016.

⁵ Положение о порядке осуществления наблюдения в национальной платежной системе: Утверждено ЦБ РФ 31.05.2012 № 380-П // Вестник Банка России. 2012. № 31.

⁶ Положение об идентификации кредитными организациями клиентов, представителей клиента, выгодоприобретателей и бенефициарных владельцев в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: Утв. ЦБ РФ 15.10.2015 № 499-П // Вестник Банка России. № 115 от 16.12.2015.

⁷ Вестник Банка России. № 36 от 11.07.2012.

⁸ Вестник Банка России. № 50 от 10.09.2003.

⁹ Вестник Банка России. № 47 от 07.09.2005.

онной составляющей, так и организационно-контрольной.

Собственно контрольные процедуры в системе финансового мониторинга в сфере банковской деятельности могут быть сгруппированы и по *объектам мониторинговых мероприятий*. В общем виде под таковым понимаются операции с денежными средствами, иным имуществом, соответствующие им финансовые отношения в рамках банковской системы, подлежащие контролю со стороны уполномоченных субъектов, круг которых очерчен выше. В данном случае учитывается подход к объекту контроля, получивший обоснование в финансово-правовой науке, непосредственно – к объекту финансового контроля [2, с. 117–135], [3, с. 346–348]. Под ним понимаются денежные средства и связанные с ними финансовые отношения, в рамках которых осуществляется формирование, распределение и использование фондов различных хозяйствующих субъектов, как и их личных ресурсов. Аналогично: объект финансового мониторинга в сфере банковской деятельности – денежные средства и связанные с ними финансовые отношения, банковские правоотношения, подразумевающие операции с денежными средствами, иными финансовыми ресурсами, минуя банковскую систему. При этом все виды финансового контроля взаимосвязаны по объекту и предмету контроля [4, с. 160].

Предмет контроля традиционно – документы, на которые направлено осуществление контрольных мероприятий, т. е. процедур. Соответственно предметом мониторинга являются документы, анализируемые, проверяемые в ходе мониторинговых процедур. Непосредственным предметом контроля со стороны Росфинмониторинга выступают финансовые документы, материалы, содержащие сведения о проведенных денежных операциях, полученных доходах, профинансированных расходах, т. е. информация на бумажном носителе, в электронной форме либо на магнитном носителе. Однако под предметом контроля, осуществляемого органами Росфинмониторинга, нормативные акты самого Росфинмониторинга подразумевают «исполнение физическими и юридическими лицами требований законодательства Российской Федерации о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным пу-

тем, и финансированию терроризма»¹⁰. По нашему мнению, положение Административного регламента в этой части следует уточнить, привести в соответствие с подходами специалистов к предмету контроля. Следует изложить п. 5 Административного регламента в следующей редакции: «Предметом государственного контроля являются документы, содержащие информацию об операциях с денежными средствами, иным имуществом, соответствующих им финансовых отношениях, реализация которых связана с соблюдением требований законодательства Российской Федерации о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».

Мониторинговым процедурам в сфере банковской деятельности подлежат, повторим, операции с денежными средствами или иным имуществом клиентов кредитных организаций, т. е. все действия, направленные на движение денежных средств в банковской системе. К числу таких операций, относятся: операции клиентов кредитных организаций, бенефициарных владельцев клиентов, связанные с движением средств по счетам (вкладам) клиентов, иных субъектов, операции по переводу денежных средств без открытия счета, операции с использованием предоплаченных финансовых продуктов, открытие, изменение реквизитов счетов. Кредитные организации ведут мониторинг операций с денежными средствами и иными имуществом в рамках деятельности клиринговых организаций и организаторов торговли (заявки на торгах, договоры), деятельности предприятий, финансовое состояние банков, осуществляющих операции со средствами федерального бюджета, иностранные активы кредитных организаций, чистые балансовые позиции по иностранным валютам кредитных организаций, финансовые характеристики и финансовые показатели деятельности страховщиков и кредитных организаций и т. п.

¹⁰ Административный регламент исполнения Федеральной службой по финансовому мониторингу государственной функции по осуществлению контроля за выполнением физическими и юридическими лицами требований законодательства Российской Федерации о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма и привлечению к ответственности лиц, допустивших нарушение этого законодательства: Утв. Приказом Росфинмониторинга от 29.07.2014 № 191 // Российская газета. № 275 от 03.12.2014.

Информация об операциях клиента и иных субъектов, чья деятельность связана с обращением к услугам кредитных организаций, должна кредитной организацией документально фиксироваться и храниться, чтобы при необходимости было возможно воспроизвести все характеристики операции: сумму задействованных денежных средств, валюту платежа, участников сделки. Это правило, обязательное для банковской деятельности, имеет значение для расследования преступлений в финансовой сфере, рассмотрения споров в порядке арбитражного, гражданского судопроизводства, что подтверждается анализом сложившейся судебной практики.

В связи с этим заметим, что порядок документального фиксирования кредитными организациями и иными субъектами, реализующими ФЗ № 115-ФЗ, этим законом не определен, что оценивается ЦБ РФ в п. 1.4 Информационного письма от 29 ноября 2002 г. № 2¹¹ как некий пробел закона. ЦБ предлагает в данном случае обратиться к положениям законодательства в области информации – ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. (ред. от 13 июля 2015 г.) № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹², закрепляющей понятие документированной информации. По нашему мнению, следует внести изменения в ФЗ № 115-ФЗ (в ст. 3), добавив аналогичную по смыслу норму – но применительно к документированию информации в сфере банковской деятельности.

Собственно контрольные мероприятия в системе финансового мониторинга банковской деятельности различаются также по форме и функциональной предназначенности процедур.

А) Осуществляемые Росфинмониторингом проверочные процедуры. Росфинмониторинг реализует полномочия по проверке информации об операциях хозяйствующих субъектов, сделках с имуществом и денежными средствами для выявления таковых, направленных на легализацию доходов хозяйствующих субъектов, полученных преступным путем, на финансирование террористической деятельности. По результатам проверок Росфинмониторинг принимает: акт проверки, акт о воспрепятствовании проведению проверки, предписание об

устранении выявленных нарушений, протокол об административном правонарушении, постановление по делу об административном правонарушении.

Б) Контрольные мероприятия в системе финансового мониторинга, осуществляемые ЦБ РФ – проверка отчетной документации кредитных организаций¹³, фактическая проверка текущей деятельности кредитных организаций на предмет соблюдения законодательства и нормативных актов ЦБ РФ в области противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма¹⁴.

В) Процедуры, внутреннего контроля в самих кредитных организациях. К ним относятся: идентификация клиентов – установление личности на основании представляемых документов как лиц, обращающихся в кредитную организацию для установления характера отношений, в том числе на основании договоров банковского вклада и счета хранения, так и лиц, обратившихся в кредитную организацию для получения разовых услуг¹⁵; проверка информации о клиентах кредитной организации, выгодоприобретателях для подтверждения обоснованности подозрений об осуществлении клиентом незаконной деятельности; процедуры документального фиксирования и хранения информации, предусмотренной в ст. 7 ФЗ № 115-ФЗ, и др. Осуществление внутреннего контроля в кредитных организациях неразрывно связано с надзорными процедурами со стороны ЦБ РФ: инспекционные проверки кредитной организации, предоставление письменного отчета о результатах внутреннего контроля.

Процедуры в рамках внутреннего контроля в кредитных организациях должны отвечать следующим требованиям: конфиденциальность информации, анализируемой в целях реализации ФЗ № 115-ФЗ,

¹³ Указание ЦБ РФ от 12.12.2009. № 2332-У // Вестник Банка России. № 75-76 от 25.12.2009.

¹⁴ Информационное письмо ЦБ РФ от 06.04.2005 № 56-т «О методических рекомендациях по проведению проверок соблюдения кредитными организациями требований законодательства Российской Федерации и нормативных актов Банка России в области противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // СПС Консультант Плюс.

¹⁵ Положение об идентификации кредитными организациями клиентов, представителей клиента, выгодоприобретателей и бенефициарных владельцев в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: Утв. ЦБ РФ 15.10.2015 № 499-П // Вестник Банка России. № 115 от 16.12.2015.

¹¹ Вестник Банка России. № 72 от 26.12.2002.

¹² СЗ РФ. 2006. № 31. Ч. 1. Ст. 3448.

соблюдение банковской тайны, обязательное документальное фиксирование необходимой информации (в том числе в форме электронного сообщения), общность критериев выявления необычных сделок с учетом особенности деятельности кредитных организаций, обоснованность приостановления банковских операций, объективность и беспристрастность, своевременное направление сведений о банковских операциях, мерах, принимаемых кредитной организацией в целях соблюдения ФЗ № 115-ФЗ.

Если имеются сведения о участии клиента банка в террористической деятельности, то в отношении такого клиента соответствующие операции приостанавливаются.

По связи процедур с контрольной природой финансового мониторинга в сфере банковской деятельности выделяются также процедуры информационного характера. Мониторинг, по сути, это форма познавательной деятельности. В широком смысле все виды информации, обеспечивающей осуществление финансового мониторинга в рамках банковской деятельности, охватываются понятием «информация об операциях (сделках) с денежными средствами или иным имуществом, подлежащих контролю» на основании Федерального закона № 115-ФЗ.

Информационные мероприятия в системе финансового мониторинга различаются по субъектам информационного обмена.

Процедуры обмена информацией вовлекают следующих участников отношений в связи с осуществлением финансового мониторинга.

А) От банков, иных кредитных организаций – непосредственно в Росфинмониторинг: информация об операциях клиентов кредитных организаций, о бенефициарных владельцах клиентов, информация о движении средств по счетам (вкладам) клиентов; информация о денежных операциях в связи с осуществлением расчетов по государственному оборонному заказу, информация об отказе в проведении ранее приостановленной операции по отдельному счету.

Б) От иных субъектов – Росфинмониторингу: информация об операциях с денежными средствами от организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом (от профессиональных участников рынка ценных бумаг, страховых организаций (кроме организаций сферы обязательного медицинского страхования), ломбардов, страховых

брокеров, управляющих компаний инвестиционных фондов, паевых инвестиционных фондов, негосударственных пенсионных фондов, кредитных потребительских кооперативов, микрофинансовых организаций, обществ взаимного страхования), индивидуальных предпринимателей, хозяйственных обществ, находящихся под контролем оборонно-промышленного комплекса, клиринговых организаций, организаторов торговли и т. п.

В) От организаций – непосредственно в ЦБ РФ: от кредитных организаций, страховщиков и страховых брокеров, предприятий, субъектов национальной платежной системы и т. п.

Г) Между кредитными организациями и их клиентами, представителями клиентов, выгодоприобретателями, бенефициарными владельцами: сведения, получаемые в целях идентификации перечисленных лиц.

Д) Комплексный информационный обмен между уполномоченным банком и единой информационной системой государственного оборонного заказа, Министерством обороны РФ – информация о каждом открытии, закрытии, изменении реквизитов отдельного счета, открытого на основании Федерального закона № 275-ФЗ.

Процедуры – информационные мероприятия, обеспечивающие осуществление финансового мониторинга в рамках банковской деятельности, могут быть сгруппированы и на основании информационного обмена.

А) *Процедуры предоставления кредитными организациями информации по запросам Росфинмониторинга.* Взаимообмен информацией между Росфинмониторингом и кредитными организациями осуществляется в форме электронных сообщений. Одновременно с материалами электронного сообщения кредитная организация формирует вложение, содержащее дополнительную информацию о ходе банковской деятельности. В Росфинмониторинг направляется не только информация об операциях клиентов, но и копии всех подтверждающих эту информацию документов. Вся информация шифруется и архивируется. Росфинмониторинг проверяет подлинность и целостность каждого из полученных архивных файлов, после чего направляет кредитной организации уведомление о принятии архивного файла; по результатам контрольных мероприятий – квитанцию о принятии электронного сообщения.

Б) *Уведомительные процедуры*: информирование кредитными организациями Росфинмониторинга о фактах, характеризующих ход банковской деятельности. Речь идет о предоставлении информации, например, относительно отказа от заключения договора банковского счета (вклада), отказа от проведения операции (выполнения распоряжения клиента о совершении операции), отказа от проведения ранее приостановленной операции по отдельному счету, случаях расторжения договора банковского счета (вклада) по инициативе кредитной организации и т. п. Передаче информации подобного содержания предшествует составление отчета кредитной организацией в виде электронного сообщения.

Подготовка электронных сообщений и их отправка Росфинмониторингу включает ряд моментов: шифрование электронного сообщения, формирование архивных файлов – при наличии сообщений по разным «отказным» операциям, отправку данной информации сначала в территориальное учреждение ЦБ РФ, где проводится проверка целостности и подлинности каждого архивного файла. Территориальное учреждение ЦБ РФ направляет банку извещение о принятии архивного файла. В последующем учреждение ЦБ РФ составляет сводный архивный файл территориального учреждения, которое направляется в департамент информационных технологий ЦБ РФ.

Кредитные организации не вправе информировать своих клиентов о представлении информации об их деятельности Росфинмониторингу. Однако в целях осуществления процедур, предписанных ФЗ № 115-ФЗ, кредитная организация вправе обратиться к своему клиенту за получением необходимых ей документов, разъяснений, мотивируя это потребностями информационного обеспечения осуществления внутреннего контроля.

В) *Процедуры предоставления кредитными организациями и иными хозяйствующими субъектами информации по запросам ЦБ РФ*. Получив соответствующую информацию, ЦБ РФ осуществляет ее анализ, проверку по таким показателям, как, например, определение факторов, влияющих на развитие национальной платежной системы и на экономику, а также обобщает индивидуальные количественные и качественные показатели деятельности субъектов платежной системы.

Г) *Процедуры предоставления кредитными организациями информации в порядке отчетности перед ЦБ РФ*: отчетность кредитных организаций перед ЦБ РФ, отражающая результаты их мониторинговой деятельности.

Д) *Процедуры предоставления информации по запросу федерального органа в области обороны* – подотчетные организации направляют информацию о каждом открытии, закрытии, изменении реквизитов отдельного счета, открытого на основании требований Федерального закона № 275-ФЗ, об исполненных распоряжениях по денежным операциям данных об участниках расчетов по государственному оборонному заказу.

Е) *Процедуры обязательного предоставления информации с определенной периодичностью*: например, мониторинг деятельности страховщиков, сопутствующий контролю предоставляемой в ЦБ РФ бухгалтерской информации страховщиков, статистической информации страховых брокеров и т. п.

Таким образом, организационно-процедурные основы финансового мониторинга банковской деятельности не сводятся только к единоличным действиям Росфинмониторинга. Они предполагают взаимосвязанные действия в пределах полномочий Росфинмониторинга и ЦБ РФ в отношении всех организаций банковской системы, осуществляющих операции с денежными средствами, и иных хозяйствующих субъектов, являющихся клиентами кредитных организаций.

Итак, проанализировав процедурный инструментарий финансового мониторинга в банковской сфере, приходим к следующим выводам.

Во-первых, организационно-процедурные основы финансового мониторинга заключаются в процессуальных моментах деятельности уполномоченных субъектов, подчиняющихся юридической технике ее осуществления. Под юридической техникой финансового мониторинга в отношении банковской системы следует понимать совокупность средств, приемов и способов получения информации о ходе банковской и иной хозяйственной деятельности, необходимой для осуществления мониторинговых мероприятий уполномоченными субъектами, обобщения информации о денежных и иных имущественных операциях, ее систе-

матизации, фиксации, анализа и оценки в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, противодействию финансированию терроризма.

Во-вторых, сведя воедино сформулированную классификацию процедур на основе анализа банковского законодательства России и соответствующих подзаконных нормативных правовых актов, отметим следующее. Организационные основы финансового мониторинга в сфере банковской деятельности включают процедуры, осуществляемые Росфинмониторингом, ЦБ РФ, банками и иными кредитными организациями. Эти процедуры по связи с контрольной природой финансового мониторинга в сфере банковской деятельности подразделяются на две основные группы: собственно контрольные и информационные. В свою очередь, собственно контрольные мероприятия группируются по (1) субъектам, в отношении которых реализуются мониторинговые процедуры в рамках и в связи с осуществлением бан-

ковской деятельности, (2) объектам мониторинговых мероприятий, (3) формам и функциональной предназначенности процедур. Информационные мероприятия в системе финансового мониторинга в сфере банковской деятельности предложено сгруппировать по (1) субъектам информационного обмена и (2) основаниям информационного обмена.

Финансовый мониторинг, как было показано, является комплексным. Комплексность заключается в единстве различных процедур и мероприятий, позволяющих достичь цели и задачи финансового мониторинга в соответствии с действующим на территории Российского государства ФЗ № 115-ФЗ. Процедуры финансового мониторинга в банковской сфере имеют одновременно и контрольную и информационную природу. Информационная функция финансового мониторинга, по сути, связана с информационной функцией денег, а также информационной составляющей разного рода финансовых отношений, исследуемой в рамках науки финансового права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горбунова О.Н. Проблемы совершенствования финансового законодательства в условиях развивающегося мирового финансового кризиса // *Право и государство: теория и практика*. 2009. № 3. С. 61–76.
2. Грачева Е.Ю. Проблемы правового регулирования государственного финансового контроля. М.: Юриспруденция, 2000. 191 с.
3. Пешкова Х.В. Бюджетное право России. М.: Инфра-М, 2011. 415 с.
4. Пешкова Х.В. Бюджетное устройство России. М.: Инфра-М, 2012. 176 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Андрианова Анна Игоревна – аспирант кафедры финансового права Российского государственного университета правосудия, референт Департамента по вопросам правовой помощи и взаимодействия с судебной системой Минюста России; e-mail: 5185320@mail.ru.

REFERENCES

1. Gorbunova O.N. The Problems of Improvement of Financial Legislation in the Conditions of Developing of the World Financial Crisis // *Law and State: Theory and Practice*. 2009. No 3. P. 61–76. (In Russ.)
2. Gracheva E.Y. *The Problems of Legal Regulation of the State Financial Control*. Moscow: Jurisprudence, 2000. 191 p. (In Russ.)
3. Peshkova Ch.V. *Budget Law of Russia*. Moscow: Infra-M, 2011. 415 p. (In Russ.)
4. Peshkova Ch.V. *Budget Construction of Russia*. Moscow: Infra-M, 2012. 176 p. (In Russ.)

ABOUT THE AUTHOR:

Andrianova Anna Igorevna – PhD student at the Financial Law Department of the Russian State University of Justice, officer of the Department for Legal Assistance and Cooperation with the Judicial System of the Russian Ministry of Justice; e-mail: 5185320@mail.ru.

Возможности диагностики редких видов соколов рода *Falco* по микроструктуре первостепенных маховых перьев

Е.О. Фадеева¹, В.Г. Бабенко²

¹ ФГБУН Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН, Москва 119071, Российская Федерация

² ФГБОУ ВО Московский педагогический государственный университет, Москва 129164, Российская Федерация

Аннотация. Представлены результаты сравнительного электронно-микроскопического исследования строения первостепенных маховых перьев кречета (*Falco rusticolus*), балобана (*F. cherrug*), сапсана (*F. peregrinus*) и гибридной особи (*F. rusticolus* × *F. cherrug*). Выявлен ряд видоспецифических микроструктурных характеристик, что существенно расширяет потенциальные возможности пера для целей судебно-биологической экспертизы.

Ключевые слова: соколиные, электронно-микроскопическое исследование, маховое перо, микроструктура пера, судебно-биологическая экспертиза

Благодарности: авторы выражают благодарность научному сотруднику, заведующему питомником хищных птиц государственного природного заповедника «Галичья Гора» (Липецкая область) П.И. Дудину за предоставленные для исследования материалы.

Для цитирования: Фадеева Е.О., Бабенко В.Г. Возможности диагностики редких видов соколов рода *Falco* по микроструктуре первостепенных маховых перьев // *Теория и практика судебной экспертизы*. 2017. Том 12. № 3. С. 97–104.

The Diagnostic Potential of Primary Remex Microstructure in Rare Species of Falcons (Falconidae)

Elena O. Fadeeva¹, Vladimir G. Babenko²

¹ Severtsov Institute of Ecology and Evolution, Moscow 119071, Russian Federation

² Moscow State Pedagogical University, Moscow 129164, Russian Federation

Abstract. The paper reports on the original findings of scanning electron microscope comparison of the fine structure of primary remiges in *Falco rusticolus*, *F. cherrug*, *F. peregrinus*, and *F. rusticolus* × *F. cherrug*. The study identified a number of species-specific microstructural characteristics that show a high diagnostic potential for taxonomic identifications in forensic biology.

Keywords: Falconidae, electron microscope investigation, remex, feather microstructure, forensic biology

Acknowledgements: The authors would like to thank P.I. Dudin, research scientist and head of the Raptor Conservation Center at the State Nature Reserve “Galich'ya Gora” (Lipetsk Region), for supplying materials for this study.

For citation: Fadeeva E.O., Babenko V.G. The Diagnostic Potential of Primary Remex Microstructure in Rare Species of Falcons (Falconidae). *Theory and Practice of Forensic Science*. 2017. Vol. 12. No 3. P. 97–104.

Введение

В настоящее время весьма актуален вопрос диагностических возможностей микроструктуры контурного пера при экспертном судебно-биологическом исследовании перьев птиц с целью получения фактических данных, используемых при выявлении и пресечении противоправной деятельности. Учитывая большой интерес к таксономически важным элементам морфологии перьевого покрова редких видов отряда соколообразных и тонкого строения дефинитивных перьев в частности, мы подробно с применением сканирующего электронного микроскопа (SEM), исследовали особенности микроструктуры контурных перьев трех видов соколов – кречета (*Falco rusticolus* L., 1758), балобана (*F. cherrug* J.E. Gray, 1834), сапсана (*F. peregrinus* Tunstall, 1771) – и одной гибридной особи (*F. rusticolus* × *F. cherrug*), что является продолжением нашего исследования особенностей микроструктуры контурного пера соколообразных [1–3].

В последние десятилетия все три сокола относятся к тем редким видам хищных птиц, наибольший ущерб популяциям которых наносит браконьерский отлов с целью контрабандного вывоза за пределы России. Балобан, кречет, сапсан – ценные виды ловчих птиц. До настоящего времени охота с ловчими птицами (соколиная охота) остается одной из самых популярных и дорогих элитарных охот; спрос на взятую из природы птицу очень высок, хотя в мире существует много питомников, специализирующихся на разведении хищных птиц. Несмотря на законодательные ограничения и активную работу государственных природоохранных служб, лишь четвертая часть незаконно отловленных птиц изымается при попытках

Фото 1. Балобан. Фото В.Г. Бабенко
Photo. 1. Saker Falcon. Photo by V.G. Babenko

пересечения границы Российской Федерации [4]. Неконтролируемое массовое изъятие из природы привело к резкому сокращению численности ценных видов ловчих соколов и сделало необходимым спасение их исчезающих популяций.

Балобан (*Falco cherrug*) (фото 1) – один из наиболее популярных ловчих соколов, особенно в арабских странах. Спад его численности в России обусловлен браконьерским изъятием подросших птенцов из гнезд, отловом сетями во время миграций и неконтролируемым контрабандным вывозом. Вид внесен в Красную книгу Российской Федерации, включен в Приложение II Конвенции СИТЕС¹, в Приложение II Боннской Конвенции², Приложение II Бернской Конвенции³ [4].

Кречет (*Falco rusticolus*) (фото 2) – самый крупный из ловчих соколов, особенно ценится светлая морфа. Падение численности вида обусловлено широко практикуемым нелегальным изъятием птенцов из гнезд и отловом птиц, главным образом, во время осеннего пролета. Вид внесен в Красную книгу Российской Федерации, включен в

Фото 2. Кречет. Фото В.Г. Бабенко
Photo 2. Gyrfalcon. Photo by V.G. Babenko

¹ СИТЕС (CITES) – Конвенция о международной торговле дикими видами фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения.

² Конвенция по сохранению мигрирующих видов диких животных.

³ Конвенция по сохранению европейской дикой природы и естественных сред обитания.

Приложение I СИТЕС, в Приложение II Боннской Конвенции, в Приложение II Бернской Конвенции, в Приложения двусторонних соглашений, заключенных Россией с США и Японией об охране мигрирующих птиц [4].

Сапсан (*Falco peregrinus*) (фото 3) – не менее популярная ловчая птица, чем кречет и балобан. На большей части России вид встречается лишь спорадично. Сапсан внесен в Красную книгу Российской Федерации, в Приложение I СИТЕС, в Приложение II Боннской Конвенции, в Приложение II Бернской Конвенции. В соответствии с двухсторонними соглашениями между правительством Российской Федерации и правительствами США, Республики Корея, КНДР, Индии, Японии об охране мигрирующих (пересекающих границы стран) птиц и предотвращения исчезновения сапсан подлечит особому контролю [4].

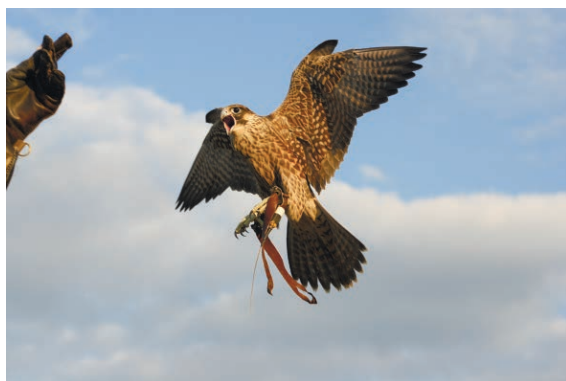

Фото 3. Сапсан. Фото В.Г. Бабенко

Photo 3 Peregrine Falcon. Photo by V.G. Babenko

Несомненно, очень важно, помимо проводимых природоохранных мероприятий, принимать радикальные меры для сохранения этих редких видов соколов. И здесь весьма актуально определить диагностические возможности микроструктуры контурного пера птиц в целях получения фактических данных, используемых при выявлении и пресечении противоправной деятельности лиц, специализирующихся на контрабанде гнездящихся в России хищных птиц.

Объекты и методы

Материалом для исследования послужили первостепенные маховые перья взрослых особей, содержащихся в питомнике хищных птиц государственного природного заповедника «Галичья Гора» (Липецкая область).

Исследовали наиболее информативные фрагменты пера – бородки первого порядка (далее – бородки I) контурной части опахала пера. Препараты бородок были приготовлены стандартным, многократно апробированным нами методом [1–3, 5–7]. Для проведения сравнительного электронно-микроскопического анализа использовали по 10–15 бородок I контурной части опахала первостепенного махового пера у одной особи каждого вида. В целом, изготовлено 214 препаратов бородок, на основании которых сделано и проанализировано 752 электронные микрофотографии (электросканограммы).

Подготовленные препараты напыляли золотом методом ионного напыления в вакууме на установке Edwards S-150A (Великобритания), просматривали и фотографировали с применением SEM JEOL-840A (Япония) при ускоряющем напряжении 15 кВ. Работа выполнена в Институте проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН.

Обсуждение

В результате исследования были выявлены характеристики, достаточно информативные для таксономической диагностики при комплексном анализе микроструктуры контурного пера. Так, в конфигурации поперечного среза нижней (базальной) части бородки I, наряду с общей для всех исследованных видов соколов уплощенной формой среза, выявлен ряд характеристик, достаточно специфичных на уровне вида и, безусловно, имеющих диагностическое значение. Например, серповидная форма вентрального гребня и слегка дугообразно изогнутая дорсальная часть на поперечном срезе бородки у балобана и кречета, при этом у кречета слабо выражен дорсальный гребень; у сапсана слабо изогнут вентральный гребень и почти не изогнута дорсальная часть, а у гибридной особи еще слабее выражена изогнутость вентрального гребня и не изогнута дорсальная часть бородки на поперечном срезе (фото 4).

Помимо этих признаков, имеются видовые особенности и в специфике расположения и степени сформированности сердцевинного слоя (сердцевины) на участке между проксимальным и дистальным выступами, отчетливо выраженными в структуре бородки на поперечном срезе. У балобана сердцевина занимает 1/4 рас-

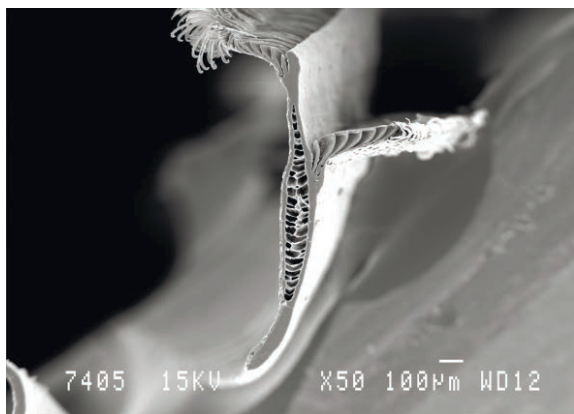

Фото 4. Поперечный срез базального участка бородки первого порядка контурной части опахала первостепенного махового пера гибридной особи. Ув. X 50. Масштаб 100 мкм

Photo 4. Section across the basal part of a barb from the pennaceous portion of a primary remex of a hybrid individual (*Falco rusticolus* x *F. cherrug*) (50×). Scale: 100 µm

стояния между проксимальным и дистальным выступами, имеет сформированную однорядную структуру. У кречета сердцевина занимает 2/3 расстояния между выступами, слабо выражена: узкое щелевидное пространство, структура не сформирована. У сапсана и гибридной особи сердцевина также занимает 2/3 расстояния, но при этом отличается вполне сформированной однорядной структурой.

Диагностическим признаком может служить и архитектура сердцевины, включающая ряд структурных особенностей конфигурации воздухоносных сердцевинных полостей, а также рельефа их стенок на поперечном и продольном срезах бородки I, по-разному выраженных у исследованных видов соколов.

В строении сердцевины базальной части бородки на поперечном срезе, наряду с общими для всех исследованных видов соколиных чертами – одно-двухрядная структура, сердцевинные полости полиморфные, полигональные, округлые или уплощенные, также выявлен ряд видоспецифических особенностей. Например, различная степень выраженности складчатости в рельефе поверхности стенок сердцевинных полостей: у балобана стенки крупноскладчатые, у кречета – сглаженные, реже крупноволнистые, у сапсана – крупноволнистые, у гибридной же особи стенки крупноволнистые, реже крупноскладчатые. Кроме того, различается характер очертаний сердцевинных полостей: у балобана края полостей неровные, складчатые или волнистые; у

кречета и сапсана края плавно изогнутые, реже слабоволнистые, при этом у сапсана сердцевинные полости отличаются более закругленными углами; у гибридной же особи края волнистые, реже плавно изогнутые.

Структура сердцевинного тяжа базальной части бородки I на продольном срезе у всех исследованных видов соколов представлена двухрядной, реже трехрядной совокупностью полигональных, полиморфных, в основном продолговатых продольно расположенных, реже округлых, сердцевинных полостей с ровными или плавно изогнутыми, реже волнистыми краями (фото 5).

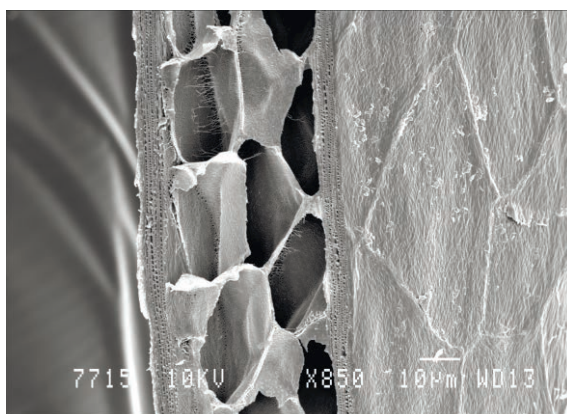

Фото 5. Серцевина на продольном срезе базального участка бородки первого порядка контурной части опахала первостепенного махового пера балобана (ув. X 850). Масштаб 100 мкм

Photo 5. Longitudinal section showing the pith inside the basal part of a barb from the pennaceous portion of a primary remex of a Saker falcon (850×). Scale: 100 µm

Стенки полостей сглаженные или крупноволнистые, реже крупноскладчатые, за исключением кречета, отличающегося более выраженной складчатостью в рельефе поверхности стенок сердцевинных полостей: стенки крупноскладчатые, реже крупноволнистые и очень редко сглаженные. Для сердцевины бородки I исследованных видов соколов характерно наличие кератиновых нитей, образующих внутренний каркас полостей, степень развития которого различается у разных видов. На поперечном срезе базальной части бородки I у балобана кератиновые нити отмечены лишь в некоторых сердцевинных полостях и представлены рядами коротких нитей или длинными нитями (единичные или сплетения); у кречета – в некоторых полостях лишь короткие нити (единичные или сплетения); у сапсана почти во всех полостях сердцевины отмечены различные совокупности ни-

тей, представленные рядами коротких нитей или с многочисленными включениями длинных тонких нитей, образующих густые сплетения; у гибридной особи нитей немного, но больше, чем у кречета, и меньше, чем у балобана: редкие включения длинных нитей или ряды мелких нитей. У всех исследованных видов соколов нити каркаса полостей на продольном срезе слабо выражены и встречаются лишь в некоторых полостях в виде групп тонких коротких нитей (ряды или редкие переплетения).

Информативно для определения видовой принадлежности маховых перьев соколов строение кутикулы бородки I. Структура кутикулярной поверхности отчетливо просматривается на всей площади обеих боковых (латеральных) сторон вентральной части бородки I – дистальной и проксимальной. Орнамент рельефа кутикулярной поверхности значительно варьирует по направлению от основания бородки – места прикрепления данной бородки к стержню пера (подопальцевая и последующая базальная части) – к ее вершине (дистальная часть). Кроме того, отмечены различия в структуре кутикулярной поверхности каждой латеральной стороны.

У балобана рельеф кутикулярной поверхности дистальной стороны в подопальцевой части ворсистый, образован мелкими кутикулярными выростами; кутикулярные клетки округлые, полиморфные, полигональные. Края клеток ровные или плавно изогнутые с утолщенными краями, вследствие чего границы между клетками хорошо заметны. Выше – в последующих, по направлению к вершине, участках бородки – орнамент кутикулярной поверхности претерпевает значительные изменения. В начале базальной части отмечено наличие ворсистого рельефа и сглаженных участков поверхности, далее кутикулярная поверхность полностью представлена сглаженным, мелковолоконистым рельефом с плотным переплетением волокон; клетки полигональные, продолговатые, продольно направленные, пяти-шестиугольные с ровными утолщенными краями. Далее по направлению к вершине рельеф более сглаженный, края слабо утолщены; полигональные продолговатые клетки более узкие, продольно удлиненные. Выше (медиальная и дистальная части) полигональные клетки нечеткой формы, углы закругляются; далее рельеф полностью сглаженный, края клеток не утолщены, границы клеток не выражены.

Рельеф кутикулярной поверхности проксимальной стороны вентральной части бородки у балобана отличается от рельефа дистальной стороны более протяженными участками ворсистой поверхности, образованной мелкими густорасположенными кутикулярными выростами, постепенно сглаживающимися по направлению к вершине бородки.

У кречета рельеф кутикулярной поверхности дистальной стороны бородки в подопальцевой части ворсистый, клетки округлые, полиморфные, полигональные, с ровными или плавно изогнутыми утолщенными краями. В начале базальной части преобладает сглаженный рельеф, редкие ворсистые участки встречаются в структуре кутикулярной поверхности только у некоторых клеток. Сглаженный мелковолоконистый рельеф образован плотно прилегающими волокнами; реже отмечены участки из рыхлой вязи переплетающихся волокон. Клетки округлые, полиморфные, пяти-шестиугольные, полигональные, с волнистыми, реже плавно изогнутыми утолщенными краями. На поверхности отдельных кутикулярных клеток слабо выражены округлые вогнутые перинуклеарные области. Далее по направлению к вершине рельеф поверхности полностью сглаженный волоконистый, без перинуклеарных областей. Выше (медиальная и начало дистальной части) кутикулярные клетки продолговатые, продольно вытянутые, с утолщенными краями; рельеф поверхности образован плотно прилегающими и переплетающимися волокнами.

Рельеф кутикулярной поверхности проксимальной стороны вентральной части бородки у кречета отличается от рельефа дистальной стороны более протяженными участками ворсистой поверхности, постепенно сглаживающимися по направлению к вершине бородки; отсутствием перинуклеарных областей; менее утолщенными краями клеток, вследствие чего границы между клетками слабо выражены; преобладанием в сглаженном рельефе рыхло переплетающихся волокон, формирующих крупноячеистую структуру поверхности. Сглаженный рельеф из плотно прилегающих и переплетающихся волокон отмечен лишь в верхних участках бородки.

У сапсана рельеф кутикулярной поверхности дистальной стороны бородки в подопальцевой части ворсистый, кутикулярные клетки округлые, полиморфные, полигональные с утолщенными плавно изо-

гнутыми краями, вследствие чего границы между клетками хорошо заметны (фото 6).

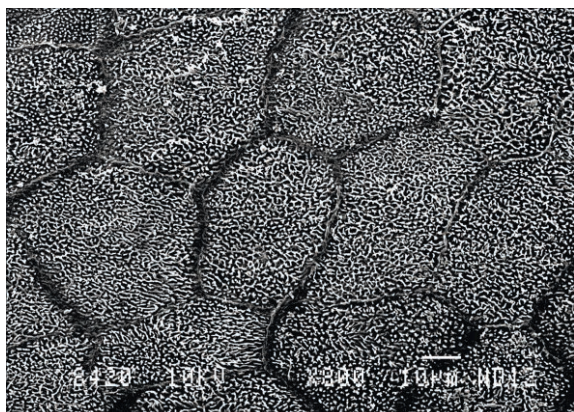

Фото 6. Кутикулярная поверхность дистальной латеральной стороны вентральной части бородки первого порядка контурной части опахала первостепенного махового пера сапсана (ув. X 800). Масштаб 10 мкм

Photo 6. Cuticular surface of the laterodistal side of the ventral part of a barb from the pennaceous portion of a primary remex of a Peregrine falcon (800×). Scale: 10 μm

В начале базальной части отмечено наличие ворсистой рельефа и сглаженных участков поверхности; клетки округлые или округло-удлиненные, приобретают более выраженную полигональную форму. Далее форма клеток более четко выражена: полигональные, в основном шестиугольные, полиморфные, с ровными или плавно изогнутыми, реже волнистыми краями. Рельеф поверхности сглаженный, образован совокупностью участков с плотным и рыхлым переплетением волокон и редкими вкраплениями мелких кутикулярных выростов. На поверхности некоторых кутикулярных клеток отмечены перинуклеарные области. Выше (медиальная и дистальная части) сглаженный рельеф кутикулярной поверхности образован плотно прилегающими и переплетающимися волокнами, клетки удлиненные, продольно расположенные; перинуклеарные области выражены слабо.

Рельеф кутикулярной поверхности проксимальной стороны вентральной части бородки у сапсана отличается от рельефа дистальной стороны более протяженными участками ворсистой структуры, образованной многочисленными кутикулярными выростами, равномерно покрывающими поверхность клеток кутикулы; при этом участки с мелкими выростами чередуются с участками густорасположенных крупных реснитчатых выростов. В начале базальной

части края кутикулярных клеток слабо утолщены, вследствие чего границы клеток выражены фрагментарно. Далее края клеток более утолщенные, границы между клетками отчетливо выделяются. Клетки кутикулы полиморфные, полигональные, продолговатые, продольно расположенные, с ровными или плавно изогнутыми краями. В структуре ворсистой рельефа отмечены редкие вкрапления небольших участков сглаженной поверхности. Выше, в верхних участках бородки, преобладает сглаженный рельеф поверхности, образованный совокупностью участков с плотным или рыхлым переплетением волокон и небольшими фрагментами ворсистой структуры. На проксимальной стороне перинуклеарные области не отмечены в отличие от дистальной стороны бородки.

У гибридной особи в подопухальцевой части дистальной стороны бородки преобладает сглаженный волокнистый рельеф кутикулы с редкими включениями слабо выраженных ворсистых участков поверхности отдельных клеток. Клетки округлые, полигональные, в основном пяти-шестиугольные с ровными или плавно изогнутыми, реже волнистыми утолщенными краями. На поверхности отдельных клеток отмечены перинуклеарные области, более четко выраженные в клетках со сглаженным рельефом. Выше рельеф кутикулярной поверхности полностью сглаженный – без ворсистых участков и перинуклеарных областей. Далее по направлению к вершине бородки клетки имеют продолговатую продольно вытянутую форму. Края клеток менее утолщены, однако их границы по-прежнему хорошо различимы.

Выше (медиальная и дистальная части) рельеф кутикулярной поверхности более сглаженный, волокнистый, клетки нечеткой формы со слабоутолщенными не сливающимися краями, обуславливающими узкие щелевидные границы между клетками. Далее рельеф кутикулы еще более сглаженный, с четко выраженной волокнистой структурой из плотно переплетенных продольно ориентированных волокон; клетки еще более удлиненной продолговатой формы, щелевидные границы между клетками слабо выражены.

Рельеф в нижней части бородки кутикулярной поверхности проксимальной стороны вентральной части бородки у гибридной особи отличается от рельефа дистальной стороны сочетанием ворсистых и

сглаженных участков поверхности, клетки здесь невыраженной формы и фрагментарными границами (в подопахальцевой области). Выше – в основном на сглаженных участках поверхности границы клеток более отчетливые. Клетки полигональные, полиморфные, продолговатые, продольно расположенные, края утолщенные, ровные, плавно изогнутые, реже волнистые. На поверхности отдельных клеток имеются слабо выраженные перинуклеарные области, более заметные на сглаженных участках кутикулы. Далее преобладает сглаженный рельеф с незначительными вкраплениями кутикулярных выростов на поверхности некоторых клеток. Продольно расположенные клетки более удлиненные, их края утолщенные, плавно изогнутые или волнистые, реже ровные. Выше, в верхних участках бородки, рельеф сглаженный, клетки удлиненной формы, продольно расположенные, с не утолщенными краями и узкими щелевидными границами; четко выражена волокнистая структура кутикулярной поверхности.

Заключение

В результате проведенного исследования особенностей микроструктуры контур-

ных перьев редких видов соколов выявлены характеристики, достаточно значимые как источник разыскной и доказательной информации. Диагностическое значение имеют степень выраженности и характер изогнутости вентрального и дорсального гребней и специфика расположения и степень сформированности сердцевин на участке между проксимальным и дистальным выступами в структуре поперечного среза базальной части бородки I. Важен тут и ряд структурных особенностей архитектоники сердцевин на поперечном и продольном срезах бородки I, включающий четко выраженную специфику конфигурации сердцевинных полостей и рельефа их стенок, а также наличие кератиновых нитей, образующих внутренний каркас полостей, степень развития которого различается у разных видов; орнамент рельефа кутикулярной поверхности, имеющий четко выраженные видоспецифические особенности.

Перечисленные характеристики тонкого строения дефинитивного первостепенного махового пера соколов могут быть использованы для надежного определения их видовой принадлежности при проведении судебно-биологической экспертизы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фадеева Е.О. Особенности тонкого строения первостепенных маховых перьев соколиных (Falconidae) // Вестник Московского государственного педагогического университета. Серия Естественные науки. 2013. № 1 (11). С. 40–46.
2. Фадеева Е.О. Особенности микроструктуры контурного пера двух представителей рода *Buteo* (*Buteo lagopus*, *Buteo buteo*) // Вестник Московского государственного педагогического университета. Серия: Естественные науки. 2014. № 1 (13). С. 52–59.
3. Фадеева Е.О., Бабенко В.Г. Особенности микроструктуры первостепенного махового пера орлана-белохвоста // Труды VI Международной конференции по соколообразным и совам Северной Евразии «Хищные птицы в динамической среде третьего тысячелетия: состояние и перспективы» (Кривой Рог, 27–30 сентября 2012 г.) Кривой Рог: Чернявский, 2012. С. 54–60.
4. Ляпустин С.Н., Фоменко П.В., Кушнirenко А.В., Исмагилова Ю.Д. Хищные птицы. Краткий справочник для сотрудников таможенных органов. Владивосток: ВФ РТА, 2006. 64 с.
5. Бабенко В.Г., Фадеева Е.О. Особенности тонкого строения пера курообразных (Galliformes) в контексте проблемы таксо-

REFERENCES

1. Fadeeva E.O. Fine Structure Particularities of the Falcons' (Falconidae) Primary Remexes. *Bulletin of the Moscow city pedagogical university = Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Series of Natural Sciences*. 2013. No 1 (11). P. 40–46. (In Russ.).
2. Fadeeva E.O. The Particularities of Microstructure of the Contour Feather of Two Representatives of Genus *Buteo* (*Buteo lagopus*, *Buteo buteo*). *Bulletin of the Moscow city pedagogical university = Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Series of Natural Sciences* 2014. No 1 (13). P. 52–59. (In Russ.).
3. Fadeeva E.O., Babenko V.G. The primaries' microstructure features of the White-tailed Eagle. *Proceedings of the 6th International Conference on Birds of Prey and Owls of North Eurasia "Birds of Prey in the Dynamic Environment of the Third Millenium: Status and Prospects"* (Kryvyi Rih, September 27–30, 2012). Kryvyi Rih, Chernyavskii, 2012. P. 54–60. (In Russ.).
4. Lyapustin S.N., Fomenko P.V., Kushnirenko A.V., Ismagilova Yu.D. *Birds of prey. Short reference book for customs officers*. Vladivostok: VF RTA, 2006. 64 p. (In Russ.).
5. Babenko V.G., Fadeeva E.O. Peculiarities of the Fine Structure of the Feather in Fowl-Like Birds (Galliformes) in the Context of the

- номической идентификации птиц // Вестник Московского государственного педагогического университета. Серия Естественные науки. 2015. № 1 (17). С. 40–46.
6. Фадеева Е.О., Бабенко В.Г. Архитектоника дефинитивного контурного пера Врановых (Corvidae) // Материалы IX Международной конференции по изучению врановых птиц Северной Евразии (Омск, 23–26 сентября 2010 г.). Омск: «Полиграфический центр» ИП Пономарева О.Н., 2010. С. 143–146.
7. Фадеева Е.О., Бабенко В.Г. Микроструктура махового пера обыкновенной сипухи (*Tyto alba* (Scopoli, 1769)) // Бюллетень МОИП. Отдел биологический. 2016. Т. 121. № 6. С. 18–24.
6. Fadeeva E.O., Babenko V.G. The definitive contour feather architectonics of the Corvidae. *Miscellanea of IX International Research and Practice Conference "Corvids of Northern Eurasia" (Omsk, September 23–26, 2010)*. Omsk: "Printing and Publishing Center" Ponomareva, 2010. P. 143–146. (In Russ.).
7. Fadeeva E.O., Babenko V.G. Microstructure of the Common Barn Owl (*Tyto alba* Scopoli, 1769) Remex. *Bulletin of Moscow Society of Naturalists. Biological Series*. 2016. Vol. 121. No 6. P. 18–24. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Фадеева Елена Олеговна – к. б. н., доцент, старший научный сотрудник лаборатории морфологических адаптаций позвоночных, Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН; e-mail: alekto@aha.ru.

Бабенко Владимир Григорьевич – д. б. н., профессор кафедры зоологии и экологии Московского педагогического государственного университета; e-mail: alekto@aha.ru.

ABOUT THE AUTHORS:

Fadeeva Elena Olegovna – Candidate of Biology, Associate Professor, Senior Researcher, Laboratory of Morphological Adaptations of Vertebrates, A.N. Severtsov Institute of Ecology and Evolution of the RAS, Moscow; e-mail: alekto@aha.ru..

Babenko Vladimir Grigor'evich – Doctor of Biology, Professor, Department of Zoology and Ecology, Moscow State Pedagogical University; e-mail: alekto@aha.ru.

Проведение судебных экспертиз в отношении амурского тигра и других животных: проблемы и пути их решения

С.В. Арамилев¹, Е.С. Киселёва¹, П.В. Фоменко²

¹ Дальневосточный филиал АНО «Центр по изучению и сохранению популяции амурского тигра», Владивосток 690091, Российская Федерация

² Амурский филиал Всемирного фонда природы, Владивосток 690003, Российская Федерация

Аннотация. На юге Дальнего Востока России с конца XX века сформировалась своя особая концепция охраны крупных млекопитающих – не только амурского тигра, но и его жертв, преимущественно копытных, а также их местообитаний. Для жесткого контроля браконьерства, контрабанды и нелегальной торговли дикими животными и их частями, применения адекватного наказания за эти правонарушения необходимы эффективные процедуры, фиксирующие факт правонарушения, и проведение качественной судебной экспертизы, являющейся одной из основ обвинения. В настоящее время подобные экспертизы в ареале амурского тигра проводятся специалистами лишь четырех организаций.

Для облегчения решения задач издана монография «Основы экспертизы диких животных», созданы ветеринарный клинико-диагностический центр для вскрытий и трупохранилище для хранения вещественных доказательств, идет создание банков биологических материалов. Однако до сих пор нет отлаженной государственной системы проведения экспертиз и исследований диких животных, их частей и дериватов. Для проведения такого рода экспертиз необходимо создание центров при специально уполномоченных органах субъектов России по охране животного мира – по аналогии с судебно-криминалистическими бюро МВД.

Ключевые слова: *судебная экспертиза объектов дикой фауны, амурский тигр, особо охраняемые виды*

Для цитирования: Арамилев С.В., Киселёва Е.С., Фоменко П.В. Проведение судебных экспертиз в отношении амурского тигра и других животных: проблемы и пути их решения // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Том 12. № 3. С. 105–109.

Forensic Investigation of Crimes Against the Amur Tiger and Other Animals: Problems and Solutions

Sergei V. Aramilev¹, Elena S. Kiseleva¹, Pavel V. Fomenko²

¹ Far Eastern Branch of the Center for the Study and Preservation of the Amur Tiger Population, Vladivostok 690091, Russian Federation

² Amur Branch of WWF Russia, Vladivostok 690003, Russian Federation

Abstract. The late 20th century saw the development of a new special framework for the conservation of large mammals – both tigers and their prey, mostly ungulates, – along with their habitats in the Far East of Russia. Tightening controls on poaching, illicit trafficking and trade in wild animals and their parts, as well as enforcement of adequate penalties for these crimes rely on effective crime detection procedures and quality forensic investigation, which provides important grounds for prosecution. There are currently only four organizations conducting such forensic investigations within the geographic range of the Amur tiger.

Efforts to facilitate forensic assistance have included production of the monograph “The Basics of Wildlife Forensics”, establishment of a veterinary treatment and diagnostic center for post-mortem examinations and a carcass storage facility for preservation of forensic evidence, and ongoing work to create biorepositories.

However, there is still no streamlined system for state-supported forensic investigation of crimes against wildlife and forensic examinations of wild animals, their parts and derivatives.

Such examinations should be conducted by specialized centers under designated conservation authorities of the constituent subjects of the Russian Federation, similar to the forensic bureaus of the Ministry of the Interior.

Keywords: *wildlife forensics, Amur tiger, protected species*

For citation: Aramilev S.V., Kiseleva E.S., Fomenko P.V. Forensic Investigation of Crimes Against the Amur Tiger and Other Animals: Problems and Solutions. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2017. Vol. 12. No 3. P. 105–109.

С начала 90-х прошлого века своя особая концепция охраны крупных млекопитающих сформировалась на юге Дальнего Востока России. По своей сути она не является чем-то новым, в той или иной степени в ней заложен подход к использованию и охране объектов животного мира, существовавший в СССР. Основные цели и задачи ее были определены совместными усилиями государственных и общественных природоохранных организаций. Несмотря на то что усилия были направлены на охрану одного подвида млекопитающих – амурского тигра, концепция предполагала и охрану видов его жертв, преимущественно копытных, а также его местообитания. Таким образом, сформировался комплексный подход к охране уникальной природы юга Дальнего Востока, индикатором состояния которой являются пространственно-количественные характеристики популяции амурского тигра.

Благодаря развитию данной концепции были изменены основы охраны редких видов животных в России. Так, до недавнего времени животные были разделены на три категории: включенные в Красные книги (РФ и региональные), охотничьи и не охотничьи. Во вступившей в силу с июля 2013 года статье 258.1 УК РФ была определена четвертая категория – особо ценные объекты животного мира, принадлежащие к видам, занесенным в Красную книгу РФ и (или) охраняемым международными договорами нашей страны. Таким образом, изменение природоохранного законодательства с целью сохранения амурского тигра в равной степени отразилось на популяциях переднеазиатского леопарда, снежного барса, белого медведя, сайгака и других редких видов животных.

Создание особой концепции охраны в ареале амурского тигра стало ответом на увеличение после распада СССР нелегальной торговли дикими животными и растениями, их частями и производными.

Стремительному росту подобного нелегального бизнеса способствовала не только сложившаяся в стране социально-экономическая ситуация, но и иные причины. Высокое биологическое разнообразие региона, географическая близость к странам Восточной Азии – традиционным потребителям товаров животного и растительного происхождения, повышение спроса и платежеспособности в странах-потребителях. Произошел, в силу внешних и внутренних причин, развал пушного промысла, пантового оленеводства и звероводческого хозяйства – системообразующих видов производственной деятельности населения сельской местности. При этом определенная часть населения, ранее занимавшаяся охотой, переориентировалась на незаконную добычу животных, в том числе амурского тигра, для последующего сбыта их частей тела и производных перекупщикам.

Благодаря изменению ситуации в России, в частности совершенствованию нормативно-правовой базы, налаживанию эффективной работы полиции, таможни и других правоохранительных органов, удалось значительно снизить уровень такого рода преступлений по сравнению с концом прошлого века. Но объем контрабандного вывоза товаров животного и растительного происхождения из России, особенно с территории Дальнего Востока, остается значительным. Объектами перемещения в основном становятся: дериваты медведей, кабарги, лягушки; редкие птицы, шкурки пушных животных, несколько реже – части тел и производные из них хищников, в том числе особо охраняемых видов. На данный момент за пределы России в общей сложности более-менее массово перемещают более тридцати видов животных и растений и около пятидесяти разновидностей их дериватов.

Для искоренения браконьерства, контрабанды и нелегальной торговли дикими

животными, частями их тел и дериватами, а также применения адекватного наказания за эти правонарушения необходимы эффективные процедуры, фиксирующие факт правонарушения, и в дальнейшем проведение качественной судебной экспертизы, являющейся одной из основ обвинения. Такие исследования необходимо проводить с использованием судебно-ветеринарных знаний, поскольку судебная экспертиза диких животных связана не столько с разрешением биологических вопросов, сколько ветеринарных и медико-криминалистических. Это отдельный вид экспертизы, направленный на помощь судебно-следственным органам в расследовании преступлений против диких животных и специальным уполномоченным органам в расследовании административно-правовых нарушений в области охраны дикой природы.

В силу ряда причин в настоящее время основная масса судебных экспертиз и исследований при преступлениях в отношении объектов дикой фауны в ареале амурского тигра проводится разнопрофильными специалистами, работающими в Центре «Амурский тигр», WWF России, Приморской государственной сельскохозяйственной академии и Центральном экспертно-криминалистическом таможенном управлении. Ежегодно в этих организациях проводится более сотни экспертиз в отношении диких животных, их частей и дериватов. Только С.В. Арамилев и П.В. Фоменко с 2005 по апрель 2017 года провели 86 специальных судебно-биологических экспертиз и исследований, на основе которых были возбуждены уголовные дела и вынесены судебные решения, связанные с амурским тигром.

Основная проблема, с которой мы столкнулись в первые годы экспертной практики, заключалась в том, что в тот момент экспертизы объектов дикой фауны как вида судебной экспертизы не существовало. Это приводило к сложностям как при назначении экспертизы, так и при подтверждении ее результатов в ходе судебных слушаний. Для облегчения решения общих задач в 2012 году был выпущен обобщающий труд «Основы экспертизы диких животных» [1], который помог закрепить теоретическую базу данных экспертиз и стал методическим руководством при их проведении.

Не менее важной проблемой являлось отсутствие места проведения подобных экспертиз, так как в 2005 году специализированной лаборатории в ареале амурского

тигра не существовало. Частично этой цели удовлетворяли ветеринарные лаборатории, но даже их нельзя было использовать из-за ограничивающих внутренних нормативно-правовых документов специально уполномоченных органов в области ветеринарии, в ведении которых находились данные лаборатории. Усилиями многих общественных природоохранных организаций, в том числе Центра «Амурский тигр», WWF России и Приморской государственной сельскохозяйственной академии, в 2008 году началось создание Ветеринарного Клинико-диагностического центра по изучению болезней крупных животных, включая амурского тигра и дальневосточного леопарда. Создание подобного центра было отражено в «Стратегии сохранения амурского тигра в Российской Федерации», утвержденной распоряжением Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 02.07.2010 № 25-р, и в «Плане действий...» к ней. К 2013 году ветеринарный центр обрел современный вид. В нем есть лаборатория для проведения первичных анализов крови, мочи и других биологических тканей и производных организма, операционный зал, где проводится вскрытие или лечение. Через стекло за процессом могут наблюдать заинтересованные лица, включая представителей СМИ, учебный компьютеризированный класс на 25 мест с возможностью просмотра видео на экране, в том числе и из операционного зала. С 2008 г. по настоящее время здесь проходит вскрытие практически всех трупов леопарда и тигра.

Существовала проблема временного хранения вещественных доказательств в рамках уголовных дел и доследственных проверок. Трупохранилищ для животных в ведении МВД нет до сих пор. Дознаватели и следователи вынуждены передавать трупы животных и их части на ответственное хранение сторонним лицам или в зимнее время хранить на открытом воздухе. Это зачастую приводило либо к уничтожению вещественных доказательств под различными предлогами либо неизъятию, к примеру шкуры, с места происшествия. После проведения экспертизы дознаватель или следователь обязаны забрать останки и хранить до приговора или принятия иного решения по делу, что всегда создавало определенные трудности. В связи с этим было принято решение оборудовать трупохранилище на территории ветеринарного центра, что су-

щественно облегчило ведение расследования. На данный момент это рефрижераторный контейнер емкостью 20 тонн, находящийся под охраной Росгвардии.

При проведении экспертиз и исследований тех видов животных, насильственная смерть которых подпадает под действие ст. 258.1 или 258 УК РФ, возникают правовые коллизии, связанные с первоочередностью проведения исследований с тушами животных. Зачастую законодательство в области ветеринарии противоречит Уголовно-процессуальному кодексу. Так, согласно Закону «О ветеринарии» от 14 мая 1993 г. № 4979-1-ФЗ (в редакции от 03.07.2016) туша животного, у которого обнаружено опасное заболевание, подлежит уничтожению, а если это улика в уголовном деле, то она должна храниться до судебного решения. Но нередко в хранилищах нет условий для хранения частей тела животных, тем более имеющих при жизни смертельно опасные заболевания, в том числе для человека. В связи с этим необходимо утвердить единый протокол вскрытия подобных животных и хранения их останков для недопущения утери ценных сведений, которые могут изобличить преступника или позволят получить научные данные.

Труп амурского тигра, ввиду очевидной малочисленности вида, представляет большой научный интерес. Но законодательно отбор проб для нужд научных исследований не прописан, поэтому отбор проб экспертами и специалистами при исследовании редких видов животных, занесенных в Красную книгу РФ или подпадающих под действие конвенции СИТЕС, зачастую не производится, и ученые не получают ценные сведения. В случае если ученые допускаются к проведению экспертизы и отбирают пробы самостоятельно, либо пробы им передает эксперт, то они нарушают существующие нормативно-правовые акты, и по сути их действия незаконны. Если следовать букве закона, то деятельность большинства ученых должна подпадать под действие ст. 258.1 УК РФ. А в случае участия иностранных специалистов и последующего исследования отобранных проб за пределами Российской Федерации будет применяться уже ст. 226.1 УК РФ, что влечет более серьезные последствия. Существует несколько подходов к правовой легализации частей тела животных, находящихся в научных и иных учреждениях на хранении или исследовании. Наиболее бесконфликт-

ное правоприменение ст. 258.1 в процессе научной деятельности обеспечивает разработанная заинтересованными ведомствами концепция государственных банков биологических материалов, организационно-правовые принципы функционирования которых позволяют не только обеспечить выполнение нормы закона, но и повысить прозрачность, воспроизводимость и достоверность получаемых научных результатов и экспертных заключений в интересах охраны данных видов животных [2]. Создание таких банков поможет решить и проблему проведения генетических исследований при экспертизе амурского тигра.

Сейчас у специалистов нет трудностей при видовой и индивидуальной идентификации, определения пола и родственных связей амурского тигра. Соответствующие методики давно существуют и успешно работают [3]. Но набор праймеров, необходимый для проведения экспертиз, есть не во всех научно-исследовательских лабораториях. Кроме того, исходя из расходных материалов, стоимость исследования одной пробы или двадцати пяти – одинаковая. По этим причинам в ходе расследования либо отказываются от проведения подобных экспертиз, либо в случае их назначения затягивается ход расследования, что в соответствии ст. 258.1 и 258 УК РФ иногда приводит к превышению срока давности в два года.

Приходится констатировать, что на данный момент нет отлаженной государственной системы проведения экспертиз и исследований в отношении диких животных, их частей и дериватов. Не апробированы и не выстроены взаимоотношения по финансированию экспертиз. В настоящее время все экспертизы такого плана в ареале обитания амурского тигра проводятся за счет средств Центра «Амурский тигр» или WWF России.

Область применения судебной экспертизы существенно расширилась в связи со значительными изменениями Уголовного кодекса и Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (введение ст. 258.1 «Незаконные добыча и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации»; существенное дополнение ст. 226.1 «Контрабанда сильнодействующих, ядовитых, отравляющих,

взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия или его основных частей ... а равно стратегически важных товаров и ресурсов или культурных ценностей либо особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов»). Но органы МВД расследовать дела по данным статьям не могут без проведения специальных исследований диких животных и соответствующих экспертиз. Изменения в КоАП РФ, внесенные Федеральным законом РФ от 23.07.2013 № 201-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», по сути обязали службы охотничьего надзора для

доказывания фактов незаконной охоты на копытных животных применять такого рода экспертизы. В связи с чем необходимо создание центров при специально уполномоченных органах субъектов России по охране животного мира (по аналогии с судебно-криминалистическими бюро МВД) для проведения специальных экспертиз.

От качества экспертиз, которые ложатся в основу доказательства вины, зависят как судьбы людей, так и возможности выживания животных и растений, находящихся на грани вымирания. Мы подошли к рубежу, когда необходимо решать задачи проведения экспертиз объектов дикой фауны на ином, более качественном и ответственном уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дмитриева О.А., Фоменко П.В., Арамилев С.В. Основы экспертизы диких животных. Владивосток: Апелсин, 2012. 127 с.
2. Щелканов М.Ю., Галкина И.В., Арамилев С.В., Суворый А.Л., Фоменко П.В., Журавлёв Ю.Н. Дальневосточный банк биологических материалов от крупных кошачьих (Pantherinae) как инструмент совершенствования практики применения статей 226.1 и 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 1. С. 146–153. DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(1).146-153.
3. Luo S.-J., Kim J.-H., Johnson W.E., van der Walt J., Martenson J. et al. Phylogeography and Genetic Ancestry of Tigers (*Panthera tigris*) // PLoS Biol. 2004. Vol. 2. Issue 12. P. 2275-2293. DOI:10.1371/journal.pbio.0020442.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Арамилев Сергей Владимирович – к. б. н., директор Дальневосточного филиала АНО «Центр амурский тигр»; e-mail: s.aramilev@yandex.ru

Киселёва Елена Сергеевна – заместитель директора Дальневосточного филиала АНО «Центр амурский тигр»; e-mail: e.kiseleva@amur-tiger.ru

Фоменко Павел Васильевич – руководитель отдела сохранения биоразнообразия, Амурский филиал WWF России; e-mail: pfomenko@wwf.ru.

REFERENCES

1. Dmitrieva O.A., Fomenko P.V., Aramilev S.V. *Bases of examination of wild animals*. Vladivostok: Apel'sin, 2012. 127 p. (In Russ.).
2. Shchelkanov M.Yu., Galkina I.V., Aramilev S.V., Surovyi A.L., Fomenko P.V., Zhuravlev Yu.N. Far Eastern Bank of Biological Materials from big cats (Pantherinae) as an improvement tool of the practice of enforcement of Articles 226.1 and 258.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*. 2017. Vol. 11. No. 1. P. 146–153. DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(1).146-153. (In Russ.).
3. Luo S.-J., Kim J.-H., Johnson W.E., van der Walt J., Martenson J. et al. Phylogeography and Genetic Ancestry of Tigers (*Panthera tigris*). *PLoS Biol*. 2004. Vol. 2. Issue 12. P. 2275-2293. DOI:10.1371/journal.pbio.0020442.

ABOUT THE AUTHORS:

Aramilev Sergei Vladimirovich – Candidate of Biology, Director of the Far Eastern Branch of «Amur Tiger Center»; e-mail: s.aramilev@yandex.ru

Kiseleva Elena Sergeevna – Deputy Director of the Far Eastern Branch of «Amur Tiger Center»; e-mail: e.kiseleva@amur-tiger.ru

Fomenko Pavel Vasil'evich – Head of the Rare Species Conservation Unit, WWF Russia Amur Branch; e-mail: pfomenko@wwf.ru.

Актуальные проблемы сотрудничества европейских государств в сфере внутренних дел и юстиции по линии экспертно-криминалистической и оперативно-разыскной деятельности

И.Э. Никитина

Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, Москва 109028, Российская Федерация

Аннотация. Обсуждено решение Европейского союза по созданию первого наднационального правоохранительного органа – Европейского бюро прокуроров, дано разъяснение понятия «наднационализм». Приведены основания для разработки стратегического плана мероприятий по взаимодействию Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Европейского бюро прокуроров по обеспечению эффективного надзора за судебно-экспертной и экспертно-криминалистической деятельностью, за исполнением законов органами предварительного расследования при осуществлении криминалистической и оперативно-разыскной деятельности и для использования специальных знаний в деятельности по предупреждению, раскрытию и расследованию транснациональных преступлений. С принятием обновленной стратегии развития международного сотрудничества в указанной области особое внимание в европейских государствах стало уделяться вопросам экспертной инициативы, экспертной профилактики и экспертному прогнозированию.

Ключевые слова: *транснациональная преступность, предупреждение, раскрытие и расследование преступлений, экспертная инициатива, экспертная профилактика, экспертное прогнозирование*

Для цитирования: Никитина И.Э. Актуальные проблемы сотрудничества европейских государств в сфере внутренних дел и юстиции по линии экспертно-криминалистической и оперативно-разыскной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Том 12. № 3. С. 110–118.

Current Issues in Justice and Home Affairs Cooperation between EU Member States Pertaining to Forensic Services and Investigative Operations

Irina E. Nikitina

The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow 109028, Russian Federation

Abstract. The paper discusses the EU's decision to establish the first supranational law enforcement body – the European Public Prosecutor's Office (EPPO) – and further articulates the notion of “supranationalism”. The author argues for the need to develop a strategic plan for interaction between the Prosecutor General's Office of the Russian Federation and the EPPO to ensure effective oversight over the practice of forensic science and criminalistics, lawfulness of the actions of preliminary investigation units conducting forensic and search operations, and the use of specialized knowledge in transnational crime prevention, detection and response. Adoption of an updated strategy for international cooperation in this field has prompted national jurisdictions to place greater emphasis on the issues of the expert's initiative, proactive forensics, and predictive forensics.

Keywords: *transnational crime, crime prevention, crime detection and investigation, expert's initiative, preventive forensics, predictive forensics*

For citation: Nikitina I.E. Current Issues in Justice and Home Affairs Cooperation between EU Member States Pertaining to Forensic Services and Investigative Operations. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2017. Vol. 12. No 3. P. 110–118.

Рост транснациональной преступности, связанный с научно-техническими, экономическими и социальными явлениями, происходящими в глобализирующемся мире, обусловил необходимость изменения стратегии международного сотрудничества европейских государств в сфере внутренних дел и юстиции по линии экспертно-криминалистической и оперативно-разыскной деятельности, в первую очередь пересмотр концептуальных основ такого сотрудничества.

До 1990-х годов правоохранные органы государств были сосредоточены на реагировании на совершенные преступления. Оперативно-разыскная и экспертно-криминалистическая деятельность были в основном сфокусированы на оказании помощи следственным подразделениям для повышения эффективности расследования преступлений. С развитием упреждающих и стратегических подходов особенностью сотрудничества международных организаций по этой линии становится деятельность по предупреждению преступлений. Конкретным воплощением данного процесса стали многосторонние договоры и другие международные акты.

Международное сотрудничество в сфере внутренних дел и юстиции отличается от сотрудничества в борьбе с преступностью созданием учреждений, обладающих *наднациональными* полномочиями. Это явление получило название *наднационализм*. При этом главным методом правового регулирования становится наднациональный метод регулирования общественных отношений, реализуемый в основном в международно-правовых нормах [1, с. 106]. Сущность наднациональности определяется национальными интересами государств-участников – первичных субъектов международного права, создавших международную организацию с целью достижения своих государственных интересов [2, с. 11–12].

Что касается правоохранительной деятельности, то на современном этапе в Европейском союзе (ЕС) наблюдается тенденция появления самостоятельной организационно-правовой формы взаимодействия государств в сфере внутренних дел и юстиции, что выражается в учреждении и деятельности специальных правоохранных структур, наделяемых полномочиями, ранее характерными для внутригосударственных правоохранительных органов, такими, например, как возбуждение уголов-

ных дел, проведение расследований, участие в работе объединенных следственных бригад, проведение оперативно-разыскных мероприятий. Все это свидетельствует о формировании в ЕС системы наднациональных международных правоохранных органов, которым передается ряд функций государственной власти.

9 июня 2017 года министры юстиции 20 стран – членов ЕС приняли решение о создании Европейского бюро прокуроров, которое будет иметь полномочия при определенных условиях расследовать преступления, затрагивающие финансовые интересы ЕС, особенно мошенничество, а также поддерживать обвинение в суде [3]. Планируется, что организация будет иметь коллегиальную двухуровневую структуру, ее штаб-квартира расположится в Люксембурге, в штате будет 115 человек, при этом не менее половины из них – сегодняшние сотрудники Европейского правового агентства (Евроюста) и Европейского бюро по борьбе с мошенничеством. Второй уровень составят делегированные странами прокуроры, которые будут располагаться в государствах – членах и в чьи обязанности будет входить проведение уголовных расследований и поддержание обвинения в суде в соответствии с законодательством ЕС и законодательством данного государства-члена.

Министр юстиции Эстонии Урмас Рейнсалу (Urmas Reinsalu) подчеркнул, что «впервые будет создан орган правосудия с трансграничными полномочиями по обеспечению законодательства» [4]. В связи с его созданием возникает необходимость разработки стратегического плана мероприятий по взаимодействию Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Европейского бюро прокуроров по обеспечению эффективного надзора за судебной-экспертной и экспертно-криминалистической деятельностью, за исполнением законов органами предварительного расследования при осуществлении криминалистической и оперативно-разыскной деятельности, а также для активного использования специальных знаний в деятельности по предупреждению, раскрытию и расследованию транснациональных преступлений.

Таким образом, международное сотрудничество в сфере внутренних дел и юстиции можно определить как совокупность отношений между государствами и созданными ими международными организациями, основанную на общепризнанных принципах

и нормах международного права, международных договорах и других правовых актах. Эти отношения направлены на объединение усилий по предотвращению и профилактике преступлений, а также их раскрытию и расследованию, включая деятельность по созданию объединенных органов расследования и проведению совместных операций; обеспечение международного правопорядка, деятельности органов международной юстиции; защиту личности, общества и государства.

В связи с изменением стратегии развития международного сотрудничества государств по этой линии особую актуальность приобретает использование специальных знаний в судебно-экспертной деятельности. В целях поддержания правопорядка и безопасности особая роль отводится экспертной инициативе, экспертному прогнозированию и экспертной профилактике.

В рамках экспертной деятельности должны решаться следующие задачи предупреждения правонарушений [5, с. 364]:

- разработка приемов и методов выявления причин и условий, способствующих совершению преступлений и административных правонарушений;
- выявление объектов профилактического воздействия в рамках экспертной специальности;
- определение комплекса оптимальных мер профилактического воздействия.

Особую роль специальные знания приобретают в связи с террористической угрозой мировому сообществу, когда международным правоохранительным организациям необходимо сконцентрировать усилия на предотвращение террористических атак и иных преступлений. В этих условиях ориентирующая информация, полученная посредством применения специальных знаний оперативным подразделением, послужит действенным средством профилактики и предотвращения преступлений.

Пункт 2 ст. 204 УПК предусматривает, что в случае «если при производстве судебной экспертизы эксперт установит обстоятельства, которые имеют значение для уголовного дела, но по поводу которых ему не были поставлены вопросы, то он вправе указать на них в своем заключении». Более того, если при исследовании объектов, предоставленных на экспертизу, будут выявлены факторы, которые способствовали совершению преступления, то эксперт вправе составить информационное пись-

мо с предложением корректировки тактики расследования определенных видов преступлений. «При подготовке предложений подготавливается детальная информация о выявленных условиях, способствующих совершению преступлений, аргументированное обоснование рекомендуемых мер. В необходимых случаях прилагаются схемы, чертежи, фотоснимки»¹.

В теории судебной экспертизы проблемы экспертной профилактики обсуждаются еще с прошлого столетия. Так, в 1991 г. профессором И.А. Алиевым сформулирована теория экспертной профилактики – сложного системного образования, основу которого «составляет деятельность экспертов, которые на базе своих специальных познаний выявляют обстоятельства, фигурирующие в качестве условий, а иногда и причин совершения преступлений. Выявление подобных обстоятельств может осуществляться как в процессе производства экспертизы, так и в ходе обобщения экспертной практики по мере ее накопления. Во всех указанных случаях выявленные в условиях применения специальных экспертных познаний обстоятельства служат основой для разработки экспертами рекомендаций профилактического характера, направленных на устранение этих обстоятельств в будущем...» [6, с. 214]. Принимая во внимание доктринальную позицию И.А. Алиева, экспертную профилактику можно определить как сложно взаимосвязанное системное образование, основу которого составляет деятельность судебных экспертов, выявляющих на основе своих специальных знаний обстоятельства, фигурирующие в качестве условий, а иногда и причин совершения преступлений [7].

Приказом МВД РФ от 01.06.1993 № 261 (ред. от 11.01.2009) «О повышении эффективности экспертно-криминалистического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации», в частности п. 1.3.9 Приложения к Приказу «Наставление по работе экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел», на экспертно-криминалистические подразделения органов внутренних дел Российской Федерации возложена обязанность «выявления на основе анализа материалов экспертной практики и иных

¹ Приказ МВД России от 1 июня 1993 г. № 261 «О повышении эффективности экспертно-криминалистического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

форм деятельности экспертно-криминалистических подразделений условий, способствующих совершению преступлений, и разработка предложений, направленных на их устранение».

В соответствии с положениями раздела 4 Приложения к Приказу «Наставление по работе экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел» основными направлениями работы экспертно-криминалистических подразделений по предупреждению преступлений являются:

- выявление условий, способствующих совершению преступлений, на основе анализа и обобщения практики производства экспертиз, участия в следственных действиях, применение криминалистических средств и методов по заданиям оперативных аппаратов;
- определение возможных способов совершения преступлений с учетом использования преступниками технических средств и конструктивных недостатков мест хранения материальных и денежных средств;
- участие в обучении должностных лиц соответствующих министерств и ведомств способам распознавания фактов преступных проявлений, связанных с подделкой документов, ценных бумаг, вскрытием пломб, запирающих устройств и т. п.;
- участие в мероприятиях других подразделений органов внутренних дел в случае необходимости применения криминалистических средств для фиксации фактов противоправного поведения отдельных лиц, бесхозяйственности и т. п.

Анализ и обобщение экспертной практики в целях выявления и устранения условий, способствующих совершению преступлений, проводится по:

- объектам исследования (видам вещественных доказательств) – в целях определения круга объектов, защита которых должна быть улучшена, а надежность – повышена;
- способам совершения преступлений – в целях их изучения и разработки средств, применение которых исключит возможность или затруднит совершение новых преступлений аналогичными способами, а также средств, повышающих возможность раскрытия этих преступлений;
- видам преступлений – в целях разработки рекомендаций, имеющих значение для предупреждения определенных категорий преступлений.

Основными принципами организации профилактической деятельности экспертно-криминалистических подразделений являются:

- плановость;
- обеспечение контроля за осуществлением профилактических мероприятий;
- налаживание взаимодействия экспертно-криминалистических подразделений со следственными и оперативными службами при осуществлении профилактической деятельности;
- целесообразность и приемлемость (прежде всего с экономической точки зрения) профилактических рекомендаций и предложений.

Профилактическая экспертная деятельность осуществляется в процессуальной и непроцессуальной формах.

В процессуальной форме эксперт выполняет свою профилактическую функцию в двух направлениях. Во-первых, участвуя в следственных действиях в качестве специалиста, во-вторых, при производстве экспертиз.

Для непроцессуальной формы экспертной профилактики характерны следующие виды деятельности:

- справочно-консультационная деятельность;
- обобщение и анализ экспертной практики;
- изучение и обобщение практики применения криминалистических средств и методов;
- участие в правовой пропаганде;
- проведение теоретических и экспериментальных исследований;
- проведение занятий с должностными лицами соответствующих министерств, ведомств с целью обучения способам распознавания противоправных фактов.

В целом в профилактической деятельности, осуществляемой как в процессуальной, так и непроцессуальной формах, могут быть выделены четыре стадии:

- выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступлений;
- разработка и обоснование профилактических предложений;
- внедрение разработанных предложений;
- выяснение хода реализации профилактических предложений [8].

Предложения эксперта профилактического характера адресуются исключительно органу, назначившему экспертизу, и их

реализация отдается на усмотрение этого органа, что не совсем отвечает потребностям профилактики преступлений, т. к. орган, назначивший экспертизу, не обязан уведомлять эксперта о реализации его профилактических предложений.

Реализация профилактических предложений эксперта приобретает совершенно иное значение в экстремальных условиях, поскольку любое промедление может привести к тяжким последствиям, особенно при террористических атаках. Речь идет о выявлении в процессе производства экспертизы определенных обстоятельств, которые требуют их незамедлительного устранения, так как они свидетельствуют о существующей угрозе жизни и здоровью людей, причинении значительного материального ущерба и т. п. Например, высокая вероятность повторного теракта при несоблюдении элементарных рекомендованных экспертами мер безопасности. Возможно, в условиях глобальной террористической угрозы эксперту должно быть предоставлено право сообщать о выявленных обстоятельствах не только органу, назначившему экспертизу, но и непосредственно по месту принятия необходимых профилактических мер – руководителю ведомства, учреждения или предприятия – с обязательным уведомлением как органа, назначившего экспертизу, так и эксперта о принятых мерах [7].

Таким образом, проблемные вопросы применения экспертной профилактики требуют законодательной регламентации, в частности в законе «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Принимая во внимание, что повышение эффективности предупреждения, раскрытия и расследования преступлений связано с применением специальных знаний, концептуально обоснованным представляется процессуальное регламентирование и теоретическая разработка системы знаний по экспертному прогнозированию и инициативе. Судебно-экспертную деятельность можно представить в виде логической последовательности, где все элементы взаимообусловлены и взаимосвязаны (см. схему), т. е. находятся в прямых

и обратных связях в достижении желаемого результата [9, с. 139–146].

Экспертную инициативу можно определить как деятельность, не предусмотренную экспертным заданием, основывающуюся на специальных знаниях и опыте, осуществляемую посредством проведения экспертиз и исследований, прогнозирования, профилактики, формирования, ведения, автоматизации и использования криминалистических баз данных и учета и направленную на установление новых обстоятельств уголовного дела. Это начальный этап деятельности по предупреждению и профилактики преступлений, который предполагает активную деятельность ее субъектов. Экспертная инициатива может быть проявлена судебным экспертом при следующих условиях:

- наличии у эксперта внутреннего побуждения к новым формам деятельности, его способности к самостоятельным решениям;
- тщательном изучении экспертом всех сторон, свойств и признаков исследуемых объектов, выявлении тех из них, которые связаны с новыми обстоятельствами, содержащими информацию, ранее неизвестную органам предварительного расследования и суду;
- эксперт выходит за рамки поставленных перед ним вопросов;
- он обладает достаточным уровнем профессиональной подготовки и опытом работы²;
- эксперт спрогнозировал возможности совершения новых преступлений и выявил те признаки в исследуемых объектах, которые способствуют их совершению [9].

Возможности судебно-экспертной профилактической деятельности связаны с прогностическими рекомендациями, в связи с чем ведущими направлениями развития частной теории экспертной профилактики являются разработка методов экспертного прогнозирования, определение

² Именно эти качества способствуют проявлению инициативы. См.: «Экспертное прогнозирование, его виды». URL: <http://xn--80aaivfyj3e.com/osnovyimenedjmenta/ekspertnoe-prognozirovanie-ego-160286.html> (дата обращения: 30.05.2017).

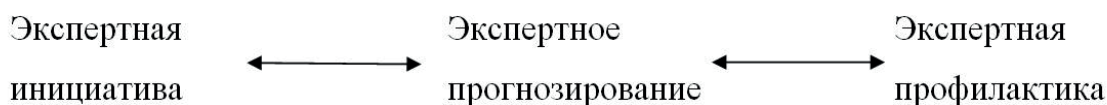

Схема. Элементы судебно-экспертной деятельности
Figure. Elements of forensic work

его актуальных направлений и разработка научных основ методик прогнозирования различных областей судебно-экспертного знания [5].

Не менее важным становится сотрудничество правоохранительных органов в сфере судебно-экспертной профилактики. В большинстве случаев судебные эксперты собирают нужную информацию, создают и ведут специальные криминалистические базы данных и учетов в целях оказания содействия правоохранительным органам по раскрытию и расследованию преступлений. Так, ведущие ученые из Австралийского центра судебной экспертизы (Australian Centre for Forensic Science) в сотрудничестве с федеральной полицией Австралии, университетом Лозанны (Швейцария) и Управлением ООН по наркотикам и преступности создали научно-исследовательский проект по использованию новейших достижений судебной экспертизы в профилактической деятельности по предупреждению незаконного оборота наркотиков и других тяжких преступлений.

В соответствии с позицией директора Австралийского центра судебной экспертизы профессора Клода Ру (Claude Roux) «приблизительно пять процентов изъятых следов с мест преступлений предоставляется в судебное заседание, в то время как основной массив криминалистической информации практически не используется», в связи с чем целесообразно дальнейшее его использование в упреждающих целях для изучения закономерностей и тенденций преступной деятельности.

Так, Мари Морелато (Marie Morelato) анализировала химическую структуру образцов наркотического вещества метиламфетамина. В каждом образце присутствует активный ингредиент, а также до 30 примесей. Если так много данных только от одного образца, то можно представить, сколько будет получено от их множества. Морелато также сравнивала данные, полученные из различных изъятий наркотиков, и идентифицировала связи в их химической структуре. Используя эти данные при систематическом подходе, она обнаружила связи между элементами, которые ранее не были установлены. По ее мнению, «это важное открытие, возможно, позволит распознать место происхождения наркотиков – и даже установить обратную связь от наркотиков к их дилеру».

Судебная экспертиза, развиваясь по предложенному Клодом Ру пути, «поможет более эффективному раскрытию и расследованию преступлений, окажет неоценимую помощь практическим подразделениям правоохранительных органов в профилактике и предупреждении преступлений, а также уменьшит страх перед преступностью среди населения»³.

В начале 90-х годов прошлого столетия сформировались научные положения теории криминалистического прогнозирования, которые стали источниками экспертного прогнозирования. Без этого этапа, без представления об ожидаемом ходе развития событий невозможно принятие эффективного управленческого решения [10].

В настоящее время теория криминалистического прогнозирования – это устоявшаяся разработанная система знаний, в которой взаимообусловлены как внешние, так и внутренние связи между элементами, которые в совокупности направлены на профилактику преступлений. Что касается экспертного прогнозирования, то констатировать наличие сформировавшейся системы научного знания пока нельзя, поскольку оно находится в стадии развития и совершенствования. Экспертное прогнозирование, ориентированное в значительной степени на работу не только с количественной, но и с качественной информацией, получаемой непосредственно от экспертов, развивается по мере совершенствования электронных вычислительных средств⁴.

Теория экспертного прогнозирования должна помочь решить следующие задачи.

- Разработку приемов и методов выявления причин и условий, способствовавших совершению преступлений с учетом криминалистических особенностей.
- Выявление объектов профилактического воздействия в рамках экспертной специальности.
- Установление комплекса наиболее эффективных профилактических мер.

Перечислим основные принципы экспертного прогнозирования. Логичность – соответствие прогнозов законам формаль-

³ Forensic intelligence for crime prevention. URL: <https://www.uts.edu.au/research-and-teaching/our-research/data-science/our-research/forensic-intelligence-crime-prevention> (дата обращения: 17.07.2017).

⁴ См.: Экспертное прогнозирование, его виды. URL: <http://xn--80aavjfyj3e.com/osnovyi-menedjmenta/ekspertnoe-prognozirovanie-ego-160286.html> (дата обращения: 30.05.2017).

ной и диалектической логики. Истинность – подтверждение прогнозов конкретными результатами. Точность – определение временных и пространственных интервалов прогнозируемых явлений. Реализуемость – возможность осуществления профилактических действий на основе экспертного прогноза. Целесообразность – организация процесса деятельности в соответствии с поставленной целью. Конкретность – учет всех условий, при которых будет реализовываться экспертный прогноз, а также учет всех реальных связей и взаимодействий, существенных свойств прогнозируемого объекта, тенденций его развития [5]. Надежность – позволяет проводить исследования более точным доказательным путем. Эффективность – получение определенного материального эффекта от реализации прогноза.

Принимая во внимание, что экспертное прогнозирование логически последовательно выступает в качестве деятельности судебно-экспертных учреждений по реализации специальных знаний и представляет собой алгоритм определенных действий при заданных условиях, обоснованно говорить об общей методике экспертного прогнозирования, включающей подготовительную и прогнозируемую стадии⁵.

На подготовительной стадии определяется объект прогнозирования, его параметры и основные характеристики. Намечается прогностическая область работы, в которой изучается объект прогнозирования и формируется прогноз о его будущем состоянии либо явлении с его участием. Разрабатываются координационный план и основание для прогнозирования.

Прогнозирующая стадия представляет собой деятельность по формированию экспертного прогноза, и включает прогнозную ретроспекцию, прогнозный диагноз, проспекцию⁶, построение прогнозной модели, эксперимент, разработку прогнозного варианта и прогнозной альтернативы, верификацию прогноза, его корректировку и синтез прогнозов (в случае моделирования нескольких прогнозных моделей с целью

последующего синтезирования и получения комплексного результата) [8].

В целях успешного решения задач предотвращения преступлений субъекты экспертного прогнозирования должны быть обеспечены передовыми научно-техническими средствами и владеть методами, позволяющими осуществлять экспертное прогнозирование, проявляя экспертную инициативу, иметь возможность знакомиться с зарубежным опытом, а также сотрудничать с органами предварительного следствия и судом. Эксперту необходимо предоставить возможность ознакомления с технической и иной документацией по тому или иному объекту экспертного исследования. Обоснованной представляется разработка специальных – в целях прогнозирования – баз данных, которые характеризуются как производственно-технологическими, так и криминалистическими признаками и свойствами.

Экспертную инициативу, прогнозирование и профилактику следует воспринимать не только как деятельность, но и как систему научного знания по непроцессуальным формам судебно-экспертной деятельности с глубокими теоретическими исследованиями. Целесообразно ее включение в систему профессиональной подготовки экспертных кадров.

В связи с изложенным особая роль в мире отводится стратегии развития сотрудничества судебно-экспертных учреждений европейских стран, которое в настоящее время осуществляется на следующих уровнях:

- между странами (ЕС, Совет Европы, Интерпол, Европол);
- между неправительственными организациями (Европейская сеть криминалистических учреждений (ENFSI), полицейские академии);
- между институтами и университетами, в частности в судебно-медицинской отрасли знаний;
- компаниями (например, при аккредитации судебно-экспертных лабораторий).

На 15-м Международном симпозиуме Интерпола по судебной науке, прошедшем в октябре 2007 г. в Лионе (Франция), ряд ведущих мировых организаций – ENFSI, ASCLD (The American Society of Crime Laboratory Directors), SMANZFL (австралийские и новозеландские судебные лаборатории), Иберо-американская академия криминалистики и судебной экспертизы – под-

⁵ В настоящее время научно обоснованной методикой экспертного прогнозирования с раскрытием методологически значимых ее элементов и их содержания не разработано.

⁶ Проспекция помогает эксперту более полно осознать значение важных обстоятельств. Этот прием дает возможность эксперту сфокусировать внимание не на определенном событии, а на причинах, приведших к нему.

писали Меморандум о взаимопонимании. В документе предусматривается создание новой структуры – Международного стратегического союза по судебной науке на основе многостороннего партнерства (далее – IFSA), предусматривающего проведение совместных научных исследований, методологическое развитие и обеспечение обмена криминалистической значимой информацией, что позволит на фоне современного уровня оснащения судебных лабораторий и их сетей иметь доступ к новейшим средствам борьбы с преступностью.

Целями и задачами IFSA являются: представление общности интересов в области судебной экспертизы и криминалистики; развитие и выполнение протокольной повестки по выполнению Стратегической программы развития судебной науки; стратегическое партнерство с другими международными организациями, которые работают в данной области; поощрение обмена информацией, относящейся к опыту, знаниям, профессионализму, между специалистами международных криминалистических сетей, а также между действующими судебными экспертами.

Деятельность IFSA по укреплению общемировой роли судебно-экспертных наук в области контроля над оборотом наркотиков и предупреждения преступности получила активную поддержку со стороны Управления по наркотикам и преступности Организации Объединенных Наций, признавшей ведущую роль IFSA в деле пропаганды международных признанных стандартов качества в судебно-экспертных науках и развитии международного судебно-экспертного сотрудничества на основе инновационных методов взаимодействия [11, с. 107–108].

В качестве приоритетного направления развития сотрудничества при «завершении процесса создания евразийских региональных судебно-экспертных объединений – Евразийской ассоциации судебно-экспертных учреждений и (или) Евразийской

судебно-экспертной сети будет целесообразно поставить вопрос об их вхождении в IFSA» [12, с. 348].

Одним из документов, регламентирующих стратегию долгосрочного развития международного сотрудничества Российской Федерации в области судебно-экспертной деятельности, является Государственная программа «Юстиция», утвержденная Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 312⁷. Программа предусматривает разработку общей стратегии в сфере судебно-экспертной деятельности и модернизацию судебно-экспертных учреждений (СЭУ) Министерства юстиции Российской Федерации путем совершенствования нормативно-правового обеспечения организации деятельности СЭУ Минюста РФ; развитие международного сотрудничества в сфере судебно-экспертной деятельности в целях укрепления положения российской судебной экспертизы в мире и расширения базы знаний экспертов; прохождение аккредитации на соответствие международным стандартам; повышение авторитета СЭУ Минюста в рамках Таможенного союза, ЕАЭС, СНГ.

Основными целями развития международного сотрудничества в сфере внутренних дел и юстиции по линии экспертно-криминалистической и оперативно-разыскной деятельности является обеспечение миропорядка и безопасности, повышение эффективности деятельности правоохранительных органов в раскрытии и расследовании преступлений, их предупреждении и профилактике в нашей стране, гарантированное соблюдение прав и свобод человека, создание благоприятных условий для обмена научными достижениями и передовым опытом в данной области.

⁷ Собрание законодательства РФ. 05.05.2014. № 18 (часть II). Ст. 2158.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нешатаева Т.Н. Выбор пути Суда ЕвразЭс: правовые позиции и защита прав // Международное правосудие. 2013. № 3 (7). С. 106–117.
2. Мещерякова О.М. Наднациональность в праве Европейского Союза и проблема суверенитета. Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. 38 с.
3. Kostaki I. European Public Prosecutor's Office comes to Luxembourg. 08.06.2017 URL:

REFERENCES

1. Neshataeva T.N. The Eurasian Economic Community Court's Choice of Path: Legal Positions and Protection of Rights. *Mezhdunarodnoe pravosudie = International Justice*. 2013. No 3 (7). P. 106–117. (In Russ.).
2. Meshcheryakova O.M. *Overnationality in the law of the European Union and a sovereignty problem*. Abstract of doctoral thesis (law). Moscow, 2010. 38 p (In Russ.).
3. Kostaki I. *European Public Prosecutor's Office comes to Luxembourg*. 08.06.2017. URL:

- <https://www.neweurope.eu/article/european-public-prosecutors-office-comes-luxembourg> (accessed on 14.06.2017).
4. Вердереvский К.П. Страны ЕС согласовали создание европейской прокуратуры. URL: <http://newsforbreakfast.ru/2017/06/stani-es-soglasovali-sozdanie-evropeyskoy-prokuraturi> (дата обращения: 14.06.2017).
 5. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И., Зинин А.М. Теория судебной экспертизы (судебная экспертиология). М.: Норма: Инфра-М, 2016. 368 с.
 6. Фролова А.В. Право экспертной инициативы и экспертная профилактика в современном уголовном процессе // Проблемы техногенной безопасности и устойчивого развития. Тамбов, 2001. Вып. 2. С. 277–281.
 7. Алиев И.А. Проблемы экспертной профилактики. Баку: Азернешр, 1991. 311 с.
 8. Горошко Е.Ю., Ахраменко Т.В. Реализация не-процессуальных форм использования специальных знаний в судебно-экспертной деятельности // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D, Экономические и юридические науки. 2013. № 6. С. 216–219.
 9. Кульчицкий С.М. Экспертная инициатива – условия и формы ее реализации // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. трудов. Минск: НИИП-ККиСЭ, 1992 С. 139–146.
 10. Горшенин Л.Г. Теория криминалистического прогнозирования: дис. ...д-ра юрид. наук. Минск, 1994. 330 с.
 11. Никитина И.Э. Международное сотрудничество по уголовным делам в сфере судебно-экспертной деятельности. М.: МВД России, 2013. 198 с.
 12. Хазиев Ш.Н. Теоретические основы и организация международного сотрудничества в области судебно-экспертной деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. 462 с.
 4. Verderevskii K.P. *EU countries have coordinated creation of the European prosecutor's office*. URL: <http://newsforbreakfast.ru/2017/06/stani-es-soglasovali-sozdanie-evropeyskoy-prokuraturi/> (accessed on 14.06.2017). (In Russ.).
 5. Rossinskaya E.R., Galyashina E.I., Zinin A.M. *Theory of forensic (forensic ekspertologiya)*. Moscow: Norma: Infra-M, 2016. 368 p. (In Russ.).
 6. Frolova A.V. The right of expert initiative and expert prophylaxis in modern criminal trial. In: *Problems of technogenic safety and sustainable development*. Tambov, 2001. Issue 2. P. 277–281. (In Russ.).
 7. Aliev I.A. *Problems of expert prevention*. Baku: Azerneshr, 1991. 311 p. (In Russ.).
 8. Goroshko E.Yu., Akhramenko T.V. Realization of non-procedural forms of use of special knowledge in judicial and expert activity. *Bulletin of the Polotsk state university. Series D, Economic and jurisprudence*. 2013. No 6. P. 216–219. (In Russ.).
 9. Kul'chitskii S.M. Expert initiative – conditions and forms of its realization. *Questions of criminology, criminalistics and forensic examination: Proceedings of Belorus Scientific Research Institute of problems of criminology, criminalistics and forensic examination*. Minsk, 1992. P. 139–146. (In Russ.).
 10. Gorshenin L.G. *Theory of criminalistic forecasting*. Doctoral thesis (law). Minsk, 1994. 330 p. (In Russ.).
 11. Nikitina I.E. *The international cooperation in criminal cases in the sphere of forensic and expert activity*. Moscow: MVD Rossii, 2013. 198 p. (In Russ.).
 12. Khaziev Sh.N. *Theoretical bases and organization of the international cooperation in forensic and expert activity*: Doctoral thesis (Law). Moscow, 2016. 462 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Никитина Ирина Эдуардовна – к. ю. н., заведующая отделом научно-методического обеспечения производства экспертиз в системе СЭУ Минюста России; e-mail: onmo@sudexpert.ru.

ABOUT THE AUTHOR:

Nikitina Irina Eduardovna – Candidate of Law, Head of the Research Methodology Department for the System of State Forensic Institutions of the Russian Ministry of Justice; e-mail: onmo@sudexpert.ru

Современные методы работы со следами человека на месте тяжкого преступления в криминалистической службе полиции Израиля

Б.И. Геллер

Департамент разведки и следственных операций Главного штаба полиции Израиля, Иерусалим 91101, Израиль

Аннотация. Представлен обзор работы специалистов криминалистической службы полиции Израиля на месте происшествия. Описан алгоритм действий и современные методы выявления следов обуви, рук и ног человека на примере условного типичного преступления – убийства хозяина городской квартиры с целью ограбления.

Ключевые слова: полиция Израиля, дактилоскопия, выявление следов человека, осмотр места происшествия

Для цитирования: Геллер Б.И. Современные методы работы со следами человека на месте тяжкого преступления в криминалистической службе полиции Израиля // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Том 12. № 3. С. 119–121.

Current Methods Used by the Forensic Science Service of the Israel Police for Processing Human Prints at the Scenes of Serious Crime

Boris Geller

Latent Fingerprints Laboratory, Division of Identification and Forensic Sciences, Investigation and Intelligence Department, Israel Police National HQ, Jerusalem 91101, Israel

Abstract. The paper presents an overview of the work typically performed at the crime scene by specialists of the Forensic Science Service of the Israel Police. It describes the standard crime scene algorithm and modern methods of shoeprint, fingerprint, and bare footprint detection using the example of a hypothetical generic crime — the murder of a urban apartment owner in the course of a burglary.

Keywords: Israel Police, fingerprint analysis, detection of human trace evidence, crime scene investigation

Citation: Geller B. Current Methods Used by the Forensic Science Service of the Israel Police for Processing Human Prints at the Scenes of Serious Crime. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2017. Vol. 12. No 3. P. 119–121.

Проблема криминалистических служб всех без исключения стран заключается в том, что их сотрудники никогда не прибывают на место преступления первыми, а лишь вслед за другими лицами: родственниками, (соседями), обнаружившими труп, службой скорой помощи, полицией, следователями. В случаях, имеющих большой общественный резонанс, на место преступления пытаются проникнуть журналисты, сотрудники телекомпаний и, конечно, должностные лица высоких чинов, чтобы быть запечат-

ленными для вечернего выпуска новостей. Таким образом, сохранность места преступления сильно страдает как из-за привнесения или перемещения предметов, так и вследствие уничтожения (привнесения) следов обуви, ног и рук. Так, автор неоднократно находил на местах преступлений окурки сигарет и стаканчики с кофе, оставленные полицейскими, резиновые перчатки, брошенные врачами скорой помощи.

Порядок работы оперативной группы из дактилоскопической лаборатории крими-

налистической службы полиции Израиля на месте преступления описан в «Десяти заповедях», выработанных на основе многолетнего коллективного опыта.

1. Получение подробной актуальной информации о преступлении.

2. Удаление с места преступления всех посторонних лиц, включая следователей и начальников различных рангов. В случае необходимости по периферии места преступления выставляется полицейский патруль.

3. Проведение летучки – обсуждение вопросов: с чем мы имеем дело, каков предполагаемый сценарий преступления, план работы. Распределение обязанностей.

4. Определение «чистого» места – части места преступления, не подлежащего детальному обследованию, и где можно расположить оборудование. Это может быть, например, лестничная клетка, часть комнаты, подоконник и т. п.

5. Составление плана квартиры (помещения) с обязательным указанием расположения дверей и направления их открытия (внутри или наружу). Ориентирование по сторонам света – например, спальня детская, северная стена.

6. Фотосъемка места происшествия, начиная с панорамного снимка здания с противоположной стороны улицы и кончая перекрывающимися снимками коридоров и комнат.

7. Фотосъемка, изъятие и опись вещественных доказательств, которые предполагается доставить в лабораторию для дальнейшего анализа следов рук и ДНК.

8. В случае, если на полу помещения видны потеки крови, попытка выявить следы обуви и ног при помощи реагента Amido Black, специфическим образом окрашивающего белок в темно-синий цвет.

9. Обработка порошками поверхностей, на которых вероятно обнаружение латентных следов рук: черным на основе угля, черным магнитным, серым на основе алюминия и т. д.

10. Обработка стен нингидрином.

Все выявленные при обработке следы фотографируются. На фотоснимке кроме масштабной линейки обязательно должны быть указаны адрес объекта, дата, время, фамилия сотрудника криминалистической службы. Для создания оптимального для фотосъемки освещения используется аппарат Polilight австралийской фирмы Rofin. Перенесение отпечатков на фотобумагу при помощи липких лент практически не

используется. По возвращении в лабораторию фотоснимки записываются на диск, проходят обработку программой Photoshop для удаления шумов и передаются в Национальную базу данных в формате 1 x 1, Jpeg 1000 DPI. В некоторых странах, например в Голландии, разработана система пересылки фотографий следов рук с места преступления непосредственно в базу данных.

При обнаружении видимых следов, предположительно образованных испачканными кровью руками, проводится их проверка на кровь препаратами Kastle-Meyer и Hexagon, а затем берется проба на ДНК с периферии отпечатка. Препарат Hexagon специфичен лишь на человеческую кровь. Проверка двумя препаратами необходима, чтобы избежать «ложноположительной» и «ложноотрицательной» реакции.

Пункты 8 и 10 «Заповедей» нуждаются в пояснениях.

Работа с препаратом Amido Black многоступенчатая. На пол настилают бумажные полотенца. На них распыляют сульфосалициловую кислоту чтобы вызвать денатурацию белков крови. Через четверть часа бумагу убирают. По полу распыляют сам препарат – жидкость темно-синего цвета. Через 5–10 минут препарат смывают большим количеством холодной воды. Воду собирают с пола специальным пылесосом. Пол осушают бумажными полотенцами и при необходимости феном. Лишь затем пол осматривают при помощи Polilight. Следы обуви или босых ног в крови фотографируют, как отпечатки следов рук. Тщательная обработка 10 м² пола может занять несколько часов.

Обработка стен препаратом нингидрин связана с трудностями иного рода. Во-первых, это ядовитое вещество, вызывающее в том числе аллергию дыхательных путей, кашель. Работать с нингидрином можно лишь в специальной маске, закрывающей лицо и глаза и снабженной надежными фильтрами. Во-вторых, это вещество реагирует с аминокислотами крови относительно медленно, что сказывается на времени проявки следов рук. При высокой влажности (осень, дождь, прибрежная зона) первые следы проявляются через полтора-два часа. На следующий день после распыления нингидрина контрастно проявляется большинство отпечатков. Сутки необходимы, поскольку 6–10 часов (в зависимости от времени года и часовой зоны) приходится

на ночь. В темноте химическая реакция замедляется, но повышается контрастность картины. При наличии катализаторов (света, тепла) реакция протекает быстрее, но и фон окрашивается в однородный розовый цвет. Учитывая все сказанное выше, группа работает на месте преступления как минимум два дня. Уместно подчеркнуть, что ни в одной из известных автору криминалистических лабораторий не работают с нингидрином из соображений техники безопасности.

Как известно, нингидрин применяется также для выявления следов рук в крови на пористых поверхностях. Если видимые следы крови изначально присутствуют на стенах помещения, то после проявки следов рук на стенах нингидрином встает очередная сложная проблема: как отличить латентные следы в крови от обычных, потожировых? Оптимального и быстрого решения данной проблемы, видимо, не существует. На практике требуется тестировать проявленные следы на кровь и ДНК уже после их проявки. Результат такого тестирования не всегда надежен. Другой метод определения важных особенностей следов, который в настоящее время находится в стадии разработки, основан на различении оттенков проявленных отпечатков при помощи портативных спектрофотометров. Оперативную ценность данного метода пока трудно оценить.

В ряду методов работы со следами рук на месте преступления особняком стоит распыление паров цианоакрилата. Методика хорошо известна с 80-х годов 20 века и применяется повсеместно, но лишь только в лабораторных условиях. Ограничения применения ее вне лаборатории связаны с высокой токсичностью препарата, который к тому же разделяется на цианид и акрилат при температуре 240 °C. Несмотря на то что ряд фирм (например, Foster + Freeman,

Англия) рекламируют оборудование для работы с цианоакрилатом на месте преступления, автору не известны криминалисты, применяющие это оборудование на практике.

За почти 25-летнюю практику нам приходилось трижды принимать решение о целесообразности использования данного метода в «полевых» условиях. Один раз в кабинке общественного туалета, второй – в ванной комнате отдельной квартиры, третий – когда не удалось демонтировать на месте преступления алюминиевую раму окна. В первых двух случаях помещение изолировалось от окружающей среды липкой пленкой и превращалось практически в камеру для распыления клея. В третьем случае использовался крайне неудачный американский патент Magic Wand (волшебная палочка).

«Волшебная палочка» представляет собой газовый паяльник, на рабочий конец которого насаживается цилиндр с веществом, пропитанным цианоакрилатом. Нагретый паяльник «выплевывает» неконтролируемое облако опасного газа при температуре 375 °C. Работать с данным агрегатом возможно лишь в защитном одеянии и в хорошо проветриваемом помещении.

Описанные методы работы с препаратами Amido Black, нингидрин и цианоакрилат применяются лишь при обследовании мест совершения тяжких преступлений: террористическом акте, убийстве, изнасиловании, вооруженном ограблении, повлекшем человеческие жертвы и т. п. Автор знает по опыту, что израильские методы работы сильно отличаются от тех, что используются в иных странах, включая Россию и постсоветское пространство. Автор надеется, что российские коллеги критически оценят этот опыт и выберут из него подходящие для них приемы.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Геллер Борис Исаакович – майор, ведущий эксперт-криминалист лаборатории отпечатков пальцев отдела криминалистической экспертизы департамента разведки и следственных операций Главного штаба полиции Израиля; e-mail: geller.b@gmail.com.

ABOUT THE AUTHOR:

Boris Geller – Superintendent, lead forensic examiner at the Latent Fingerprints Laboratory, Division of Identification and Forensic Sciences, Investigation and Intelligence Department, Israel Police National HQ; e-mail: geller.b@gmail.com.

Международная научно-практическая конференция Общества судебно-экспертного исследования объектов дикой флоры и фауны

С.А. Смирнова^{1,2}, Г.Г. Омелянюк^{1,2}, С.А. Кузьмин²

¹ Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, Москва 109028, Российская Федерация

² ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», Москва 117198, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлены итоги международной научно-практической конференции Общества судебно-экспертного исследования объектов дикой флоры и фауны, прошедшей 5–9 июня 2017 года в Эдинбурге (Шотландия).

Ключевые слова: международная конференция, судебная экспертиза объектов дикой флоры и фауны, ДНК-анализ объектов дикой флоры и фауны

Для цитирования: Смирнова С.А., Омелянюк Г.Г., Кузьмин С.А. Международная научно-практическая конференция Общества судебно-экспертного исследования объектов дикой флоры и фауны // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Том 12. No 3. С. 122–124.

International Science & Practice Conference of the Society for Wildlife Forensic Science

Svetlana A. Smirnova^{1,2}, Georgii G. Omel'yanyuk^{1,2}, Sergei A. Kuz'min²

¹ The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow 109028, Russian Federation

² Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow 117198, Russian Federation

Abstract. The paper presents the outcomes of the International Science & Practice Conference of the Society for Wildlife Forensic Science that took place June 5–9, 2017, in Edinburgh, Scotland.

Keywords: conference, wildlife forensics, DNA analysis of wildlife evidence

For citation: Smirnova S.A., Omel'yanyuk G.G., Kuz'min S.A. International Science & Practice Conference of the Society for Wildlife Forensic Science. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2017. Vol. 12. No 3. P. 122–124.

Проблема обеспечения экологической безопасности и экологического благополучия как возможности оптимального сохранения и воспроизведения основных живых элементов экосистемы в наиболее благоприятных условиях все больше приобретает наднациональный, международный характер. Это непосредственно относится и к вопросам судебно-экспертного обеспечения деятельности в области охраны дикой природы, которым и была посвящена научно-практическая конференция Общества судебно-экспертного исследования объектов дикой флоры и фауны, прошедшая с 5 по 9 июня 2017 года в Эдинбурге (Великобритания).

Как следует из названия мероприятия, главным его организатором выступило международное объединение «Общество судебно-экспертного исследования объектов дикой флоры и фауны» (Society for Wildlife Forensic Science – SWFS), созданное в Великобритании в ноябре 2009 года. В качестве своей основной задачи Общество декларирует развитие экспертного исследования объектов дикой флоры и фауны как комплексное междисциплинарное исследование, направленное на видовую, групповую и/или индивидуальную идентификацию конкретных биологических особей, а также установление причин их гибели. Построенное на принципе свободного

членства, Общество к настоящему времени объединяет более 80 лабораторий из почти 30 стран мира.

На конференции собрались признанные специалисты среди судебных экспертов, связанных с экспертизой объектов дикой флоры и фауны. Всего в ней приняли участие свыше 230 представителей более чем 30 стран. Мероприятие открыл Роб Огден (Rob Ogden) – президент Общества судебной экспертизы дикой природы. В своем выступлении (фото 1) доктор Огден проанализировал современные тенденции развития экспертизы объектов дикой флоры и фауны как вполне сформировавшегося направления судебно-экспертного исследования, получившего признание и внедренного в экспертную практику многих стран мира. Отдельное внимание было уделено организационным проблемам взаимодействия экспертов данного направления, формированию механизмов распространения передового опыта исследований и подготовке экспертных кадров.

Фото 1. Выступление Роба Огдена
Photo 1. Rob Ogden during his presentation

С приветственным словом выступила депутат парламента Шотландии, секретарь парламентского комитета по окружающей среде, глобальному изменению климата и земельной реформе г-жа Розанна Каннингем (Roseanna Cunningham), которая представила программное обращение от генерального секретаря Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения – СИТЕС (CITES), г-на Джона Скэнлона (John Scanlon).

Всего в рамках пленарного заседания прозвучало 12 докладов, среди которых особенно следует отметить следующие сообщения.

Г-н Бен ван Ренсбург (Ben van Rensburg) – руководитель службы поддержки СИТЕС – представил доклад «Международный консорциум по борьбе с преступлениями против объектов дикой флоры и фауны и роль судебной экспертизы». В докладе была отмечена особая роль СИТЕС как основного международного акта, создающего правовую основу противодействия национальной и транснациональной преступности против охраняемых Конвенцией видов животных. Была подчеркнута роль судебной экспертизы в обеспечении успешной правоприменительной деятельности в данном направлении.

Логическим продолжением выступления г-на ван Ренсбурга стал доклад представителя Всемирной сети мониторинга торговли объектами дикой флоры и фауны (TRAFFIC) г-на Ника Ахлерса (Nick Ahlers). Он отметил эффективность мониторинга нелегальной торговли объектами дикой флоры и фауны, а также их дериватами в целях раскрытия и предотвращения трансграничной преступности. При этом докладчик сделал акцент на значении применения научно обоснованных методов и средств исследования биологических образцов, включая исследование ДНК, которыми располагают современные судебно-экспертные и криминалистические лаборатории.

Тема востребованности возможностей ДНК-анализа объектов дикой флоры и фауны нашла свое отражение и в выступлении д-ра Элеоноры Дормонтт (Eleanor Dormontt), научного сотрудника университета Аделаиды (Австралия) и консультанта Управления ООН по наркотикам и преступности (UNODC). На конкретных примерах д-р Дормонтт показала возможность практического применения в экспертной практике методов анализа ДНК, разрабатываемых в академических институтах.

От имени российских судебных экспертов участников конференции приветствовала директор ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России д. ю. н., профессор С.А. Смирнова. Представленный доклад на тему «Развитие судебной экспертизы в Российской Федерации и ее использование для охраны биоразнообразия» содержал общие характеристики научной разработки проблемы экспертизы объектов дикой флоры и фауны в России, примеры из экспертной практики, а также информацию об образовательных программах данного направления, совместно разработанных и реали-

зуемых ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России и кафедрой судебно-экспертной деятельности Юридического института Российского университета дружбы народов (РУДН). При этом была подчеркнута научная преемственность конференции в Эдинбурге и международной научно-практической конференции «Восток-Запад: партнерство в судебной экспертизе. Совершенствование судебно-экспертной деятельности как фактор обеспечения экологической безопасности и сохранения биоразнообразия», прошедшей в апреле 2017 года в Москве¹.

Наряду с пленарным заседанием важной составляющей конференции явились научные секции по четырем темам.

1. Незаконное, незадекларированное и нерегулируемое рыболовство.
2. Незаконная торговля лесоматериалами.
3. Национальные преступления против объектов дикой флоры и фауны.
4. Транснациональные преступления против объектов дикой флоры и фауны.

На секционных заседаниях выступили представители Великобритании, США, Южной Африки, Австралии, Италии, Зимбабве и других стран. Сообщения были посвящены главным образом проблемам раскрытия и расследования конкретных видов престу-

плений в отношении отдельных биологических видов или популяций. Внимание было уделено и исследованию лесоматериалов в целях выявления нелегального использования охраняемых сортов древесины при производстве мебели, музыкальных инструментов и иных изделий элитарного спроса.

Вторая часть конференции, названная организаторами «научная программа», заняла два дня и была посвящена в основном различным аспектам применения методов и технологий исследования ДНК объектов дикой флоры и фауны. В качестве характерных можно назвать сообщения Альфреда Л. Роса (Alfred L. Roca) «Использование митохондриальной ДНК для установления происхождения африканских слонов и слоновой кости» и Пипер Швенке (Piper Schwenke) «Популяционная идентификация северотихоокеанской корюшки с применением секвенции нового поколения». В ряде выступлений было обращено внимание на особое значение соответствующих баз данных, натурных коллекций и фондов сравнительных образцов и проблеме доступа к ним.

Помимо устных выступлений, на конференции был представлен 31 постерный доклад, тематика которых охватывала все основные аспекты судебно-экспертного исследования объектов дикой флоры и фауны.

В ходе конференции состоялись и заседания руководящих органов Общества судебной экспертизы дикой природы, на которых решались внутренние вопросы организации.

¹ Подробнее о конференции см.: Омелянюк Г.Г., Градусова О.Б., Никулина М.В. Международная научно-практическая конференция «Восток-Запад: партнерство в судебной экспертизе. Совершенствование судебно-экспертной деятельности как фактор обеспечения экологической безопасности и сохранения биоразнообразия // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Том 12. № 2. С. 119–126.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Смирнова Светлана Аркадьевна – заслуженный юрист РФ, д. ю. н., профессор, директор ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, заведующая кафедрой судебно-экспертной деятельности ФГАОУ ВО РУДН; e-mail: info@sudexpert.ru

Омелянюк Георгий Георгиевич – д. ю. н., доцент, заместитель директора ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, профессор кафедры судебно-экспертной деятельности юридического института ФГАОУ ВО РУДН; e-mail: g.omelyanyuk@sudexpert.ru.

Кузьмин Сергей Анатольевич – к. ю. н., доцент кафедры судебно-экспертной деятельности Юридического института ФГАОУ ВО РУДН; e-mail: sakuzmin@gmail.com.

ABOUT THE AUTHORS:

Smirnova Svetlana Arkad'evna – Distinguished Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Full Professor, Director of the RFCFS of the Russian Ministry of Justice, Head of the Department of Forensic Science of RUDN University; e-mail: info@sudexpert.ru.

Omel'yanyuk Georgii Georgievich – Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Director of RFCFS of the Russian Ministry of Justice, Professor of the Department of Forensic Science, Institute of Law, RUDN University; e-mail: g.omelyanyuk@sudexpert.ru.

Kuz'min Sergei Anatol'evich – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Forensic Science of the Institute of Law, RUDN University; e-mail: sakuzmin@gmail.com.

Семинар «Актуальные вопросы экспертизы видео- и звукозаписей» (19–23 июня 2017 г.)

Ф.О. Байрамова

Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, Москва 109028, Российская Федерация

Аннотация. Представлены итоги семинара «Актуальные вопросы экспертизы видео- и звукозаписей», проведенного сотрудниками ФБУ РФЦСЭ и Калининградской лаборатории судебной экспертизы, в которой участвовали эксперты и специалисты судебно-экспертных учреждений Минюста России и других ведомств, в том числе и зарубежных.

Ключевые слова: *судебная экспертиза речи и звука, семинар*

Для цитирования: Байрамова Ф.О. Семинар «Актуальные вопросы экспертизы видео- и звукозаписей» (19–23 июня 2017 г.) // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Том 12. № 3. С. 125–126.

Seminar «Current Issues in Forensic Video and Audio Analysis» (June 19–23, 2017)

Firuz O. Bayiramova

The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow 109028, Russian Federation

Abstract. The paper reports on the outcomes of the seminar «Current issues in forensic video and audio analysis» organized by RFCFS and Kaliningrad Forensic Science Laboratory. Participants included forensic experts and specialists from forensic science organizations of the Russian Ministry of Justice and other national and foreign agencies.

Keywords: *forensic speech and audio analysis, seminar*

For citation: Bairamova F.O. Seminar «Current Issues in Forensic Video and Audio Analysis» (June 19–23, 2017). *Theory and Practice of Forensic Science*. 2017. Vol. 12. No 3. P. 125–126.

Силами сотрудников ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России и Калининградской лаборатории судебной экспертизы (ЛСЭ) Минюста России с 19 по 23 июня 2017 г. на базе отеля «Русь» в Светлогорске (Калининградская область) проведен семинар на тему «Актуальные вопросы экспертизы видео- и звукозаписей».

В работе семинара приняли участие 55 экспертов и специалистов из 22 судебно-экспертных учреждений (далее – СЭУ) системы Минюста, Министерства внутренних дел России, следственного комитета РФ, Центра речевых технологий, компании Acustek Ltd., а также из Азербайджанской Республики и Республики Беларусь.

Семинар открыл начальник ФБУ Калининградская ЛСЭ Минюста России А.Б. Рипомельников. С приветственным словом выступили начальник ФБУ Приволжский РЦСЭ Минюста России В.Н. Пронин, начальник ФБУ Калужская ЛСЭ Д.И. Семёнов, начальник ФБУ Саратовская ЛСЭ Р.Б. Трубицын, представители Центра судебной экспертизы Министерства юстиции Азербайджанской Республики, Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, Следственного комитета России и ЭКЦ МВД России. Заведующая лабораторией судебной экспертизы видео- и звукозаписей ФБУ РФЦСЭ Ф.О. Байрамова и заведующий отделом ФБУ Калининград-

Участники семинара
Seminar participants

ская ЛСЭ С.М. Петров обозначили ключевые моменты научно-методической программы семинара.

В соответствии с программой семинара заслушаны и обсуждены 44 доклада и сообщения по научно-методической или практической экспертной тематике.

Известный эксперт в области речевых технологий для решения экспертных задач к. ф.-м. н. С.Л. Коваль прочел лекцию по теме «Опыт выступления в судебном заседании по вопросам судебной экспертизы видео- и звукозаписей», в которой поделился собственным опытом отстаивания точки зрения на допросе в суде. Он же выступил с лекцией по формантной структуре речи, где подчеркнул необходимость овладения навыком чтения динамических спектрограмм и лингвистами, и акустиками.

В своем выступлении руководитель экспертной службы Acustek Ltd. И.С. Сипаров рассказал об использовании в мировой практике автоматических систем баз данных для решения идентификационных задач, продемонстрировал их применение на примере двух систем, имеющих различные настройки и схемы упорядочивания данных.

В формате круглых столов обсуждались пределы компетенции экспертов по специальностям 26.1 «Исследование продуктов речевой деятельности», 7.1 «Исследование голоса и звучащей речи», а также необходимость привлечения в отдельных случаях экспертов по специальностям 2.1 «Иссле-

дование письменной речи» и 20.1 «Исследование психологии и психофизиологии человека» при решении комплексных задач, вопросы взаимодействия экспертов разных специальностей, имеющих одинаковое базовое образование, и вопросы разграничения компетенции эксперта-лингвиста и правоведа. Были затронуты насущные вопросы производства экспертизы звукозаписей по фонограммам не на русском языке. Рассмотрены основные направления научно-методического развития экспертизы видео- и звукозаписей, лингвистической и автороведческой экспертиз, в том числе предполагающие внесение соответствующих изменений в программы подготовки экспертов. Были обозначены критерии выработки концепции методического подхода при производстве экспертизы видео- и звукозаписей с целью определения монтажа и иных изменений, внесенных в процессе записи или после ее окончания.

Многие доклады и темы семинара, затрагивающие как собственно научно-методические подходы, так и организационные вопросы обеспечения экспертного производства, вызвали острую дискуссию. Решения по ряду из них будут приняты после дальнейшей коллегиальной работы в рамках научно-методических секций СЭУ Минюста России и межведомственной рабочей группы.

Программа семинара была выполнена в полном объеме. Стоит отдельно отметить высокий уровень организации семинара.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Байрамова Фирюза Оруджевна – к. филол. н., заведующая лабораторией судебной экспертизы видео- и звукозаписей ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России; e-mail: firuza_bairamova@mail.ru.

ABOUT THE AUTHOR

Bayramova Firuza Orudzhevna — Candidate of Philology, Head of the Laboratory of Video and Audio Forensics of the RFCFS of the Ministry of Justice; e-mail: firuza_bairamova@mail.ru.

Новые книги по судебной экспертизе и криминалистике

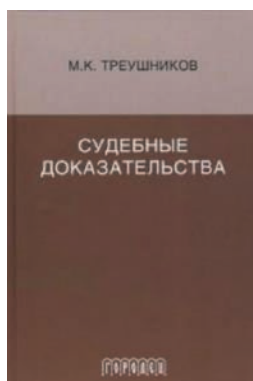
Н.В. Фетисенкова

Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, Москва 109028, Российская Федерация

New Books in Forensic Science & Criminalistics

Natal'ya V. Fetisenkova

The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow 109028, Russian Federation

СУДЕБНЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

М.К. Треушников

5-е изд., доп. М.: Городец, 2017. 304 с.

ISBN 978-5-906815-12-5

Исследованы теоретические и практические проблемы доказывания и доказательств в гражданском и административном судопроизводстве с учетом обновления российского процессуального законодательства, изменений в судебной системе, достижений теории доказательственного права. Рассмотрено значение судебных доказательств как средств достижения верного знания о фактических обстоятельствах дела и обоснования выводов суда в решении, дана их классификация. Показаны современные тенденции развития системы доказательств в связи с обновленным содержанием принципа состязательности.

Изучены отдельные виды доказательств, специфика их оценки судом. Изложены взгляды ученых, высказанные в связи с практикой применения норм ГПК РФ и АПК РФ в течение более десяти лет.

ЗАЩИТА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ [МОНОГРАФИЯ]

О.Я. Баев

М.: Проспект, 2017. 216 с.

ISBN 978-5-392-19331-8, 978-5-392-22926-0

На основе уголовного и уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, правоприменительной практики, решений Европейского суда по правам человека и Конституционного Суда РФ рассмотрены сущность категории «доказательство», основные виды и формы посягательств на доказательственную информацию и доказательства со стороны профессиональных и непрофессиональных участников производства по уголовным делам. Представлена система правовых, организационных и криминалистических средств защиты доказательств на отдельных стадиях уголовного судопроизводства, обоснована необходимость внесения ряда изменений в соответствующие отраслевые законодательства.

О. Г. Дьяконова

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
ОСНОВЫ СУДЕБНОЙ
ЭКСПЕРТОЛОГИИ**

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТОЛОГИИ
[МОНОГРАФИЯ]**

О.Г. Дьяконова
М.: Проспект, 2017. 480 с.
ISBN 978-5-392-24878-0

Дана общая характеристика института судебной экспертизы и судебной экспертизы как деятельности, в том числе с учетом исторического подхода к возникновению, становлению и развитию макроинститута использования специальных знаний. Особое внимание уделено исследованию объектов судебной экспертизы, образцов и проб для сравнительного исследования, а также классификации судебных экспертиз. Рассмотрены вопросы, касающиеся места правовой категории «специальные знания» в системе права и форм их реализации, становления и развития науки о судебной экспертизе – судебной экспертологии.

КРИМИНАЛИСТИКА [УЧЕБНИК]
**Т.В. Аверьянова, Е.Р. Россинская,
Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов**
4-е изд. М.: Норма, Инфра-М, 2017. 928 с.
ISBN 978-5-91768-334-8

Учебник отражает современное состояние и перспективы развития отечественной криминалистики. Это полное изложение всех разделов криминалистики, отвечающее требованиям государственных стандартов высшего профессионального образования по направлению «Юриспруденция» (для бакалавров и магистров права), специальностям «Судебная экспертиза», «Правоохранительная деятельность», «Правовое обеспечение национальной безопасности».

**ЭКСПЕРТНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СЛЕДОВ ОРУДИЙ ВЗЛОМА И
ИХ СИСТЕМАТИЗАЦИЯ [УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ]**

Г.И. Курин, Е.В. Китаев, А.Н. Бардаченко, В.Н. Черниговский
Волгоград: ВА МВД России, 2017. 108 с.
ISBN 978-5-7899-1037-5

Систематизирована информация о разновидностях орудий взлома, рассмотрены классификация следов и механизм их образования. Особое внимание уделено идентификационным признакам, возможности их отображения в следах. Даны методические рекомендации по обнаружению, фиксации и изъятию следов орудий взлома с мест происшествий, их предварительному исследованию. Изложены исходные положения методики экспертных исследований указанных следов.

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СЛЕДОВ ЖИВОТНЫХ
[УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ]**

Приложение к научно-практическому журналу «Энциклопедия судебной экспертизы»

Т.Ф. Одиноккина; под ред. Н.П. Майлис

М.: Энциклопедия судебной экспертизы, 2016. 60 с.

URL: http://www.proexpertizu.ru/evaluation_guidelines/trasa/687/

Проанализированы вопросы назначения и производства трасологических экспертиз следов животных, обобщен опыт их проведения в

экспертных подразделениях правоохранительных органов. Приведены примеры из экспертной практики и иллюстрации особенностей строения ног и зубов различных животных.

ОЧЕРКИ СУДЕБНОЙ БАЛЛИСТИКИ

А.В. Кокин

М.: Юрлитинформ, 2017. 208 с.

ISBN 978-5-4396-1421-9

Автор, имеющий более чем двадцатилетний опыт практической экспертной работы, излагает собственные взгляды на ряд теоретических и практических аспектов судебной баллистики, являющихся дискуссионными либо не получивших однозначного решения до настоящего времени.

СТРЕЛКОВОЕ ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ И ЕГО СЛЕДЫ НА ПУЛЯХ, ГИЛЬЗАХ И ПРЕГРАДАХ ЧАСТЬ 27: 9,0-ММ ПИСТОЛЕТ-ПУЛЕМЕТ «КЛИН» [СПРАВОЧНИК]

И.В. Латышов, И.А. Чулков,

А.С. Копанев, М.А. Оздоев

Волгоград: ВА МВД России, 2016. 64 с.

ISBN 978-5-7899-1025-2

Рассмотрен комплекс вопросов по материальной части 9,0-мм пистолета-пулемета «Клин», а также следам его применения. Особое внимание уделено особенностям проявления следов выстрела на преградах из ткани.

ОЦЕНОЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ [УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ]

Д.А. Березин; под ред. М.В. Маркиной

М.: Юстиция, 2016. 145 с.

ISBN 978-5-4365-0691-3

Издание предназначено для работников органов государственной власти, студентов, аспирантов и преподавателей юридических вузов и факультетов, юристов, а также для читателей, интересующихся вопросами оценочной деятельности.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШЕННЫЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ ПЛАТЕЖНЫХ СРЕДСТВ И СИСТЕМ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Н.В. Олиндер

2-е изд., М.: Юстиция, 2016. 121 с.

ISBN 978-5-4365-1489-5

Рассмотрены особенности оборота электронных платежных средств и систем, проведен анализ их правового регулирования, выявлены пробелы законодательства, способствующие росту правонарушений и преступлений в этой сфере. Дана криминалистическая характеристика и авторская классификация преступлений, совершенных с использованием электронных платежных средств и систем.

**СПОСОБЫ ПОЛУЧЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И ИНФОРМАЦИИ
В СВЯЗИ С ОБНАРУЖЕНИЕМ (ВОЗМОЖНОСТЬЮ
ОБНАРУЖЕНИЯ) ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ [УЧЕБНОЕ
ПОСОБИЕ]**

Под общ. ред. Б.Я. Гаврилова

М.: Проспект, 2017. 160 с.

ISBN 978-5-392-24217-7

Приведены теоретические и правовые аспекты получения доказательств и информации в связи с обнаружением или возможностью обнаружения электронных носителей, в частности кратко рассмотрены генезис и классификация электронных носителей, обозначены проблемы законодательного урегулирования. Обсуждены особенности тактики отдельных следственных

действий, вопросы назначения и производства судебной компьютерной экспертизы. Сформулированы положения, отражающие особенности подготовительного, рабочего и заключительного этапов допроса по делам о неправомерном доступе к компьютерной информации; отдельно рассмотрен предмет допроса. Приведены примеры некоторых тактических приемов допроса.

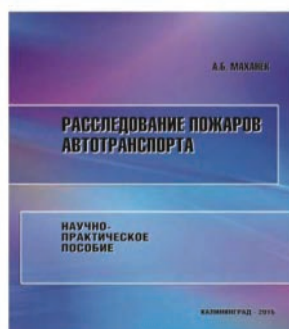
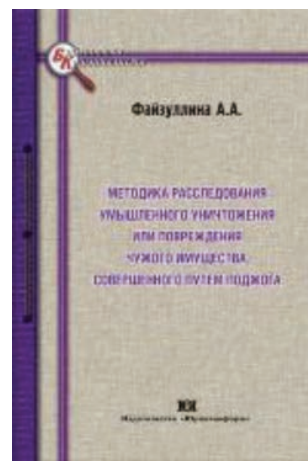
**МЕТОДИКА РАССЛЕДОВАНИЯ УМЫШЛЕННОГО
УНИЧТОЖЕНИЯ ИЛИ ПОВРЕЖДЕНИЯ ЧУЖОГО
ИМУЩЕСТВА, СОВЕРШЕННОГО ПУТЕМ ПОДЖОГА
[МОНОГРАФИЯ]**

А.А. Файзуллина

М.: Юрлитинформ, 2017. 232 с.

ISBN 978-5-4396-1342-7

С позиций современной криминалистической теории и практики рассмотрены наиболее актуальные и проблемные вопросы организации расследования умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества, совершенного путем поджога. Раскрыты особенности криминалистической характеристики поджогов, выявлены взаимосвязи между ее элементами и их значение при ситуационном расследовании преступлений этого вида. Особое внимание уделено изучению типологических особенностей личности поджигателя, а также виктимологических аспектов характеристики жертв поджогов. Проанализированы особенности взаимодействия следователя с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, и другими службами, предложены направления совершенствования форм такого взаимодействия. Исследованы типичные следственные ситуации первоначального и последующего этапов расследования поджогов, разработаны наиболее оптимальные системы следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий в этих ситуациях. Даны рекомендации по совершенствованию тактики проведения отдельных следственных действий и производства экспертных исследований.

**РАССЛЕДОВАНИЕ ПОЖАРОВ АВТОТРАНСПОРТА
[НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ]**

А.Б. Маханек

Калининград: Калининградский филиал Санкт-Петербургского ун-та МВД России, 2016. 68 с.

Рассмотрены актуальные проблемы расследования поджогов автотранспортных средств, способы совершения данного правонарушения, особенности формирования и фиксации следов поджога. Даны практические рекомендации по проведению отдельных следственных действий, использованию специальных

знаний при расследовании поджогов автотранспорта, исследованы технические причины пожаров. Теоретические положения и практические рекомендации направлены на совершенствование методики расследования поджогов автомобилей, повышение эффективности взаимодействия органов, расследующих преступления указанной категории.

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ ПРИЧИН ОБРАЗОВАНИЯ ДЕФЕКТОВ САНИТАРНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ НА ОСНОВЕ КОМПОЗИЦИОННЫХ МАТЕРИАЛОВ

И.В. Прокопович, В.В. Яценко

Минск: Право и экономика, 2016. 41 с.

ISBN 978-985-552-547-0

Приведены сведения об особенностях технологии изготовления санитарно-технических изделий на основе композиционных материалов, предложен алгоритм исследования таких изделий как объектов экспертизы полимерных материалов и из-

делий из них. Дефекты классифицированы на производственные и эксплуатационные. Предложенные методические рекомендации позволят восполнить информационный пробел в данной области, будут способствовать объективизации экспертных решений, обеспечению научной достоверности в экспертизе композиционных полимерных материалов и изделий из них.

ИНФОРМАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ПИСЬМО ОБ ИЗУЧЕНИИ ВОЗМОЖНОСТИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ВОЛОКОН ЭКСПЛУАТИРУЕМЫХ ТЕКСТИЛЬНЫХ ИЗДЕЛИЙ ПО СПЕКТРОФОТОМЕТРИЧЕСКИМ ХАРАКТЕРИСТИКАМ ДЛЯ РЕШЕНИЯ ЭКСПЕРТНЫХ ЗАДАЧ

А.З. Малинникова, И.П. Ахрамович,

А.А. Ивашкевич, Д.Е. Кузменков

Минск: Право и экономика, 2017. 25 с.

ISBN 978-985-552-623-1

Приведены сведения об обратимых и необратимых изменениях волокон текстильных изделий под влиянием факторов, наиболее часто встречающихся в криминальных ситуациях. Данная информация позволит осуществлять экспертную дифференциацию единичных окрашенных волокон по групповым признакам объективно, наглядно, с высокой точностью.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ НЕЗАКОННОЙ ОХОТЫ [МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ]

А.А. Рытков, В.А. Светочев

Калининград: Калининградский филиал

Санкт-Петербург. ун-та МВД России, 2016. 40 с.

В работе представлены методические рекомендации, связанные с особенностями использования специальных знаний по делам о незаконной охоте.

**АВТОТЕХНИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА
[СПРАВОЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ]**

Б.М. Тишин

М.: Инфра-Инженерия, 2017. 252 с.

ISBN 978-5-9729-0193-7

Рассмотрены как уже известные, так и новые методики производства автотехнических экспертиз; проанализированы их выбор и правильность применения. Приведены нормативные и справочно-информационные материалы. Методики изложены в последовательности выполнения автотехнической экспертизы. Рассмотрен вопрос установления расчетным путем основных параметров движения транспортных средств, влияющих на механизм дорожно-транспортного происшествия (ДТП), что позволяет установить виновность или невиновность участников происшествия. Обсуждаются новые подходы решения экспертных задач при маневрах транспортных средств и установлении лиц, находящихся в салоне транспортного средства в момент ДТП.

Оформить заказ на книгу можно на сайте издательства «Инфра-Инженерия» <http://www.infra-e.ru>. Справки по тел.: 8-800-250-66-01 (звонок по России бесплатный).

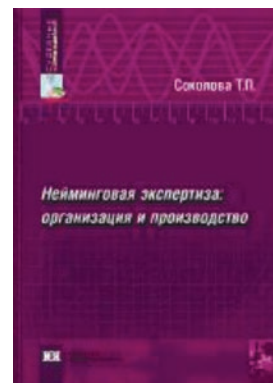
**НЕЙМИНГОВАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ОРГАНИЗАЦИЯ И
ПРОИЗВОДСТВО**

Т.П. Соколова

М.: Юрлитинформ, 2016. 208 с.

ISBN 978-5-4396-1097-6

Обсуждены проблемы нейминговой экспертизы – нового вида судебной лингвистической экспертизы по делам о защите личного имени гражданина, авторского имени или псевдонима, неймов как интеллектуальной собственности. На примерах из судебной практики рассмотрены вопросы организации и производства экспертизы наименований.

ИНФОРМАЦИЯ О СОСТАВИТЕЛЕ

Фетисенкова Наталья Викторовна – редактор первой категории отдела организационно-правового и информационного обеспечения производства экспертиз ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России; e-mail: oopio@sudexpert.ru.

CONTRIBUTING EDITOR

Fetisenkova Natal'ya Viktorovna – first category editor, Department of Legal and Information Support of Forensic Operations, RFCFS of the Ministry of Justice of the Russian Federation; e-mail: oopio@sudexpert.ru.

Справочная информация

Петербургский международный экономический форум (ПМЭФ) 2018 года состоится в период с 24 по 26 мая 2018 г. в Санкт-Петербурге на площадке конгрессно-выставочного центра «ЭКСПОФОРУМ».

Петербургский международный экономический форум – ежегодное деловое российское мероприятие в экономической сфере. Организатором форума выступает Правительство Российской Федерации.

ПМЭФ – один из крупнейших мировых экономических форумов, проводится при поддержке Президента Российской Федерации. Это значимое деловое событие, в котором участвуют главы государств и правительств, руководители международных компаний и организаций, ведущие мировые эксперты и лидеры средств массовой информации.

ПМЭФ представляет уникальную возможность прямого диалога представителей власти, бизнеса и экспертного сообщества. Это открытая дискуссионная площадка для всех, кто готов к конструктивному и плодотворному обмену мнениями и идеями по вопросам мировой и российской глобальной экономической повестки.

ПМЭФ – ведущая коммуникационная платформа для обсуждения экономических вопросов, объединяющая участников со всего мира.

SPIEF Investment & Business Expo – выставки в рамках Форума, на которых российские регионы могут продемонстрировать международной аудитории свой инвестиционный потенциал и конкретные проекты, а компании – технологии, продукты и решения для развития бизнеса.

Для участников ЕСМЭФ запланирована обширная культурная и спортивная программа.
Официальный сайт Форума – <https://forumspb.com/ru>

ВНИМАНИЕ!

НОВЫЕ ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

КОМПЛЕКТНОСТЬ

В редакцию в электронном виде должны быть предоставлены:

- Отсканированная копия сопроводительного письма с места работы (учебы) автора.
- Отсканированный текст статьи, подписанный всеми авторами.
- Файл с текстом статьи.
- Аннотация (120–250 слов) и ключевые слова.
- Сведения об авторах.

ПОДГОТОВКА СТАТЕЙ

Рукопись должна соответствовать следующим требованиям:

- Статья ранее не публиковалась, а также не представлена для рассмотрения и публикации в другом журнале.
- Оригинальность текста статьи более 75 %.
- Текст статьи представлен в формате документа OpenOffice, Microsoft Word, RTF или WordPerfect.
- Приведены полные интернет-адреса (URL) для ссылок (там, где это необходимо).
- Текст соответствует всем приведенным ниже требованиям оформления статей.

СТРУКТУРА И ОФОРМЛЕНИЕ СТАТЬИ

На первой странице печатается заголовок статьи, инициалы и фамилии авторов, затем под цифровыми индексами для каждого автора указывается место работы/учебы. Ниже идут аннотация и ключевые слова.

Изложение материала статьи должно быть ясным, лаконичным и последовательным. Статья должна быть структурирована и включать рубрики: введение, материалы и методы исследований, результаты исследований и их обсуждение, выводы, благодарности (если есть необходимость; в этом разделе дается информация о финансовой поддержке работы), список литературы. Произвольная структура допустима для теоретических и обзорных статей, но они также должны содержать аннотацию и ключевые слова. Страницы публикации должны быть пронумерованы (расположение – нижний колонтитул, середина страницы).

Текст набирается шрифтом Times New Roman 14-м кеглем через 1,5 интервала, с отступом абзацев 1,25 см. Поля страницы А4: верхнее и нижнее по 2 см, слева – 2,5 см и справа – 1,5 см. Для выделения используется курсив; все иллюстрации, графики и таблицы расположены в соответствующих местах в тексте, а не в конце документа. Объем статьи не должен превышать 20 страниц (включая список литературы, таблицы и рисунки).

Фамилии иностранных авторов приводятся в тексте статьи на русском языке, при этом в скобках следует дать оригинальное написание фамилии. Например: по мнению французского криминалиста А. Бертильона (A. Bertillon).

В тексте ссылка на цитируемый источник приводится в квадратных скобках с указанием его порядкового номера. При наличии нескольких источников они перечисляются в порядке возрастания номеров через запятую, например [3, 5, 8], а если номера идут подряд, то через тире: [3–7]. При ссылке на конкретные страницы источника они приводятся после цифровой ссылки, например: [1, с. 5], [5, с. 10–12]. В тексте должны присутствовать ссылки на все источники, приводимые в списке литературы.

Если сведения о нормативно-правовых актах полностью приводятся в тексте (т. е. полное название закона/кодекса, дата принятия, номер: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»), то ссылки на них не даются.

При необходимости используются подстрочные ссылки со сквозной нумерацией (арабские цифры) по всему тексту.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Источники в списке литературы располагаются в порядке их цитирования в тексте. При повторном цитировании источника он приводится под уже присвоенным номером.

В списке литературы приводятся опубликованные работы, имеющие автора(ов), т. е. авторские статьи (доклады, тезисы), книги. Нормативно-правовые акты, архивные документы, «неавторские» интернет-источники, статистические сборники и пр. указываются в постраничных сносках и в списке литературы не дублируются.

При наличии у публикации Doi (Digital object identifier – уникальный цифровой идентификатор в системе CrossRef) он также приводится.

Ссылки на неопубликованные или находящиеся в печати работы не допускаются.

При цитировании статей, опубликованных в российских журналах и при этом имеющих переводные версии на английском языке, желательно указывать выходные данные англоязычных версий.

Ссылки в списке литературы оформляются следующим образом:

1) **Статья в журнале.** Автор(ы) (фамилия, инициалы). Название статьи // Журнал. Год. Том (Т. или Vol.). Номер (№ или No). Страницы от–до. Doi.

2) **Книга.** Автор(ы) (фамилия, инициалы). Название. Город: Издательство, год. Общее количество страниц.

3) **Статья в сборнике.** Автор(ы) (фамилия, инициалы). Название статьи // Название сборника / Под ред. (Eds.) Инициалы и фамилия. Город: Издательство, год. Страницы от–до.

4) **Тезисы докладов (материалы) конференции.** Автор(ы) (фамилия, инициалы). Название публикации // Название сборника тезисов (как на обложке или титуле сборника). Город: Издательство, год. Страницы от–до.

5) **Автореферат диссертации.** Автор (фамилия, инициалы). Название: автореф: дис. ... канд. (докт.) юрид. наук. Город, год. Общее количество страниц.

7) **Электронная публикация.** Автор(ы) (фамилия, инициалы). Название публикации // Название источника. Год. URL: <http://www...> (дата обращения: дд.мм.гггг).

Если авторов больше 15, то приводятся фамилии и инициалы только первых трех (Сидоров С.С., Иванов И.И., Петров П.П. и др.; Smith A.B., Jones J.J., Brown R.S. et al.).

При указании журнала следует приводить его принятое сокращенное название (Бюллетень Московского общества испытателей природы – Бюл. МОИП, Journal of Biochemistry – J. Biochem.); то же касается и городов (Москва – М., New York – N.Y.).

ФОРМУЛЫ, ТАБЛИЦЫ, РИСУНКИ

Нумерация формул (сплошная по всей статье) указывается в скобках цифрами (1, 2 и т. д.) с правой стороны. Нумеруются только формулы, на которые есть ссылки в тексте.

Число таблиц, рисунков и фотографий должно быть минимальным (не более пяти суммарно, каждая не более половины листа А4). Не допускается представление одних и тех же материалов в табличной и графической форме. Подписи к рисункам и фотографиям, содержащие расшифровку условных обозначений, приводятся не на самих иллюстрациях, а на отдельной странице в конце рукописи. Они должны быть информативными и понятными без прочтения статьи. Рисунки и таблицы должны иметь порядковый номер, который указывается при ссылке на них в тексте статьи (пример: рис. 1, табл. 2). Если в статье только один рисунок (или одна таблица), то слово «рисунок» («таблица») при ссылке на него в тексте не сокращается и не нумеруется.

Графические иллюстрации и фотографии (желательно черно-белые!) представляются в формате TIFF с разрешением не менее 300 точек на дюйм. В диаграммах предпочтительно использовать заливку черно-белой гаммы разной плотности или контрастную штриховку.

Все статьи рецензируются. Присланные материалы обратно не возвращаются. Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, представленных к публикации. Авторы могут присылать свои материалы по электронной почте journal@sudexpert.ru.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

Индекс УДК: 343 977
Объем издания: 7,90 уч. изд. л.
Подписано в печать: 6.10.2017
Тираж 200 экз.